

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Дальневосточный государственный университет»

На правах рукописи

БАРБЕНКО ЯРОСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Крестьянское расселение в Приморской области
как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в.

07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Э. В. Ермакова

Владивосток – 2010

<http://www.ojkum.ru/>

О г л а в л е н и е

Введение	3
Глава 1. Исторические и природные условия крестьянского расселения ...	28
1.1. Утверждение России в Приамурье как предпосылка крестьянского расселения на Нижнем Амуре и в Уссурийском крае	28
1.2. Естественные условия развития земледельческого хозяйства на территории южной части Приморской области.....	41
1.3. Земли юга Приморской области во второй половине XIX в. как объект сельскохозяйственного освоения.....	63
Глава 2. Социетальные факторы крестьянской колонизации Приморской области второй половины XIX в.	84
2.1. Развитие путей сообщения в связи с крестьянской колонизацией	84
2.2. Административно-территориальное деление Приморской области и особенности управления крестьянским краем	95
2.3. Политика водворения крестьянства	116
Глава 3. Расселение и водворение русского крестьянства в Приморской области второй половины XIX в.	139
3.1. Периодизация расселения	139
3.2. Размещение крестьянства	148
3.3. Водворение крестьянских хозяйств.....	165
Заключение	199
Список использованных источников и литературы	206
Приложение I. Распределение земель Приморской области по категориям ценности для первоначального освоения	220
Приложение II. Крестьянские волости в Приморской области второй половины XIX в.	242
Приложение III. Соотношение крестьянского расселения и природных условий в Приморской области второй половины XIX в.	245
Приложение IV. Водворение крестьян в Приморской области.....	265
Приложение V. Соответствие исторических и современных названий географических объектов Приморской области	276

Введение

Актуальность темы исследования. Современность предъявляет Дальнему Востоку России серьёзный вызов, состоящий в катастрофической динамике сокращения населения, это влечёт оправданную тревогу за судьбу окраинных территорий в составе нашей страны. В качестве решения этой проблемы не так давно выдвигались проекты переселения на Дальний Восток русских-выходцев из стран СНГ, что обостряет интерес к опыту русской колонизации восточных окраин страны в прошлом.

Начиная с рубежа 50 – 60-х гг. XIX в. одной из основных задач русской администрации в новоприобретённом амуро-уссурийском крае было насыщение подведомственных территорий населением лояльным, способствовавшим бы экономическому развитию Приамурского края. В условиях низкой плотности русского населения Сибири и соседства России на Дальнем Востоке с потенциально сильными, а главное густонаселёнными, соперниками – Китаем и Японией, в качестве массового «колониционного элемента» могли выступить только переселенцы из западных частей империи. В 60 – 70-х гг. в качестве благонадежного земледельческого населения приморская и восточно-сибирская администрация рассматривали беженцев из сопредельного Корейского королевства. Однако отношение русских властей к корейским переселенцам было неоднозначным, изменяясь в зависимости от политической обстановки на Дальнем Востоке в целом¹. Таким образом, реальной альтернативы в качестве политически лояльного и экономически полезного «колониционного элемента» переселенцам из центральных губерний России во второй половине XIX в. и далее не существовало.

История исследований, посвящённых проблемам русской колонизации Дальнего Востока, имеет свои достижения – описаны и проанализированы масштабы переселения, рассмотрены особенности социально-экономического развития заселяемого региона, дана политическая и военная оценка присоединению Приамурья к России. Однако многое ещё не описано, многие стороны

русской колонизации Дальнего Востока ждут своей оценки. К таким вопросам принадлежит и расселение русских крестьян по Приморской области второй половины XIX в. Долгое время, говоря о колонизации, исследователи имеют в виду переселение какого-то числа людей из одних мест в другие. Не оспаривая подобный подход, отметим, что в целях более глубокого изучения дальневосточного переселения необходимо подробное рассмотрение собственно процесса расселения крестьян по области, оседания их в избранных местах. Такой подход подразумевает анализ природных условий расселения и водворения, несвойственных дальневосточной историографии русской крестьянской колонизации.

Степень изученности вопроса. Проблема крестьянского расселения и связанные с ней вопросы, как коренные в условиях изучаемого периода, попадают в сферу внимания исследователей практически с самого начала процесса русской колонизации Приамурья. Это позволяет отсчитывать исследовательскую традицию по крайней мере с 50-х гг. XIX в. Начиная с этого времени можно выделить три качественно разнящихся периода развития историографии проблемы расселения крестьянства на юге Приморской области: 1) *дореволюционный* (середина 50-х гг. XIX в. – начало 20-х гг. XX в.); 2) *советский* (20-е – 80-е гг. XX в.); 3) *постсоветский*, или современный период (с начала 90-х гг. XX в. по сей день). В рамках советского времени исследований можно выделить три этапа: а) 20 – 40-х гг., время радикального пересмотра достижений дореволюционной традиции, поиска новых подходов, кризиса исторического знания в связи с гонениями на академическую среду; б) 50 – 60-х гг., время выработки нового видения истории русской колонизации, свойственного советскому периоду в целом; в) 70 – 80-х гг., время концентрации исторического поиска на вопросах социально-экономического аспекта переселения.

Первый период может быть определён как время «стихийных» и универсальных исследований. Стихийность исследования истории крестьянского заселения (и вообще истории Дальнего Востока) на данном этапе определяется и тем, что в процесс были вовлечены непрофессиональные историки, и тем, что

не существовало никаких программ и планов исследования². Отсюда – вторая черта, универсальность: исследованиями занимались как правило свидетели и участники самого процесса заселения и результаты их работы сегодня могут восприниматься и как исследования, и как источники по проблеме. К таким можно отнести сочинения Р. К. Маака, К. И. Максимовича, Н. М. Пржевальского, А. Ф. Будищева и др.³ Данные работы в первую очередь посвящены вопросам географического исследования территорий. Вместе с тем, указанные авторы одними из первых делают обобщения в области крестьянской колонизации. Наибольшей ценностью в этом отношении обладает работа Пржевальского, в которой автор подводит неутешительные первые итоги русской крестьянской колонизации Уссурийского края.

Общее значение в рамках первого периода имеют работы Г. Е. Грум-Гржимайло, П. Ф. Унтербергера, Н. М. Ядринцева, И. П. Надарова, П. М. Головачёва и других⁴, посвящённые описанию региона как целостности в разных аспектах его существования, в том числе и вопросам его заселения. Большая роль этих сочинений состоит в панорамности рисуемой картины жизни области, что позволяет дать оценку расселению и колонизации как аспектам жизни Приморья. В частности, в этих работах подводится итог колониционной политики в Приморской области; конкретная оценка этой политики зависит от воззрений авторов, однако все наблюдатели говорят о недостаточности мер, принимаемых и правительством, и местной властью для решения проблем русского освоения Дальнего Востока.

Наибольшую ценность представляют работы, специально посвящённые проблемам крестьянства на Дальнем Востоке. К ним относятся сочинения Ф. Ф. Буссе, Н. А. Крюкова, А. А. Риттиха, А. А. Меньщикова и др.⁵ К отличительным чертам данных работ следует отнести профессиональный интерес авторов к крестьянству, глубокое знание нюансов переселения и расселения. Это объясняется тем, что профессиональная деятельность данных лиц заключалась в работе с крестьянами, в решении их проблем, в заботах о благополучии их хозяйств. В силу этого обстоятельства описательная и особенно аналитическая

часть работ указанных деятелей обладает высокой степенью глубины и достоверности. До сих пор, на наш взгляд, исследования дальневосточной деревни не вышли за тематические границы, обозначенные трудами упомянутых авторов, что говорит не столько об уровне развития современной исторической науки, сколько о широте и глубине указанных работ. Так, Буссе первым даёт периодизацию крестьянского переселения, которая в общих чертах служит до сих пор; Крюков, опираясь на условия землепользования крестьян, а также на специфику сознания новых дальневосточников, даёт интерпретацию внутренним перемещениям крестьян по Приморской области; Меньщиков выявляет экономические районы, сложившиеся в результате расселения русского крестьянства в разнообразных природных и социальных условиях Приморской области.

Итак, к характерным признакам первого периода в исследовании проблем крестьянского расселения в Приморской области второй половины XIX в. относятся панорамный взгляд на проблему, знание вопросов переселения так сказать «изнутри», формулирование многих положений, имеющих объяснительную силу и по сей день. Начальный период историографии изучаемого вопроса по-настоящему уникален, поскольку мы в данном случае имеем дело с практиками переселения, чаще всего это лица высокого положения, имеющие широкий доступ к информации.

Второй период (20-е – 80-е гг. XX в.) развития исследований, посвящённых крестьянскому расселению в Приморской области, связан с переоценкой результатов и достижений уже сложившегося опыта колонизации, а также с разработкой новых аспектов переселения и расселения русского крестьянства на юге Дальнего Востока. Этот период исследований является наиболее сложным, в немалой степени в связи с активным вмешательством политических интересов в исследовательский процесс.

Переоценка хода и итогов колонизации дореволюционного времени характерна главным образом для традиции 20 – 30-х гг. XX в., что связано с политическими и методологическими поисками новой советской историографии. Новация этого времени – организация и планирование исследований⁶. Если на

предыдущем этапе изучения акцент делался на успехах колонизации (при прагматичном учёте недостатков), то с 20-х годов разворачивается негативная критика царистской практики переселения⁷, постепенно нарастающая в течение 30-х и 40-х годов, заканчиваясь на подлинно публицистической ноте⁸.

Прежде чем исследования в области расселения и вообще судеб приморского крестьянства в XIX в. сошли на нет в связи с разгромом академической науки на Дальнем Востоке, исследовательская традиция пополнилась несколькими достижениями. Во-первых, это серия трудов А. П. Георгиевского «Русские на Дальнем Востоке», в которой опыт расселения на Дальнем Востоке был переосмыслен с этнических позиций⁹ (что было несвойственно дореволюционным подходам). Кроме того, следует указать на работу В. К. Арсеньева и Е. И. Титова «Быт и характер народностей Дальневосточного края»¹⁰. В этом сочинении авторы охарактеризовали опыт русской колонизации Дальнего Востока с позиций этнических стереотипов поведения, влияющих на опыт приспособления разных народов к условиям Приморской области. Во-вторых, в связи с текущими задачами колонизации Приморья Л. Чарнецким и другими разрабатывались приёмы прагматического анализа опыта прошлого переселения¹¹. В-третьих, к данному времени относится, наверное, первая попытка системной полидисциплинарной (исторической, экономической, этнографической, географической) интерпретации расселения человека в Приамурье, реализованная В. К. Арсеньевым в неоднозначно встреченной современниками работе «Колонизационные перспективы Дальнего Востока»¹².

Для традиции 50 – 60-х гг. XX в. можно отметить уникальное для второго этапа обращение к сюжетам переселения и расселения крестьян. Работы К. Ф. Шергиловой, Н. И. Рябова и М. Г. Штейна, С. А. Уродкова, И. И. Бартковой, Н. К. Кольцовой посвящены вопросам переселения и расселения крестьян¹³. И. И. Барткова в своих исследованиях делает особый упор на пространственное размещение населения, её перу принадлежит первая в советской историографической традиции периодизация переселенческого процесса на Дальний Восток. Дальневосточная проблематика, связанная с крестьянским расселе-

нием, в работах В. В. Покшишевского¹⁴, предвосхитила сочинения И. И. Бартковой. В работах этих географов впервые была проанализирована структура русского расселения на территории Приморской области, хотя предпосылки сделанных выводов можно наблюдать уже у Рябова и Штейна. Было указано на ярусный принцип размещения русского сельского населения Дальнего Востока: приграничные территории заселялись казачеством, а удалённые от границы места подлежали крестьянскому заселению.

Особое место в контексте исследований, связанных с расселением русских крестьян по территории Приморской области занимает научное творчество Н. К. Кольцовой. Подход, положенный в основу её работы «Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции»¹⁵, так и не получил развития в рамках советского периода. Упомянутая статья посвящена вопросам переселения и начального устройства крестьян в южной части Приморской области – Уссурийском крае. В частности, были рассмотрены такие сюжеты, как первый опыт политики водворения в области в 50-х – начале 60-х гг. XIX в., законодательное оформление переселения, изменения его в течение второй половины XIX – начала XX вв., география крестьянского расселения, организация землеустроительных работ и водворения крестьян, порядок крестьянского землепользования, темпы хозяйственного обустройства крестьян на новых местах. Масштаб статьи не позволил автору полностью раскрыть содержание указанных явлений, однако можно сказать, что Н. К. Кольцова впервые в советской традиции системно подошла к вопросу исследования расселения и водворения русских крестьян в Приморской области. Вместе с тем, необходимо отметить, что этот вопрос неразделимо слит у данного автора с проблематикой переселения, особенно в части нормативов и организации переселения и водворения.

Наконец, переселенческий и колонизационный опыт Дальнего Востока был осмыслен в широком общесибирском контексте в рамках проекта «История Сибири с древнейших времён до наших дней»¹⁶, причём по охвату сюжетов, связанных с переселением, «История Сибири», подготовленная в 60-х гг., шире,

чем «История Дальнего Востока», подготовленная в 80-х. Так, в «Истории Сибири» более определённо прослеживается тематика водворения и расселения, рассматривается специфика расселения групп населения в зависимости от времени прибытия на Дальний Восток.

Отрезок 70 – начала 90-х гг., характеризующийся собственным подходом к изучению проблемы расселения крестьянства по просторам Приморской области в XIX в. Можно сказать, что исследователи, относящиеся к данному этапу (это в первую очередь Ю. В. Аргудява, Ю. Н. Осипов, О. И. Сергеев и др.), подхватили знамя Георгиевского в отношении анализа этнических миграций и размещения населения на национальной основе¹⁷. Именно в этот период особо пристальное внимание уделяется рассмотрению мест выхода переселенцев, намечается попытка этнического анализа русской колонизации Дальнего Востока. Сходные, но в более широком контексте, задачи решаются авторами монографии «Русские старожилы Сибири»¹⁸. Правда, в главе «Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX в.», использован, надо полагать, главным образом забайкальский материал: «Большие партии переселенцев основывали свои селения, а небольшие – приселялись к уже существующим селениям»¹⁹. В Приморской области, а точнее – в Южно Уссурийском крае, механизм основания селений был несколько иным: и большие, и малые партии переселенцев вполне могли быть основателями селений.

Особое место в ряду исследовательских подходов занимает работа Л. В. Даниловой и Е. Л. Дятел, отличающаяся широтой осмысления ситуации, введением в практику дальневосточных исследований перспективного понятия «пионерное освоение»²⁰, которое позволяет с большей точностью видеть специфику разных периодов истории русского Дальнего Востока. К традиции изучения крестьянской колонизации можно отнести и историко-географические исследования, посвящённые вопросам изменения природы в исторический период, в том числе и под влиянием человека и зависимости расселения от природных и иных условий²¹. Необходимо отметить разработки А. А. Степанько, связанные с анализом освоения земель в связи с их сельскохозяйственными

возможностями²². Эти интересные исследования призваны прочно «привязать к земле» расселение крестьян – анализ расселения произведён в рамках анализа почвенных условий Приморского края.

Особое место в рамках изучаемого отрезка истории крестьянских исследований занимает научное творчество В. М. Кабузана, вскрывающее многие аспекты переселения и расселения на Дальнем Востоке²³. В своих работах автор приводит серьёзный объём исходных данных, объективно характеризующих описываемые им процессы. «Дальневосточный край» В. М. Кабузана включает наиболее полный из всех известных автору настоящей диссертации список крестьянских селений, основанных в XIX в., чего нельзя сказать о селениях XX в.

На последний отрезок обсуждаемого периода приходится выход нескольких заметных изданий, подводящих своеобразную черту под вторым периодом изучения проблемы крестьянского расселения. В первую очередь это обобщающая работа «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма»²⁴. В рамках этого издания была сделана попытка обобщения опыта исследования истории сибирского, и в том числе дальневосточного, крестьянства. Как исследование вопросов расселения и водворения данное издание заметно уступает «Истории Сибири», обращая внимание читателя только на смежные проблемы переселения. Основное же внимание уделяется вопросам формирования капиталистических отношений в сибирской деревне. Принципиальным для дальневосточной исторической науки в целом было издание коллективного труда «Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв.» и второго тома «Истории Дальнего Востока СССР»²⁵. Материалы данных работ, посвящённые изучаемому вопросу, воплощают собой все достоинства и недостатки своего времени, суть которых заключается в подробной разработке вопросов социально-экономического развития в ущерб другим сферам жизни крестьян. В частности, обращая особое внимание на переселение, авторы указанных сочинений не видят проблемы водворения в качестве самостоятельных и значимых вопросов.

Как видно, тематика исследований, связанных с изучением процесса расселения крестьян по Приморской области второй половины XIX в., на протяже-

нии второго периода чувствительно изменялась, что, вероятно, связано с ситуацией общей историографической доктрины данного периода. В 60-е гг. «основные силы» историков Дальнего Востока были «брошены» на изучение партийной истории²⁶. На 70-е гг. приходится рост интереса к проблематике русского освоения Дальнего Востока²⁷, но, к сожалению, понятие «первоначального заселения», существовавшее для древнейшей истории, не использовалось для описания присутствия русских на крайнем востоке Евразии в XIX в.²⁸, что и сказалось на специфике исследовательского подхода.

Третий период развития исследований крестьянского расселения на юге Приморской области в XIX в. начинается со времени либерализации общественной мысли нашей страны, в начале 90-х гг. XX в., что сопровождалось ликвидацией управления развитием исторической науки; таким образом, для последней открылась перспектива тематически свободного, широкого развития, что и было реализовано уже в 90-х гг. Так, расширяется круг исследователей, занимающихся вопросами переселения и расселения²⁹, выделяется в особую отрасль изучение политики, связанной с переселением и устройством новосёл на местах³⁰, ставится вопрос о самом понятии крестьянской колонизации³¹. В рамках демографических исследований формулируется представление о начальном периоде заселения³², часть которого приходится на изучаемый период, проясняется его природа, указывается его место в череде макроэтапов русского заселения Дальнего Востока.

Одновременно с новыми кадрами продолжают работать представители старой школы, в рамках которой можно наметить: а) традиционное направление, представленное исследованиями Ю. Н. Осипова, М. С. Сергейко³³, чьи работы посвящены проблематике социально-экономического развития, становления и развития капиталистических отношений в деревне; б) развивающееся – работами Ю. В. Аргудяевой, Л. Е. Фетисовой и др.³⁴ Последние открыли в современной историографии крестьянства на Дальнем Востоке новое направление – адаптация переселяющегося крестьянства к непривычным природным и социокультурным условиям³⁵. Как таковая эта проблема не нова, однако в со-

ветское время ей уделялось исключительно мало внимания, это позволяет сегодня говорить о своеобразном прорыве в данном вопросе. Преемственность с традициями прошлых исследований заключается в отслеживании этнического характера адаптации, внимании к символическим аспектам приспособления к территории и приспособления самой территории к образу, имеющемуся в сознании переселенцев.

В ряду крестьяноведческих работ последних лет особое место занимает сочинение В. Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа»³⁶. Как целое работа посвящена положению крестьянства России и вопросам переселения в столыпинское время, тем не менее автор использует материалы, отчасти относящиеся и к XIX веку. Специфической чертой данного исследования является то, что автор выделяет в качестве объектов, достойных *особого* рассмотрения такие аспекты переселения, как водворение переселенцев по районам, устройство переселенцев на местах поселения (глава IV, «Переселение за Урал»). В приложение к дальневосточному материалу В. Г. Тюкавкин впервые с 20-х гг. для обозначения одной из фаз переселения использует термин «водворение», принятый в русской исследовательской традиции досоветского времени и немарксистской традиции раннего советского времени.

Активно развивается краеведческое направление исследований крестьянского переселения и расселения³⁷. В целом многим из этих изданий не хватает исследовательской самостоятельности. Среди краеведческих сочинений особо следует выделить детальную работу Ю. Тарасова, посвящённую истории города Артёма и тех селений, из которых он вырос. Однако и этому сочинению присущи особенности существующей исследовательской традиции в области истории крестьянства: автор, представляя данные о вселении в целом, не останавливается на водворении как таковом.

Продолжает развиваться географическое направление исследований, посвящённых переселениям на Дальний Восток³⁸. Авторы этого направления не останавливаются собственно на крестьянстве, однако результаты их исследований вполне органично могут быть вписаны в общий контекст исторических ис-

следований проблем крестьянского расселения на юге Приморской области второй половины XIX в. В работах авторов данного направления разрабатываются вопросы устройства пространства и специфики природных условий в контексте исторического процесса, а также возможностей взаимодействия среды и общества на Дальнем Востоке.

Итак, текущий период развития исследований крестьянского расселения на Дальнем Востоке представляет большой спектр подходов, очерчивает более широкий круг научных работников, чем предыдущий. Кроме того, тематическая свобода, наличествующая на данном этапе, позволяет сравнивать его с первым, дореволюционным. Однако существенная разница заключается в том, что универсальность первого периода была внутренней, так сказать структурной – широта охвата в XIX в. и несколько позже проистекала из того, что исследованиями занимались свидетели и участники описываемых событий. Универсальность же третьего периода не более чем тематическая – исследователи вольны выбирать любую тему, но их взгляд на прошлое будет ограничен тем набором источников, который они имеют в наличии.

Первый период историографии рассматриваемой проблемы ознаменован постановкой вопроса о расселении. Вместе с тем, обобщения этого времени неглубоки, авторы касаются в основном общих вопросов расселения: ареал, плотность, порядок заполнения территорий, причины этого. Но именно в первый период закладывается фактологическая основа исторических исследований по изучаемой проблеме, не исчерпанная до сих пор. Второй период исследований не реализовал свой потенциал в силу отмеченных причин, однако достижения его несомненны – в работах Н. К. Кольцовой и И. И. Бартковой произошёл переход на новый уровень исследований: от простых описаний и очевидных обобщений к попыткам построения многомерного видения картины расселения и водворения. Однако традиция рассмотрения крестьянского расселения как специфического предмета на данном этапе не закрепились. Третий период изучения рассматриваемой проблемы получает «в наследство» от предыдущего непроблематизированность вопроса расселения и водворения крестьян, исследования

этого времени не выходят за рамки, заданные ещё в дореволюционное время.

Обращаясь в целом к истории исследований русской крестьянской колонизации Приморской области во второй половине XIX в., можно сделать ряд заключений. Первое: эта история была очень сложной, в разные её периоды над ней довлели далёкие друг от друга подходы, что проявилось в неравномерной изученности разных вопросов и проблем истории приморского крестьянства. Второе: особым вниманием исследователей пользовались такие основополагающие темы, как крестьянское переселение на Дальний Восток и в Приморскую область в частности, управление переселением; становление сельского хозяйства на новоосваиваемых землях; социальная дифференциация в среде переселенцев, её влияние на социальное и экономическое развитие приморской деревни; хозяйственная и социально-психологическая адаптация русских переселенцев, главным образом крестьян, к неродным местам и новым условиям быта и труда. С традиционной точки зрения эти сюжеты полно и последовательно описывают прошлое крестьянского Приморья, однако можно указать на аспект расселения и водворения, являющиеся подлинным связующим звеном, лежащим между многими из указанных сюжетов. Именно расселение и водворение служат переходным этапом между переселением и хозяйственной жизнью, на этом этапе закладываются направления адаптации к природной и социальной среде. Третье заключение: тема расселения, несмотря на то, что она так или иначе находилась в поле зрения исследователей на протяжении всего периода изучения, до сих пор остаётся недостаточно раскрытой.

Хронологические рамки. Предлагаемая работа охватывает период второй половины XIX в., 1855 – 1900 годы. Нижняя временная граница обусловлена началом вселения крестьян в Приморскую область – в 1855 г. был основан ряд крестьянских селений в низовьях Амура – Больше-Михайловское, Богородское, Мариинско-Успенское и др. Верхняя временная граница, 1900 г., обусловлена рядом обстоятельств: изменением нормы и объекта наделения землёй переселенцев, пересмотром принципов управления крестьянством (создание новых административных институтов, корректировка существующих), оформле-

нием территориальной структуры крестьянского расселения в области.

Территориальные границы предлагаемого исследования укладываются в рамки южной части Приморской области, то есть имеются ввиду земли Удской, Хабаровской, Южно-Уссурийской округ и округа Уссурийского казачьего войска по состоянию на конец XIX в. Иначе говоря, в зону внимания попадают земли, заключённые в бассейн Нижнего Амура (в пределах Приморской области), побережье Татарского пролива и Японского моря и бассейн Усури (в пределах Российской империи).

Объектом данного исследования выступает русская крестьянская колонизация Приморской области во второй половине XIX в.

Предметом исследования является процесс расселения крестьян в южной части Приморской области в указанный период как результат действия многих факторов, в том числе группы природных, административного, транспортного. В литературе понятие расселения связывается (как частное с общим) с понятием размещения, последнее определяется как «конкретное распределение явлений по геотории»³⁹. Таким образом, под процессом расселения крестьян можно понимать занятие ими территории. В качестве критерия (или «явлений» в соответствии с понятием размещения) расселения избраны селения, а именно – хронология и география процесса возникновения селений, т. е. заселения.

Цель и задачи. Основной целью данного диссертационного исследования полагается анализ системы факторов, влияющих на характер процесса русского земледельческого расселения. Работа посвящена рассмотрению территориальных структур крестьянской колонизации Приморской области, причём структур как природных, так и социальных. Приведённые основания задают схему задач, стоящих перед исследованием, а именно:

- обзор присоединения Приамурья к России, а также переселения сюда крестьян во второй половине XIX в. как предпосылок крестьянского расселения в Приморской области;
- рассмотрение природных условий на предмет их соответствия требованиям русского земледельческого хозяйства;

- анализ пространственных характеристик всех местностей области, потенциально способных принять земледельцев-переселенцев из России;
- анализ состояния транспортной системы региона в изучаемый период с точки зрения проблем крестьянского расселения;
- изучение административно-территориального устройства, системы местного самоуправления крестьян с целью выявления оснований политики администрации в крестьянском мире Приморской области;
- раскрытие политики водворения крестьян с целью уточнения результатов предшествующей части исследования и формулирования черт административного фактора крестьянского расселения;
- периодизация процесса расселения крестьян через фиксацию интенсивности возникновения новых селений;
- рассмотрение процесса размещения крестьянских селений в области;
- анализ скорости процесса водворения крестьянских хозяйств (в масштабе селения) в разных частях области для оценки роли исследуемых факторов.

Теоретико-методологическая основа исследования. В качестве базового методологического подхода был избран диалектический метод, ориентированный на поиск и разрешение противоречий. В качестве основных противоречий предмета настоящей диссертации можно отметить: а) специфичность природных условий Приамурского края, его неосвоенность, что создавало сложности не только крестьянам-переселенцам, но и администрации области; б) несовпадение интересов власти и переселенцев на новых территориях, что сказывалось на эффективности и скорости русской колонизации Приамурья. Особое значение имеет методологический принцип плюрализма как признание многофакторности исторического процесса: значимость для русской крестьянской колонизации как природного, так и социетального⁴⁰ факторов, нашедших выражение в естественноисторических, политико-административных и др. условиях расселения и оседания крестьян. Также в основу разработок положены принципы объективности и историзма. Сочетание этих принципов позволяет выстро-

ить достоверную картину прошлого как последовательности взаимозависимых эпизодов. Отсюда вытекает необходимость использования приёма периодизации изучаемых процессов. Большую роль в представленной работе играет картографический метод, раскрывающийся в описании и анализе по картам местностей и явлений, а также в составлении картографических схем изучаемых явлений – расселения, развития транспорта, волостного деления и др.

Базовая процедура, на которой строится исследование – описание. Для того чтобы нивелировать субъективность отдельно взятых источников информации, необходимо по возможности обеспечить несколько источников сведений об одном явлении или событии. Таким образом, одной из ключевых исследовательских процедур является сравнение. Сочетание указанных приёмов используется как для анализа источников, так и для рассмотрения той исторической ситуации, которая лежит в фокусе исследования. Соответственно, к методам, использованным в данном исследовании, можно отнести историко-описательный, историко-сравнительный, проблемно-хронологический. Последний имеет особое значение для процедуры синтеза, позволяя выстраивать последовательности фактов и явлений в зависимости от ракурса рассмотрения предмета исследования. Для исследования динамики расселения и изменения сроков водворения был использован приём процентного распределения показателей, что позволило оценить возможности водворения в разных регионах Приморской области.

Учитывая неоднородность привлекаемого к рассмотрению материала, необходимостью для настоящего исследования является использование системного метода. Он позволяет, сохраняя автономию каждого тематического сегмента исследования, в конечном итоге сконструировать единую картину, отражающую развитие предмета исследования. Так, часть результатов исследования представлена в сжатом, формализованном виде цифр или условных обозначений, часть же – в виде нарратива (в силу ограничений, налагаемых спецификой предмета рассмотрения). Это в конечном итоге заставляет формулировать выводы именно в повествовательном виде. Тем не менее, и формализованные результа-

ты, и повествовательные имеют самостоятельную познавательную ценность и могут быть использованы в дальнейшем.

Исходя из целей и задач исследования, а также из принципов изучения материала, можно сформулировать следующий подход к предмету: *процесс расселения есть результат взаимодействия ряда факторов, рассмотрение этих факторов по отдельности, а затем во взаимной связи есть рассмотрение самого процесса расселения.* Отсюда: *исследовательская процедура состоит в последовательном рассмотрении отдельных выбранных факторов, а затем в установлении между ними связи.* Таким образом выстраивается структура исследования: 1) рассмотрение исторической ситуации, 2) рассмотрение природных факторов, 3) рассмотрение социетальных факторов, 4) рассмотрение процесса расселения как взаимодействия природных и социетальных факторов в контексте исторической ситуации.

Источниковая база исследования включает как опубликованные, так и неопубликованные, в том числе впервые привлекаемые к исследованиям подобного рода, материалы. Подлинной информационной основой для рассмотрения естественных условий расселения явились отчёты русских и иностранных путешественников, изучавших Приамурский край в 50 – 80-х гг. XIX в.⁴¹ Подробные описания местности позволили описать типы ландшафтов юга Приморской области и оценить эти территории в качестве объекта русской земледельческой колонизации XIX в. В такой форме и в таком объёме на местном материале подобная работа проведена впервые.

Важное место занимают данные обследования крестьян-старожилов, проведённого под руководством А. Меньщикова в 1910 г.⁴² Эти данные содержат сведения о темпах водворения крестьян, количестве и датах основания старожильческих селений. Указанные материалы служат своеобразным скелетом всего исследования, которое опирается с одной стороны на динамику возникновения и особенности местоположения крестьянских селений, а с другой – на сроки водворения хозяйств как один из основных показателей расселения. Помимо указанного источника, даты основания крестьянских селений, как и сами факты

их основания, черпались из работ Ф. Ф. Буссе, Н. А. Крюкова, В. М. Кабузана, других изданий⁴³. Все указанные выше источники содержат ценные данные о политике местной власти в отношении крестьянского расселения, общественном устройстве крестьян, особенно это касается работ авторов, по долгу службы сталкивавшихся с крестьянами, их проблемами и заботами, это Ф. Ф. Буссе, А. А. Риттих и др. В то время как Буссе, Унтербергер излагают историю управления и самоуправления крестьян в описательном ключе, Риттих стремится дать оценку нравам, царящим в старожильческих обществах.

Ценным источником по управлению крестьянами-переселенцами на колонизируемых территориях служат современные описываемым событиям тематические сборники законов и постановлений. К таким изданиям можно отнести «Сборник официальных документов по управлению Восточной Сибирью», «Сборник узаконений по крестьянскому управлению», «Сборник узаконений и распоряжений о переселении»⁴⁴. Указанные публикации раскрывают основы колониационной политики, взгляд правительства на проблемы колонизации окраин России в целом и отдельных местностей (например, Южно-Уссурийского края) Дальнего Востока в частности. В целом же опубликованные источники об управлении крестьянами в Приморской области XIX в. не могут восполнить недостаток открытой информации по данной теме⁴⁵.

К разряду значимых опубликованных источников могут быть отнесены записки путешественников, оставивших воспоминания о виденном на Дальнем Востоке, в том числе и наблюдения о положении крестьян - новосёлов и старожил, истории их переселения и водворения, отношениях с администрацией. К таким изданиям могут быть отнесены работы С. В. Максимова, Г. Т. Мурова и других⁴⁶.

Опубликованные источники имеют в своём составе корпус обзоров Приморской области за 1889 – 1900 гг.⁴⁷ Этот важный источник содержит статистические и вообще цифровые данные по изучаемой проблеме, здесь можно найти количество приезжих и даты основания тех или иных селений. Наиболее важной информацией, содержащейся в обзорах Приморской области, на наш

взгляд, является отношение администрации к управляемой территории и её населению, конкретно – русскому крестьянству. Такие сведения обычно содержатся в комментариях к тем или иным особенностям жизни области. Они позволяют более точно определить характер политики администрации по отношению к населению, в некоторых случаях – найти информацию об ответной реакции населения.

Заметную роль в работе играют неопубликованные архивные источники. При подготовке исследования использовались материалы нескольких архивов: Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), Государственного архива Приморского края (ГАПК) и Российского Государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ).

Использованные при подготовке данного исследования материалы, содержащиеся в госархиве Хабаровского края, находятся в фондах И-2, «Примамурский отдел Императорского русского географического общества», И-6, «Заведующий водворением переселенцев Хабаровского уезда», И-238, «Заведующий переселенческим делом в Приморской области». Отчёты членов ИРГО освещают процесс исследования и колонизации Приамурья вообще и Приморья в частности. Фонд заведующего переселением в Хабаровском уезде содержит материалы заседаний Приамурского областного по крестьянским делам присутствия. Фонд заведующего переселением в Приморской области хранит материалы межевания переселенческих наделов в Хабаровском уезде, аналитические материалы по состоянию переселенческого дела в Хабаровском переселенческом подрайоне начала XX века. Самое ценное, что могут дать эти и подобные им материалы – практика переселения и водворения, рутинная, которая зачастую не отражается в печатных источниках, содержащих «показательные» случаи и примеры. Бич переселения – недостаток средств и незнание условий на месте как со стороны переселенцев, так и центральной администрации, что возлагает на местных ответственных лиц дополнительную нагрузку и нарушает планы всех участников переселения.

В госархиве Приморского края можно отметить материалы, содержащие-

ся в фонде 1 (дореволюционном) «Заведующий переселенческим делом Приморского района»: материалы по землеустройству крестьянских селений, включая переписку как между крестьянами и властью, так и между администраторами. Эти материалы содержат информацию о конкретной реализации законов и постановлений правительства – практику правоприменения, которая подчас оказывается шире и сложнее самих норм. Наиболее интересным и информативным является дело «По отводу дополнительного надела крестьян дер. Воскресенки в Южно-Уссурийском округе. 1900 г.»⁴⁸. Оно содержит служебные записки, рапорты, заявления чинов разных отраслей управления, прошения и доверенности крестьян, семейные списки селений, постановления межевых комиссий; описывает земельный и административный конфликт между селениями Воскресенкой и Спасским, фактически – борьбу Воскресенки за самостоятельность. Эта многоаспектная история раскрывает и политику переселенческого управления в отношении размещения новых селений, и взгляд администрации на вопрос перекройки наделов, и принципы расселения самих крестьян, а также отношения, складывающиеся между пространственно удаленными частями одного крестьянского общества. Урок, который можно извлечь из чтения подобных материалов – законодательство регулировало процессы на местах в очень широких рамках, «дух» закона был выше его «буквы».

Хранилища РГИА ДВ в отношении изучаемой темы более представительны, в исследовании использовались материалы фондов 1 «Приморское областное правление» и 702 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора». В них сосредоточены материалы делопроизводственного характера: отчёты военных губернаторов, переписка по административно-хозяйственным вопросам, инструкции и проч. Кроме того, особую группу источников представляют письменные обращения крестьян в инстанции разного уровня. Эти материалы содержат сведения о подробностях проводимой политики, мнениях чиновников по тем или иным вопросам использования правил заселения области, взаимных отношениях власти и крестьян, крестьянских обществ между собой по поводу наделов, практике водворения отдельных хозяйств. Обращают на себя внимание об-

зоры Приморской области, до 80-х гг. XIX в. представленные только в рукописном варианте, их характеристика как типа источников была дана выше.

В данном исследовании использовались карты XIX века, планы крестьянских дач и т. д., находящиеся в научно-вспомогательном фонде Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке. Карты позволяют оценить местность, на которой разворачивались изучаемые события, увидеть конфигурацию расселения, характерную для тех или иных районов области. Порой карта заставляет переоценить информацию, содержащуюся в письменных текстах, где подчас преувеличивается густота амурских лесов или ненаглядно подаётся конфигурация расселения.

Научная новизна данного диссертационного сочинения состоит в том, что 1) до сих пор системному рассмотрению процесса расселения русского крестьянства на территории юга Приморской области второй половины XIX в. не уделялось должного внимания; 2) к рассмотрению изучаемой проблемы впервые привлекается комплекс источников, содержащий такой редкий для местных историков объект внимания, как исторический картографический материал; 3) при изучении проблем русского крестьянского расселения на Дальнем Востоке использовано сочетание исторического и географического подходов.

Практическая значимость исследования заключается в раскрытии процесса крестьянского расселения, в постановке проблемы необходимости детального изучения крестьянского управления в Приморской области XIX в., в возможности использования выводов данного исследования в процессе организации современного переселения на Дальний Восток.

Апробация работы. Результаты исследования отражены в публикациях (в том числе в журналах «Власть и управление на Востоке России» и «Россия и АТР», рекомендованных ВАК), сообщались на V Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых исследователей (Владивосток, 2003 г.) VIII (2004 г.) и IX (2006 г.) конференциях молодых историков.

Положения, выносимые на защиту: 1) выделение в составе южной части Приморской области т. н. «краёв» – Нижнеамурского, Северно-Уссурийского,

Южно-Уссурийского имеет важное познавательное значение для крестьяноведческих и аграрных исследований, относящихся ко второй половине XIX в., а возможно и далее; наилучшим сочетанием характеристик для водворения во второй половине XIX и в начале XX вв. обладал Северно-Уссурийский край; 2) водворение является промежуточным звеном между переселением крестьян и развитием крестьянского хозяйства на новой территории; 3) социетальные факторы расселения и водворения крестьянского хозяйства в Приморской области второй половины XIX в. имеют большее значение, чем природные.

В соответствии с кругом задач определяется **структура работы**. Диссертационное сочинение состоит из введения, трёх глав в составе девяти параграфов, заключения, списка использовавшихся источников и литературы, пяти приложений.

¹ См., например,: Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 464 с. С. 40 – 61.

² Это характерная черта развития исторического знания как такового. См.: Ермакова Э. В. Становление исторической науки на Дальнем Востоке // Арсеньевские чтения, VI. – Уссурийск: б. и., 1992. С. 9.

³ Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, в 1855 году. – СПб.: б. и., 1859; Путешествие по долине реки Уссури. Совершил, по поручению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, Р. Маак. Том 1. – СПб.: б. и., 1861; Максимович К. И. Амурский край. Из ботанического сочинения К. И. Максимовича. – СПб.: б. и., 1862; Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. – 336 с.; Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Том V. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. – Хабаровск: б. и., 1893.

⁴ Носков И. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношении. – СПб.: б. и., 1865; Елисеев А. В. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский Вестник. – 1891. – т. 216. – №10. С. 79 – 117; Русский Вестник. – 1892. – т. 220. – №6. С. 111 – 146; Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. – СПб.: б. и., 1894; Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. – СПб.: б. и., 1900; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: издание И. М. Сибирякова, 1892; Надаров И. Очерк современного состояния Северно-Уссурийского края. – Владивосток: б. и., 1884; Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. – Хабаровка: б. и., 1891; Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. – СПб.: Издание Е. Д. Кусковой, 1904; Сибирское переселение (Дальний Восток). Переселение в Амурскую область и Уссурийский край. – Хабаровск: Газета «Свободное слово», 1906.

⁵ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае // Библиотека для чтения. – 1869. – Т. VIII – XII; Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1889; Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. – СПб.: б. и., 1893; Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. – М.: б. и., 1896; Комаров В. Л. Условия дальнейшей колонизации Амура // Известия ИРГО, 1896. Т. 32. Вып. 6; Надаров Ив. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. IV, вып. IV. – Хабаровск: б. и., 1894. С. 39 – 71; Ритгих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. – СПб.: б. и., 1899; Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. – Хабаровск: б. и., 1901; Отчет М. А. Никольского о командировке в Приморскую область. – Полтава: б. и., 1907; Крапоткин Л. А. К вопросу об экономическом положении крестьян в Южно-Уссурийском крае // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. VII. Вып. I. – Б. м., б. и., 1908. – С. 27 – 32; Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура // Журнал предварительного междоветовственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. – Б. м., б. и., б. г.; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (тексты). Составил А. Меньщиков.

Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912; Колонизационное значение земледелия в Приамурье. Сост. С. П. Шликевич (Труды Амурской экспедиции. Выпуск IV). – СПб.: б. и., 1911.

⁶ См.: Матвеев З. Новая литература по истории Приморья (1917 – 1927 гг.) // Записки Владивостокского отдела Государственного Русского Географического Общества (Общества изучения Амурского края). Том I (XVIII). – Владивосток: Владив. отд. Гос. РГО, 1928. С. 74 – 84.

⁷ Матвеев З. Н. История Дальневосточного края. – Владивосток: Владив. отд. ГосРГО, 1929. С. 372.

⁸ Матвеев З. Н. Историографический и библиографический обзор состояния исторической науки в ДВК за 1922 – 1932 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. – 1932. – №1 – 2. С. 43 – 46; Советское Приморье. Сборник. – Владивосток: Дальгиз, 1940.

⁹ Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество. Вып. 1. Заселение русскими Дальнего Востока, их современное распределение (в связи с говорами) // Труды Дальневосточного Государственного университета. Серия III. №3. – Владивосток: ДГУ, 1926; Георгиевский А. П. Расселение русских на Дальнем Востоке // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1927. – С. 55 – 58.

¹⁰ Арсеньев В. К., Титов Е. И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1928.

¹¹ Чарнецкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем // Советское Приморье. – 1925. – №3. С. 10 – 36; Чарнецкий Л. Ближайшие колонизационные задачи в Приморье // Советское Приморье. – 1925. – №4. С. 83 – 111; Целищев М. М. Экономические очерки Дальнего Востока. – Владивосток: Книжное дело, 1925; Ярмош А. М. Факторы, определяющие характер и размер переселенческого хозяйства // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1927. – С. 44 – 54.

¹² Арсеньев В. К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1927. – С. 33 – 43.

¹³ Шергилова К. Ф. Начало заселения Дальнего Востока в конце 50-х и начале 60-х гг. XIX в. // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. – Т. 1. – Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1956. – С. 17 – 34; Рябов Н. И., Штейн М. Г. Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII – начало XX века. – Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1958; Уродков С. А. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах // Из истории СССР (эпоха феодализма и капитализма). Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. №270. Серия исторических наук. Вып. 32. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1959. С. 182 – 200; Кабанов П. И. Амурский вопрос. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1959; Кольцова Н. К. К столетию заселения Приморья (способы передвижения крестьян-переселенцев, их устройство во Владивостоке) // Дальневосточный Государственный университет. Ученые записки. Вып. 3. Серия общественно-политических наук. – Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1961. С. 149 – 155; Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858 – 1917 гг.) // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XXV. – Владивосток: ДВКИ, 1966. С. 63 – 70; Барткова И. И. Изучение и картографирование сельского расселения в Приморском крае // Материалы второй научно-методической конференции. – Владивосток: ДВГУ, 1966. С. 170 – 174; Барткова И. И. География сельского населения и поселений Приморского края. Автореферат.... – Иркутск, 1967 и др.

¹⁴ Покшишевский В. В. Заселение Сибири. – М.: 1951; Покшишевский В. В. К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов в южной части Дальнего Востока // Сибирский географический сборник. Вып. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 85 – 95.

¹⁵ Кольцова Н. К. Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. – Владивосток: Приморское книжное издательство, 1956. С. 127 – 147.

¹⁶ История Сибири с древнейших времён до наших дней. В пяти томах. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л.: Наука, 1968.

¹⁷ Аргудяева Ю. В. К вопросу об истории заселения Приморья славянами (60-е годы XIX в. – начало XX в.) // История и культура народов Дальнего Востока. – Южно-Сахалинск, 1973. С. 258 – 265; Аргудяева Ю. В. К вопросу об этнической истории населения Артемовской долины Приморского края (80-е годы XIX в. – 70-е годы XX века) // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНИЦ АН СССР, 1981. С. 60 – 66; Осипов Ю. Н. Колонизационно-переселенческая политика царизма на Дальнем Востоке в эпоху капитализма. Историография проблемы // Проблемы истории Дальнего Востока СССР (XVII – XX вв.) в отечественной литературе: Материалы XIII дальневосточной научной конференции по проблемам отечественной и зарубежной историографии. – Владивосток: ДВНИЦ АН СССР, 1986. С. 172 – 181; Осипов Ю. Н. Переселенческое движение на Дальний Восток во второй половине XIX в. // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (дореволюционный период). – Владивосток: ДВНИЦ АН СССР, 1982. С. 38–50; Осипов Ю. Н. Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни во второй половине XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Владивосток, 1982; Якименко Н. А. Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (на примере выходцев с Украины) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 81 – 98; Мелещенко С. А. Русские буржуазные общественно-политические журналы – источник по истории переселения крестьян на Дальний Восток (1880 – 1905 гг.) // Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. Научные доклады

аспирантов. Вып. II. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1974. С. 77 – 87.

¹⁸ Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк / Отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева. – М.: Наука, 1973.

¹⁹ Там же. С. 61.

²⁰ Данилова Л. В., Дятел Е. П. Экологические условия и особенности пионерного освоения русскими Дальнего Востока // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. – М.: Моск. филиал ГО, 1981. С. 131 – 149. Понятие «пионерное освоение» подробно раскрывается в работе: Космачев К. П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974.

²¹ Рянский Ф. Н. Коэволюция ландшафтов и общества в Приамурье за историческое время // Вторые чтения имени Г. И. Невельского. Проблемы организации районов нового освоения (тезисы докладов). Сб. 2. – Хабаровск: б. и., 1990. – С. 3 – 6; Козыренко Н. Е. Динамика исторического расселения // Там же. – С. 13 – 16; Лучкова В. И. Проблемы формирования национальных ландшафтов на советском Дальнем Востоке // Там же. – С. 32 – 33.

²² Степанько А. А. Анализ сельскохозяйственного освоения земельных ресурсов с учётом их качества // Рациональное природопользование и охрана земельных ресурсов Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 66 – 71; Степанько А. А. Агрогеографическая оценка земельных ресурсов и их использование в районах Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО РАН, 1992.

²³ Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX вв.). – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973; Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX века (1795 – 1917 гг.) // История СССР – 1979. – №3. – С. 22 – 38; Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985.

²⁴ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск. Сиб. отд-ние, 1983.

²⁵ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв.: Очерки истории / Под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – 1917 г.). – М.: Наука, 1990.

²⁶ Черных А. Г., Кутик В. Н. О работе исторических кафедр Дальневосточного университета // Вопросы истории. – 1962. – №8. С. 125 – 127. Крушанов А. И. Исследование проблем истории советского Дальнего Востока // История СССР. – 1967. – №4. С. 208 – 214.

²⁷ Крушанов А. И. Об организации исторических исследований на Дальнем Востоке // Вопросы истории. – 1975. – №8. С. 20 – 30; Крушанов А. И. Основные направления исторических исследований советских учёных-дальневосточников // Проблемы Дальнего Востока. – 1976. – №4. С. 96 – 111.

²⁸ Крушанов А. И. XXIV съезд КПСС и проблемы истории Дальнего Востока. – Южно-Сахалинск: Сахалинское отделение ДВКИ, 1973. С. 67, 69.

²⁹ Рыкунова Г. А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50 – 60-е гг. XIX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России. Вып. 3. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 41 – 43; Гусельникова Т. Н., Кучук О. В., Совастеев В. В. Характерные черты и особенности колонизации Северного Приморья в конце XIX в. // Там же. С. 49 – 52; Лобанов В. Ф. Внутренние миграции у крестьян-старообрядцев Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Миграционные процессы в Восточной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 1994. С. 51 – 53; Каменщикова Е. Н. Переселенческая политика правительства в Нижнем Приамурье в 50-е – 60-е гг. XIX вв. // Российское Приамурье: история и современность. Материалы научного семинара, посвященного 350-летию похода Е. П. Хабарова. – Хабаровск: б. и., 1999. – С. 66 – 71; Кобко В. В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30-е гг. XX в.). – Владивосток: Прим. Гос. Объед. музей им. Арсеньева, 2004.

³⁰ Иконникова Т. Я. Особенности организации переселенческого движения на российский Дальний Восток в начале XX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России. Вып. 3. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 52 – 54; Иконникова Т. Я. Переселенческое движение на Дальний Восток (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Очерки истории родного края / Отв. ред. Иконникова Т. Я. – Хабаровск: б. и., 1993. – С. 75 – 91; Краснова Л. И. О некоторых проблемах переселенческой политики (Из истории освоения и заселения российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.) // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков. – Хабаровск: Изд-во «Частная коллекция», 1999. С. 120 – 121; Федирко О. П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 325 – 328; Булавко А. М. Правовая деятельность царской администрации по заселению дальневосточного края казаками и крестьянами (1860 – 1917 гг.) // Историческая наука и проблемы современного образования. Сб. науч. статей. – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2004. – 216 с. С. 43 – 45.

³¹ Барбенко Я. А. О понятии крестьянской колонизации на примере освоения юга Приморской области во второй половине XIX в. // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков: Сборник материалов. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 40 – 44.

³² Сидоркина З. И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 1997. Проблемы населения Дальнего Востока. – Владивосток: Дальнаука, 2004.

³³ Осипов Ю. Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке России в период капитализма // Известия РГИА ДВ: Сборник трудов. Том VI. – Владивосток: РГИА ДВ, «Комсомолка ДВ», 2002. С. 67 – 91; Осипов Ю. Н. Крестья-

не-старожилы Дальнего Востока России в 1855 – 1917 гг.: постановка проблемы. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 230 – 235; Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855 – 1917 гг. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 196 с.; Сергейко М. С. Хозяйственное освоение дальневосточных земель населением России в эпоху капитализма (1861 – 1917 гг.). Краткий очерк. – Уссурийск: Приморская государственная сельскохозяйственная академия, 1997.

³⁴ Аргудяева Ю. В. Формирование и расселение восточнославянских народов Приамурья и Приморья // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Материалы научно-практической историко-краеведческой конференции, посвященной 100-летию Хабаровского краеведческого музея. 17 – 18 мая 1994 года. – Т. 2. – Хабаровск: б. и., 1994. – С. 101 – 104; Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997; Аргудяева Ю. В. Переселение русских крестьян в Приамурье (50 – 60-е годы XIX в.) // Первые Муравьевские чтения. – Владивосток: б. и., 1999. С. 34 – 37; Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. – Владивосток: ДВО РАН, 2006; Фетисова Л. Е. Русский народ и русская культура на восточной окраине страны // Вестник ДВО РАН. – 1995. – №6. С. 6 – 11; Фетисова Л. Е., Ермак Г. Г., Сердюк М. Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): адаптационный аспект. – Владивосток: Дальнаука, 2004.

³⁵ Фетисова Л. Е. Особенности региональной культуры восточнославянского населения Приамурья и Приморья // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Материалы научно-практической историко-краеведческой конференции, посвященной 100-летию Хабаровского краеведческого музея. 17 – 18 мая 1994 года. – Т. 1. – Хабаровск: б. и., 1994. – С. 114 – 116; Фетисова Л. Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Этнос и природная среда. – Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 87 – 104; Аргудяева Ю. В. Роль конфессиональных групп русских в освоении Дальнего Востока // Российское Приамурье: история и современность. Материалы докладов научного семинара, посвященные 350-летию похода Е. П. Хабарова. – Хабаровск: б. и., 1999. С. 57 – 61; Аргудяева Ю. В. Хозяйственная адаптация старообрядцев в Приморье // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: Сб. научн. ст. – Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 8 – 26.

³⁶ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 403 с.

³⁷ Бачурин А. М. Паспорт исторического свидетельства села Чкаловское муниципального образования Спасский район. – Спасск-Дальний: Общество изучения Амурского края, 2003; Леонов Н. На край света за счастьем. Переселение в Южно-Уссурийский край. – Уссурийск: КГУП «Типография №3», 2004; Сакмаров С. А. Вольно-Надеждинское. Страницы истории. – Владивосток: Общество изучения Амурского края, 1999; Тарасов Ю. Артем на заре своей истории: факты против легенд. Из цикла «Предыстория Артема: 1860 – 1938 гг.». – Владивосток: б. и., 2006; Усатая Д. В. и др. В глубь веков. История Южного Приморья. – Находка: Лит. клуб «Элегия», «Печатный дом», 2005.

³⁸ Садовский А. И. Факты геодетерминизма в распространении славянской экспансии на восточной окраине Евразии и возможное их использование для организации многостороннего международного азиатско-тихоокеанского сотрудничества на фундаментальной геоэкологической основе // Исторический опыт освоения восточных районов России. Книга II. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 9 – 11; Буровский А. Приморье как месторазвитие // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1997. С. 228 – 233; Гапонов В. Новый взгляд на историю // Россия и АТР. – 1999. – №4. С. 5 – 13; Сухомлинов Н. Р. Этапы колонизации Дальнего Востока // Российское Приамурье: история и современность. Материалы научного семинара, посвященного 350-летию похода Е. П. Хабарова. – Хабаровск: б. и., 1999. – С. 54 – 56.

³⁹ Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с. С. 77.

⁴⁰ Понятие «социетальный» (societal) введено Т. Парсонсом для обозначения отношений, характеризующих общество как целостность (см.: Парсонс Т. Ядро: социетальное сообщество // Т. Парсонс. Система современных обществ. – М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 25.), в отличие от «социального», обозначающего межличностные отношения. В данном случае под социетальным фактором понимаются объективные социальные условия (транспорт, административный строй), не связанные с отношениями конкретно взятых людей, которые относятся к субъективным социальным условиям – взаимодействиям определенных индивидов с конкретными социальными и психологическими характеристиками.

⁴¹ Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, в 1855 году. – СПб.: б. и., 1859; Путешествие по долине реки Усури. Совершил, по поручению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, Р. Маак. Том 1. – СПб.: б. и., 1861; Максимович К. И. Амурский край. Из ботанического сочинения К. И. Максимовича. – СПб.: б. и., 1862; Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. – 336 с.; Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Том V. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. – Хабаровск: б. и.,

1893; Ядринцев Р. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: издание И. М. Сибирякова, 1892; Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. – Владивосток: б. и., 1884; *A voyage down the Amoor: With a land journey through Siberia, and incidental notices of Manchooia, Kamschatka, and Japan.* By Perry McDonough Collins, United states commercial agent at the Amoor river. – P. – N.Y. – L.: D. Appleton and Company, 1860.

⁴² Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (тексты). Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений) / Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912.

⁴³ Надаров Ив. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. IV, вып. IV – Хабаровск: б. и., 1894. С. 39 – 71; Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях. – СПб.: б. и., 1911.

⁴⁴ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. VIII. Ч. II-я. – Иркутск: б. и., 1884; Сборник узаконений по крестьянскому управлению и наставлений сельским и волостным сходам и должностным лицам. – Иркутск: б. и., 1889; Сборник узаконений и распоряжений о переселении. Вып. VIII. – СПб.: б. и., 1901.

⁴⁵ Издаваемые РГИА ДВ серии «Малая родина» и «Дальний Восток России в материалах законодательства», к сожалению, также не решают указанную трудность: надо полагать, сказываются существующие исследовательские подходы, не учитывающие специфику расселения и водворения.

⁴⁶ Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860 – 1861). Дорожные заметки и воспоминания / С. Максимов. – СПб.: б. и., 1864; Стахеев Д. И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. – СПб.: б. и., 1869; Максимов А. Уссурийский край. Очерки и заметки // Русский Вестник. – 1888. – №8 (197). – С. 244 – 275; Муров Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска (путевой дневник). – Томск: б. и., 1901; Муров Г. Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. – М.: б. и., 1911.

⁴⁷ Обзоры Приморской области за 1889 – 1900 годы. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. Владивосток: б. и., 1890 – 1903.

⁴⁸ ГАПК Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 3.

Глава 1. Исторические и природные условия крестьянского расселения

1.1. Утверждение России в Приамурье как предпосылка крестьянского расселения на Нижнем Амуре и в Уссурийском крае

Широко распространена фраза Ключевского «история России есть история страны, которая колонизируется», в древности славяне заняли Русскую равнину, позднее вышли на Северный Кавказ и в Сибирь, через океан достигли Северной Америки. Последнее крупное территориальное приращение России – Приамурье и Средняя Азия. Русские пришли сюда с богатым колониционным опытом – опытом взаимодействия с аборигенами, опытом хозяйственного освоения территорий, этот опыт насчитывал сотни лет и долгое время показывал свою эффективность. Вместе с тем, как объект колонизации юг Дальнего Востока обладает рядом особенностей, главная из которых состоит в том, что Приамурье находится близко к центрам восточноазиатской жизни, а значит одним своим положением участвует во многих международных процессах. Именно эту особенность в России традиционно недооценивают - сценарий колонизации Приамурья заметно напоминает сибирский, в чём кроется его основное противоречие, отсюда же вытекают проблемы положения России на Дальнем Востоке в XIX и в начале XX веков.

Присоединение южной части Дальнего Востока к России происходило по сценарию, очевидно характерному не только для русских, но и для других народов и государств: 1) предварительное ознакомление через общее исследование региона, 2) параллельно протекающие процессы военного присоединения для фактического овладения и дипломатической работы по формальному закреплению территорий, 3) заполнение занятых территорий населением, сначала милитаризованным, а затем и гражданским в качестве средства стабилизации присутствия в регионе.

Период 40 – 60-х годов XIX века есть особое время территориального развития России, «когда, по сути дела, решался геополитический вопрос исключительной важности: следует ли сохранять и консолидировать заокеанские

владения империи в Северной Америке или, расставшись с Русской Америкой, заняться укреплением своего положения евразийской сверхдержавы»¹. В 40-е годы решалась судьба Приамурья, ещё находившегося вне пределов Российской империи – намечается поворот в продвижении России на Восток с северного направления на южное. Свидетельством тому были с одной стороны – нарастающий кризис положения России на направлении «Камчатка – Новый Свет»: затяжная неопределённость административной организации Охотско-Камчатского края², ослабление позиций Российско-Американской компании как самостоятельного игрока, трансформация её в «полугосударственную структуру»³, с другой стороны – регулярные научные исследования Приамурья, свидетельствующие о серьёзных намерениях русского правительства. Они открываются во второй половине 40-х годов⁴, что по-видимому неслучайно совпадает с учреждением в 1845 г. Русского географического общества⁵.

Первой русской научной экспедицией, ставившей широкие задачи комплексного изучения Восточной Сибири и части Тихоокеанского побережья, была партия А. Миддендорфа (1842 – 1846 гг.), в 1844 – 1845 гг. работавшая на левобережье Амура⁶. Результаты наблюдений Миддендорфа в Приамурье имели важное политическое значение, поскольку была установлена неподконтрольность Китаю Нижнего Амура. В результате интерес русского правительства к Амуру и тихоокеанскому побережью южнее Охотского моря усиливается: принимаются новые экспедиции для разьяснения возможностей нового для России региона. В столице организуется Амурский комитет: «особый комитет для рассмотрения вопросов по амурскому делу» открывает свои заседания в январе 1849 года⁷, к 1852 – 1864 годам относится существование II Сибирского комитета⁸. Таким образом, уже к концу 40-х годов для сопровождения Амурского вопроса Россия располагала как научными, так и административными институтами, что выдаёт неспонтанность её политики на Дальнем Востоке⁹.

Уже в следующем году после фактического окончания экспедиции Миддендорфа устье Амура исследует судно РАК (1846 г., А. Гаврилов), ведётся разведка в юго-западной части Охотского моря (1847 г., В. Поплонский), перепро-

веряются данные о состоянии амурского лимана и устья (1849 г., Г. Невельской)¹⁰. В 1853 – 1854 гг. состоялся первый проход морского судна из Татарского пролива в устье Амура (В. А. Римский-Корсаков, шхуна «Восток»), промеры фарватера, исследование западного берега о. Сахалин¹¹. Морские и гидрографические исследования дополняются сухопутными: в 1849 – 1852 гг. действовала Забайкальская топографо-геодезическая экспедиция Н. Ахте, в 1850 – 1855 работала Амурская экспедиция Г. Невельского, системно охватывавшая как нижнеамурские земли, так и тихоокеанское побережье, в том числе и о. Сахалин¹². В 1854 г. Управление Генерального штаба Восточной Сибири организует глазомерную съёмку течения Амура (надо полагать, в связи с началом сплавов по этой великой реке), в 1855 – 1856 гг. – съёмку окрестностей Николаевска и азиатского побережья Татарского пролива до залива Де-Кастри¹³. В 1855 – 1856 гг. состоялись и путешествия Р. Маака и Л. Шренка по Амуру и прилегающим территориям, в том числе и о. Сахалину, в 1856 – 1858 гг. – топографические исследования Ф. Усольцева по левому берегу верхнего Амура¹⁴.

Таким образом, к 1858 году – времени заключения Айгуньского договора – Россия располагала достаточно точными и всеобъемлющими данными о присоединяемой территории: с наибольшей, по сравнению с конкурентами, полнотой были изучены очертания берегов, глубины морских прибрежий и речных фарватеров, расположение речных долин и горных хребтов и т. п. Похожим образом обстояли дела и с Уссурийским краем.

Первым этот край пересёк по заданию Муравьёва М. И. Венюков в 1857 г., доказав таким образом близость истоков Усури и побережья Японского моря, а значит и реалистичность претензий России на обладание Уссурийским краем. К 1858 – 1859 гг. относится экспедиция К. Ф. Будогосского по внутренним районам края и по южному и юго-восточному побережью¹⁵. В 1859 г. состоялось несколько экспедиций – К. Максимовича, Р. Маака и А. Брылкина по внутренним районам края. В этом же году начинаются многолетние изыскания лесной партии капитана Будищева¹⁶. Со стороны моря русские появляются в Уссурийском крае в начале 50-х: в 1854 г. фрегат «Паллада» посещает залив

Петра Великого, с 1857 г. русские суда постоянно изучают берега Уссурийского края, в 1859 г. сам генерал-губернатор осматривает побережье края с целью выбора мест для размещения военных постов¹⁷.

Также, как и в случае с Амуром, русская дипломатия, выходя на переговоры о судьбе Уссурийского края в 1860 г., вполне представляла себе желаемые территории: были изучены основные пути проникновения, намечены (и частично заняты) ключевые пункты, дана оценка природному потенциалу района. Свидетельством высокого уровня информированности русской администрации относительно Приамурского края на рубеже 50 – 60-х гг. служит издание в 1861 году первой сводной карты этого региона, основанной на 67 астрономических пунктах¹⁸.

Параллельно с изучением Амурского региона шёл и процесс его военной колонизации. Самым наглядным примером выступает Амурская экспедиция под руководством Г. И. Невельского: разведка устья Амура со стороны моря летом 1849 года заканчивается основанием «торговой фактории»¹⁹ Николаевск, масштабными исследованиями территорий нижнего Амура и районов северного побережья Японского моря в рамках Амурской экспедиции (1850 – 1855 гг.). Однако собственно занятие края начинается с амурских сплавов (1854 – 1859 гг.), позволивших не только организовать оборону тихоокеанского побережья в ходе Крымской войны, но и наметить цепочку русских поселений на берегах Амура, послуживших опорой дальнейшей колонизации территории будущей Приморской области.

В течение 1850 – 1857 гг., то есть ещё до начального размежевания приамурских земель с Китаем, на Нижнем Амуре и морском побережье было размещено чуть менее 3,5 тыс. человек²⁰, основано 17 населённых пунктов: Петровское, Николаевск, Де-Кастри, Мариинск, ст. Сучи, Мариинско-Успенское, Сабах, Тебах, Тыр, Воскресенское, Мало-Михайловское, Больше-Михайловское, Георгиевское, Богородское, Иркутское, Кизи²¹. Все эти пункты, только треть (пять первых в списке) из которых можно считать военными поселениями, размещались в самых низовьях Амура, либо на морском побережье. Тем не

менее, даже крестьяне расселялись начальством не столько с общеколонизационной, сколько с военно-стратегической целью демонстрации русского присутствия на Амуре: в 1855 году, в рамках второго амурского сплава, призванного обеспечить оборону устья Амура от англо-французского десанта, под руководством князя Волконского были переселены и размещены десятки крестьянских семей²².

Заключение Айгуньского и Тяньцзиньского договоров в мае – июне 1858 г. позволяет России закрепиться не только на левом берегу Амура (который, собственно, и отходил России), но и на правом, вниз по течению от устья Усури. Тем более что основная часть русских поселений на Нижнем Амуре располагалась (и до сих пор располагается) на его правом, более удобном для поселения, берегу. Это обстоятельство естественным образом толкает русских к контролю над пространством между Усури, Нижним Амуром и Японским морем – Уссурийским краем.

В течение 1858 – 1860 гг. на Нижнем Амуре возникает ещё шестнадцать населённых пунктов: селения Када, Койма, Кальго, Маго, Вятское, Воронежское, Сарапульское, Троицкое, Жеребцовское, Тамбовское, Пермское, посты Хабаровка, Софийск²³, станицы Корсаковская, Казакевичевская и Невельская²⁴, большая часть из которых расположена на правом берегу Амура – от устья Усури до самых низовий великой реки. Таким образом русская колонизация захватывает всё протяжение Нижнего Амура, что было призвано обеспечить контроль над основной транспортной артерией региона, а также создать задел русского присутствия здесь.

В то время, когда в Пекине и его окрестностях граф Игнатъев, деятельно лавируя между китайцами и англо-французами, стремился урегулировать русско-китайскую границу в Уссурийском крае, здесь шла работа по размещению русских постов и селений. Ещё в 1858 году был основан Ольгинский пост (зал. Ольга)²⁵, в 1859 году экспедиция Будогосского основала пост Турий Рог близ оз. Ханка²⁶, в 1860 году в Южно-Уссурийском крае были основаны посты Владивосток, Новгородский, Раздольный²⁷, которые закрепили край за Россией.

Официальный переход Уссурийского края под юрисдикцию России состоялся в ноябре 1860 года (Пекинский договор), к этому времени воинские команды заняли пункты на южном побережье края и в континентальной его части. До 1862 года в Уссурийском крае по правому берегу Уссури было размещено 29 казачьих станиц и посёлков²⁸, в 1860 на восточном побережье края недалеко от Ольгинского поста ходоками из северных районов Приморской области было основано селение Фудин²⁹. Таким образом, в начале 60-х годов Уссурийский край был опоясан русскими селениями, располагавшимися главным образом вдоль основных путей того времени: рек Амура и Уссури, а также вдоль морского побережья. Несмотря на большой вклад гражданского населения в занятие Приамурья на рубеже 50 – 60-х годов, само утверждение России на Амуре носило характер военной колонизации, или даже «оккупации»³⁰, размещение поселенцев осуществлялось под контролем и в интересах военных.

В результате большой политической, дипломатической, исследовательской работы, перемещения тысяч людей и основания десятков населённых пунктов, во второй половине 40-х – начале 60-х годов XIX века Россия приобретает обширный Приамурский край. Однако за это время происходит только самое первое, поверхностное знакомство с сей территорией, которая в масштабах всего региона остаётся такой же малонаселённой, основные пути сообщения были естественного происхождения (реки), отсутствовали производство и торговля. Несмотря на образование Приморской (1856 г.) и Амурской (1858 г.) областей, управление в этом регионе имело символический характер. Для развития Приамурья, в том числе для его военной безопасности³¹, в первую очередь были необходимы рабочие руки, получить которые можно было только путём переселения сюда людей из других районов страны.

Несмотря на то, что изначально, в 50-е годы, правительство (в лице Сибирского комитета) стремилось привлечь в Приамурье дворян³², а первыми колонизаторами Амура были казаки, альтернативы крестьянскому переселению не существовало. Во-первых, крестьянство было самой массовой категорией населения страны: даже к концу XIX века доля крестьянства в населении России

была близка к 74%³³. Во-вторых, казачья колонизация оказалась малоэффективной³⁴, казаки не могли одинаково хорошо охранять край и содействовать его экономическому развитию. В-третьих, крестьянство обладало ценными качествами колониста – нетребовательностью в быту, натуральным характером хозяйства, что должно сделать процесс приживания на новом месте возможно более безболезненным. Наконец, ещё в дореволюционное время было признано, что наиболее естественным для России является путь крестьянской колонизации³⁵.

Переселенческая политика правительства в XIX в., имея противоречивый характер, в целом была запретительной, поскольку интересы колонизации окраин вступали в конфликт с интересами господствующего в стране дворянства. Вместе с тем, колонизация Приамурья, а значит и переселение сюда людей, имела не столько социально-экономический, сколько военно-стратегический характер, что сказывается и в особом колонизационном курсе правительства: в отношении Дальнего Востока интересы государства были выше интересов сословий, а значит переселенческий вопрос решался особым образом³⁶.

Первый проект закона о переселении в Приамурье относится к концу 50-х годов и принадлежит генерал-губернатору Муравьёву, суть проекта заключается в дозволении свободного переселения на Амур всех желающих вкупе с рядом льгот, призванных стимулировать приток населения³⁷. Отклонив этот проект, правительство постановило возможность переселения только для лично свободных, сузив таким образом кадровую базу переселения; крестьянское переселение признано было осуществлять на счёт государства, что, учитывая неблагоприятную финансовую ситуацию страны рубежа 50 – 60-х годов, также ограничивало возможности переселения.

Либеральное время 60-х годов несёт желающим свободное за свой счёт переселение в Приамурье: правилами 26 марта и указом Сената 27 апреля 1861 года вводятся новые принципы переселения, дающие переселенцам разнообразные льготы, основная из которых – право на пользование 100-десятинным семейным наделом³⁸. Свободное переселение и значительный семейный надел, эти условия переселения являются специфическими для Дальнего Востока на

протяжении всего изучаемого периода, они остаются в силе до конца столетия. Дальнейшие изменения в области переселенческой политики в Приамурье связаны с корректировкой льгот и пособий для переселенцев³⁹, а также условиями переезда на Дальний Восток. Самым значимым в этом ряду является закон 1 июня 1882 года о казённокоштном переселении в Южно-Уссурийский край, в соответствии с которым государство брало на себя оплату проезда и затраты на первоначальное обустройство переселенцев в местах водворения⁴⁰. В связи с необходимостью приёма и сопровождения дотоле невиданного количества переселенцев, создаётся Южно-Уссурийское переселенческое управление, аналогов которому в стране не существовало⁴¹.

Оценивая переселенческую политику России на Дальнем Востоке во второй половине XIX века, следует указать на несколько аспектов. Во-первых, новаторский характер многих мер (свобода переселения, большой земельный надел, ссуды, перевозка на дальние расстояния за госсчёт, Южно-Уссурийское Переселенческое управление); связано это главным образом со специфическими условиями колонизации, главное из которых – удалённость от центра страны, а значит их уязвимость и требовательность относительно центра. Государство в отношении Приамурья вынуждено было отказаться от последовательно консервативной переселенческой политики, чтобы сохранить эту землю за собой. Во-вторых, хорошо прослеживаемая связь переселенческой политики в Приамурье со внешнеполитической обстановкой; бюджетные ассигнования на переселения конца 50-х и начала 80-х годов связаны в первом случае со второй опиумной войной, а значит с существенной военной угрозой Приамурью от недавних врагов – англичан и французов⁴², во втором случае – военная опасность от самого Китая на рубеже 70 – 80-х годов в связи со спором на западном, центральноазиатском, участке русско-китайской границы⁴³. Выявленные черты переселенческой политики России в Приамурье подтверждают известный тезис о военно-стратегических мотивах русской колонизации юга Дальнего Востока.

Существующая периодизация переселенческого процесса исходит главным образом из основного способа передвижения мигрантов на Дальний Во-

сток, а также из динамики перетока людей на восток и век переселенческой политики. Для второй половины XIX века, на основе указанных критериев Ю. Н. Осиповым выделяются три периода: 1861 – 1881 гг., 1882 – 1891 гг., 1892 – 1901 гг.⁴⁴ Интересующий наше исследование отрезок 1855 – 1860 гг. логично слить с первым периодом, чему есть историографические примеры⁴⁵, таким образом, периодизация переселенческого процесса в Приморскую область в XIX в. будет иметь следующий вид: первый период 1855 – 1881 гг., второй период 1882 – 1891 гг., третий период 1892 – 1901 гг.

Первый период переселения в Приморскую область (1855 – 1881 гг.), наиболее продолжительный, характеризуется самыми сложными условиями пути, длительностью сроков путешествия переселенцев на Дальний Восток, а значит – и небольшим числом новосёлов на далёкой окраине России. В течение данного периода в Приморскую область переселилось 7314 крестьян⁴⁶, однако, если в дореформенное время доля крестьян в общем потоке переселенцев не превышала 30%, то для 60 – 70-х годов роль крестьян стремительно растёт: в общем потоке переселенцев они составляют почти 60%. Чем можно объяснить такой феноменальный рост одной из многих категорий переселенцев? Безусловно, играют роль большая доля крестьян среди населения страны, высокие колонизационные качества крестьян, значимым фактором является крестьянская реформа начала 60-х годов.

Вместе с тем, следует помнить о военном характере присоединения Приамурья, что уже должно накладывать печать своеобразия на структуру переселенцев; помимо этого для Дальнего Востока характерна высокая доля городского населения: в литературе отмечается его рост с 4,5% в начале 60-х до 22,7% в конце 90-х годов⁴⁷. Указанные черты должны были скорректировать структуру переселенцев в пользу некрестьянского населения, Российская империя, стремясь утвердиться на новоприобретённых землях, должна была вести здесь активное строительство дорог, портов, возможно – промышленных предприятий; всё это должно было привести к переселению в Приамурье большого числа рабочих, служащих и т. п. Однако этого не произошло: как будет показано в дан-

ном исследовании, возможностей транспортной сети не хватало даже для неприхотливой крестьянской колонизации, не говоря о более требовательной колонизации промышленной. Объяснить примат крестьянского переселения над другими его видами может позиция правительства по поводу Приамурья в рассматриваемый период переселения, а вернее – отсутствие такой позиции. После рывка, связанного с выходом России к Японскому морю, Приамурье на два десятилетия остаётся вне фокуса внешней и внутренней политики русского правительства⁴⁸ и развивается по инерции⁴⁹.

Второй период переселения (1882 – 1891 гг.) связан в первую очередь с пристальным вниманием правительства к Приамурью, Уссурийскому краю в частности. Как было отмечено выше, одной из побудительных причин к интенсификации переселенческого процесса были внешнеполитические осложнения, большое впечатление на восточносибирскую и приморскую администрацию оказали успехи китайской колонизации Маньчжурии⁵⁰. Генерал-губернатор Д. Г. Анучин рассматривал земледельческое население как стратегический ресурс: крестьянство должно было обеспечивать военные силы региона продовольствием, а главное – служить опорой войск, гарантией и фактом русского присутствия⁵¹. Идея морского переселения (Одесса – Босфор – Суэц – Сингапур – Владивосток) колонистов обретала реальность на фоне существования черноморского Добровольного флота, созданного в конце 70-х гг. в период очередного обострения отношений с Британией⁵². Для сопровождения переселенцев в месте сбора, Одессе, и в Уссурийском крае в 1882 году создаётся Южно-Уссурийское переселенческое управление⁵³. Вместе с новым морским путём в Приамурье остаётся и старый сухопутный, однако для Приморской области он не имел значения.

В течение данного периода в Приморскую область вселилось 14906 крестьян, что от общего числа переселенцев составляло более 97%⁵⁴. Иначе говоря, кроме крестьян в Приморье практически никто не переселялся. Учитывая постепенно нарастающее международное соперничество в регионе и административные преобразования Дальнего Востока в 80-х годах, такое обстоятельство

выглядит непоследовательно, тем более, что именно в начале 80-х фактически начинается строительство Транссибирской магистрали.

Третий период переселения (1892 – 1901 гг.) демонстрирует ещё большие масштабы движения на восток, расширение средств переселения, наконец дальневосточная политика становится одним из приоритетов правительства, что сказывается и на переселении. Учреждение комитета Сибирской дороги позитивно сказывается на условиях переселения как морского⁵⁵, так и сухопутного⁵⁶. Всего за данный период в Приморскую область переселилось 41664 крестьян, от общего числа переселенцев 86,2%⁵⁷. Уменьшение доли крестьян можно связать с высокими темпами роста числа рабочих, задействованных на строительстве железных дорог, портовых сооружений и проч.⁵⁸

В отличие от предшествующих времён, крестьянское переселение конца XIX века уже не имеет прямого отношения к внешнеполитическим обстоятельствам страны. Связано это, вероятно, с тем, что интересы русского правительства и интересы русской буржуазии на Дальнем Востоке всё более отодвигаются от границ страны вглубь Китая и Кореи, а значит у власти преобладающих появляются новые цели и новые средства их достижения⁵⁹. Крестьянские переселения данного периода, особенно их интенсивность, в большей степени связаны с ситуацией европейской деревни России, что косвенно было подтверждено самим Витте во всеподданнейшем докладе 1902 г. о поездке на Дальний Восток⁶⁰.

В результате крестьянского переселения, за полстолетия, прошедшие с момента присоединения Приамурья к России, Нижний Амур, а особенно Уссурийский край превратились в неотъемлемую, хотя и очень особенную, часть России. Были основаны десятки селений, проложены сотни вёрст дорог, распашаны тысячи десятин земли, наконец, обеспечен тыл русским войскам. По переписи 1897 года доля крестьян среди жителей Приморской области составляла 40,75%⁶¹, это была самая многочисленная группа населения, несущая на себе основную отрасль хозяйства региона – аграрную. Помимо хозяйственной и демографической, крестьянство играло значимую военно-политическую роль, выступая, как было показано, средством достижения военных и политических це-

лей правительства страны и руководства региона.

Итак, присоединение Приамурья к России и миграция десятков тысяч крестьян из европейской части империи на территории Приморской области создают необходимые условия для крестьянского расселения.

В географической литературе понятие расселения связано (как частное с общим) с понятием размещения, последнее определяется как «конкретное распределение явлений по геотории»⁶². Таким образом, под процессом расселения крестьян можно понимать занятие ими рассматриваемой в предлагаемом исследовании территории. В качестве критерия (или «явлений» в соответствии с понятием размещения) расселения следует избрать основание селений, учитывая хронологию и географию этого процесса. Мерой расселения выступает динамика образования новых селений в рамках изучаемого периода, а также степень рассеяния крестьянских селений по территории области, концентрации их в тех или иных местностях.

Под водворением крестьян следует понимать последнюю, завершающую стадию переселения, следующую за собственно миграцией (в т. ч. расселением). Современное обществознание располагает достаточно разработанной теорией миграции⁶³, включающей и аспекты психологической адаптации на новом месте, однако урбанизированная современность даёт мало оснований для концептуализации крестьянского водворения как сложного административного и социально-экономического процесса. Некоторым образом восполнить этот недостаток могут работы, посвящённые изучению опыта хозяйственного освоения пионерных, неосвоенных территорий⁶⁴, а также хозяйственной адаптации русского крестьянства на Дальнем Востоке в изучаемый период⁶⁵. Вместе с тем, анализ опыта хозяйствования в целом не может заменить изучение аспекта достаточно узкого, но определяющего дальнейшее развитие хозяйства – водворения.

Словарь Даля определяет водворение как действие от глагола «водворить», т. е. поселить, отвести место, усад, двор под избу, устроить для постоянного жительства⁶⁶. В похожем значении использует данный термин В. Г. Тю-

кавкин, используя словосочетание «официальное водворение», подразумевая, однако, не только собственно поселение, но и землеотвод⁶⁷. Обращаясь же к специфике крестьянства как социального типа, следует помнить о его земледельческом характере⁶⁸, о том, что земля составляет преимущественный объект приложения труда, русское крестьянство не является исключением⁶⁹. Таким образом, понятие водворения включает не только поселение колонистов на новом месте, но и наделение землёй, введение её в хозяйственный оборот, а также достижение хозяйством экономической самостоятельности. Такой подход придаёт этому понятию познавательную ценность, поскольку *успешная адаптация хозяйства на месте вселения переселенцев есть показатель эффективного водворения*. Итак, водворение – это переходный этап от кочевой переселенческой к оседлой (или, по Н. А. Крюкову, полуоседлой⁷⁰) новосельческой жизни колонистов.

Для описываемого периода (вторая половина XIX в.) понятие водворения не имело официального определения⁷¹, что создавало трудности в управлении колонизацией. Местная бюрократия нашла временное решение: в течение данного законом срока засельщики должны были использовать участок в хозяйственных целях, иметь здесь «постоянное домообзаводство или заработок»⁷², тогда они считались водворившимися. Но кроме хозяйственной стороны, водворение имеет и административную – переселенцы должны были пройти регистрацию, если не в государственных органах, то, по крайней мере, получить приёмный приговор существующей общины⁷³.

Расселение и водворение образуют своеобразную связку явлений, характерных для финального этапа переселения, этапа выбора места поселения и утверждения хозяйства на новом месте. В данной работе в описании и анализе водворения сделан акцент на той его части, которая структурно связана с расселением – темпах приживаемости хозяйств, уровне мобильности новосёлов, в разные сроки оседающих на местах вселения.

Важной компонентой работы является понятие «русское крестьянство», несущее на себе большую смысловую нагрузку. Под русским крестьянством в

данной работе подразумевается сельское население Приморской области, крестьянского сословного состояния, имеющее право на семейный стодесятинный надел земли. Это были переселенцы из европейских и сибирских губерний России, на изучаемом этапе главным образом из малороссийских. Термин «русский» в данном случае используется как этнополитоним, для обозначения отношения рассматриваемого населения как части крупной культурной общности⁷⁴. Таким образом удаётся учесть а) относительную общность крестьян-переселенцев, связанных не только новым местом проживания, и отличных как от русских же казаков и иных категорий переселенцев, так и от восточноазиатов: корейцев, китайцев, аборигенов, промышлявших земледелием в Приморье; б) их этническую разнородность – помимо восточных славян в эту группу входили и представители иных народов. Такой подход тем более приемлем, поскольку местная администрация царского времени обобщала тех, кого сегодня в научном обиходе принято называть «восточнославянским населением» именно термином «русские»⁷⁵.

1.2. Естественные условия развития земледельческого хозяйства на территории южной части Приморской области

Из всех форм хозяйственной деятельности земледельческий труд, как образ жизни крестьян и основной фактор расселения, более всего зависит от природных условий. Поэтому изучение естественных условий является очень важным звеном аграрных исследований. Многие особенности развития процесса расселения крестьян можно объяснить с помощью природной специфики той местности, где располагаются хозяйства. На примере Приморской области видно, что местная администрация долгое время (вплоть до 90-х гг. XIX в.) была озабочена недостатком сельскохозяйственных производителей и, следовательно, продовольственной зависимостью области от удалённых территорий России, а также от соседних областей Китая. Доставка зерна из России была дорога и долга⁷⁶, а отношения с Китаем не всегда были гладкими.

Анализ природных условий расселения предполагает рассмотрение об-

щих географических условий, определяющих специфику региона в целом, таких как географическое положение, рельеф, климат и т. д. Изучение же частных природных факторов, непосредственно влияющих на хозяйство (таких как длительность вегетационного периода, количество тепла в сельскохозяйственный сезон, распределение осадков по временам года), должно производиться, исходя из нужд и особенностей этого хозяйства, набора его культур, специфики культуры его участников – русских крестьян.

Южная часть Дальнего Востока (в пределах современных Амурской области, Хабаровского края, Еврейской Автономной области и Приморского края) характеризуется как гористое место — горы занимают здесь более 80% поверхности, а на равнины приходится, соответственно, менее 20% территории⁷⁷. В отношении собственно района южной части Приморской области для равнин соотношение более благоприятно, однако горы господствуют и здесь, занимая гораздо более половины поверхности. Так, по подсчётам начала XX века горные области здесь занимают около 63,5% поверхности, а равнинные – около 36,5%⁷⁸. В свете земледельческой колонизации это обстоятельство налагает ограничения на объём потенциально пригодных для освоения территорий, являясь (правда, в наименьшей степени из всех) одним из неблагоприятных факторов освоения.

Юг Дальнего Востока в целом – страна низких и средних гор; также и Сихотэ-Алинь, ось изучаемого региона, – среднегорная страна⁷⁹. К особенностям устройства поверхности юга Приморской области следует отнести плавные очертания возвышенностей⁸⁰ и небольшой наклон поверхности, что приводит к частым разливам рек и переувлажнению приречных территорий⁸¹. Плавные очертания поверхностей предполагают невысокую скорость течения, а следовательно – малую разрушительную силу полых вод: зачастую урожай остаётся цел почти в полном объёме⁸². Вместе с тем, следует помнить, что катастрофические разливы рек в данном регионе достаточно редкое явление, особенно с периода русской земледельческой колонизации, существенно повлиявшей на водный обмен почв⁸³.

Речная сеть южной части Дальнего Востока развита очень сильно. При

этом подавляющее число (95%) составляют самые малые реки длиной до 10 км; общая длина этих рек составляет 63% от длины всех рек региона⁸⁴. Питание рек преимущественно дождевое⁸⁵, что привязывает весь водный режим региона к сезонному распределению осадков. В соответствии с характером питания рек можно выделить три основные фазы в их гидрологическом режиме: весеннее половодье, летне-осенний паводочный период и зимнюю межень⁸⁶. При этом с точки зрения земледельческой колонизации, такая особенность имеет важное значение. Дело в том, что для Европейской России, откуда шла основная масса переселенцев, нехарактерен летне-осенний паводочный период. Опираясь на опыт мест выхода, переселенцы первое время неожиданно сталкивались с летними наводнениями, уничтожавшими их посевы и жильё. Это обстоятельство в некоторых случаях задерживало развитие сельского хозяйства Приморской области, а крестьян оставляло прозябать в нищете. Так, наводнение 1868 г. почти полностью уничтожило хозяйства в долине р. Аввакумовки⁸⁷. Частые наводнения привели к тому, что на рубеже XIX – XX вв. в селении Ветка проживало всего 5 семей из 30 первоначально поселившихся здесь ещё в 1860 г.⁸⁸

Вместе с тем, разливы рек положительно сказываются на плодородии почв, и благоразумные хозяева готовы пожертвовать одним урожаем, рассчитывая наверстать упущенное в благополучные сезоны – так, например, поступали жители дер. Бельцовой на р. Даубихэ. Известно, что это селение было основано староверами в 1886 г. на месте неудавшихся вследствие наводнения 1884 г. новинок казённокоштных переселенцев из Украины, причём известно, что староверы поселились на этом месте зная о наводнениях⁸⁹. Кроме того, для Бельцовой известен случай 1896 г., связанный с затоплением и гибелью посевов, не повлиявший на в целом хорошие отзывы о данной местности её жителей⁹⁰.

Почвенный покров южной части Приморской области достаточно разнообразен, однако зональным видом почв областей, связанных с нагорьем Сихотэ-Алинь, считаются бурые почвы⁹¹. Потенциально пригодными для использования в полеводческом хозяйстве являются почвы равнин и низкогорий, которые в своём качестве весьма неоднородны и обладают разнообразными физическими

и химическими свойствами. Это сказывается на количестве и качестве труда, вкладываемого крестьянами в землю, а также отражается на уровне урожайности культур, высеваемых в эти почвы. В целом почвы данного региона можно распределить на горные почвы и почвы равнин⁹². Естественно, что почвы равнин богаче и более подходят для земледельческого хозяйства.

Среди факторов, определяющих хозяйственную ценность пахотных площадей, помимо плодородия почв следует учитывать и условия залегания этих почв. Во-первых, необходимо иметь ввиду расположение площадей относительно моря – прибрежные территории страдают от переувлажнения, туманов, особенное значение это имеет для побережья Южно-Уссурийского края. Западные побережья Амурского и Уссурийского заливов серьёзно зависят от морских ветров, приносящих туман, заполняющий долины практически на всё их пространство⁹³. Естественно, что холодный морской туман существенным образом и не в лучшую сторону влияет на результаты хозяйствования в этих местах⁹⁴.

Ведущим фактором сельского хозяйства считается климат, по своей роли он превосходит такие характеристики поверхности, как почвенный и растительный покров. Соотношение тепла и влаги – основной показатель климата, поэтому характеризуя климатическую обстановку в крае, следует отметить температурную и влажностную контрастность⁹⁵. Неравномерное распределение тепла и влажности как во времени, так и в пространстве создаёт особые условия для хозяйствования в южно-дальневосточном регионе. Муссонный климат юга Дальнего Востока определяется как переходный – муссонно-континентальный с нарастающими чертами муссонности (см. рис. 1.1)⁹⁶.

Одной из характерных черт климата юга Приморской области является чрезвычайно низкие зимние температуры для данной широты (широты юга России и Северного Причерноморья), а также поздние заморозки в тёплое время года. Рельеф региона устроен так, что его равнины открыты с севера и северо-запада – долина Амура. Отсюда и поздние заморозки, характерные для апреля-мая, а для района Николаевска даже для начала июня⁹⁷. Низкие зимние температуры воздуха в сочетании с тонким снежным покровом вызывают глубокое

промерзание почвы. Почти везде она промерзает на глубину 1 – 1,5 м, а на севере до 2 м, местами даже до 2,5 м⁹⁸.

Рис. 1.1. Типы увлажнения территорий Приморской области

Условные обозначения

МУССОННАЯ
ЗОНА

название зон
распространения
типов увлажнения

границы зон
распространения
типов увлажнения

В летнее время выпадает свыше 70%⁹⁹ и даже до 85%¹⁰⁰ годовых осадков. Наибольшее количество дней с осадками приходится на лето, причём количество летних осадков примерно на порядок больше осадков зимнего времени. Малоснежная зима и дождливое лето создают заметные трудности полеводству, не только снижая урожайность, но и ставя под вопрос возможность местного земледелия вообще¹⁰¹.

Юго-восточное направление ветров смягчает летние температуры в прибрежной зоне. В летние месяцы воздух в южной части региона прогревается до температур, сопоставимых с летними температурами северного черноморского побережья, а в северной части области – Русского Севера и Северо-Запада России¹⁰². Это характеризует температурный фон Приморской области с позитивной стороны: близость температур мест выхода и мест вселения переселенцев

благоприятно влияет как на хозяйственную, так и на физиологическую адаптацию мигрантов. Характерной чертой приморского климата является температурный контраст¹⁰³: если средние показатели дают разницу в 40°, то амплитуда для аномальных температур увеличивается до 60° и более.

Итак, среди характерных черт природных комплексов юга Дальнего Востока современными исследователями называется неустойчивое равновесие, свойственное большей части дальневосточных ландшафтов – как горных, так и равнинных¹⁰⁴. Эта неустойчивость вызвана рядом экстремальных факторов, среди которых ведущее место отводится муссонному климату, «который обуславливает более интенсивный характер энергомассообмена по сравнению с аналогичными ландшафтами других регионов»¹⁰⁵. В целом как современными авторами¹⁰⁶, так и исследователями прошлого¹⁰⁷ отмечается мозаичность, сложность ландшафтной структуры территории, затрудняющую её оценку и хозяйственное использование.

Представленные выше географические характеристики лишь в первом приближении описывают те естественные условия, в которых существовали крестьянские хозяйства и развивалось расселение в Приморской области. Учитывая общегеографические условия можно лишь решить принципиальный вопрос – возможно ли здесь земледелие и оправдывает ли оно себя. Для углублённого анализа потенциала полеводческого хозяйства в описываемом регионе необходимо привлечь специальные агрономические сведения. Они дают возможность оценить шансы возделывания тех или иных видов культурных растений и даже эффективность разных систем полеводства, применявшихся переселенцами. Агроклиматическому анализу подлежат все компоненты природной среды, однако среди них намечается своеобразная иерархия по степени значимости для сельского хозяйства. Так, важнейшим фактором является климат, поскольку от него зависят некоторые другие, в частности почва и растительный покров¹⁰⁸. Среди факторов формирования урожая из числа природных можно выделить следующие¹⁰⁹: а) количество приходящегося на поверхность посева солнечного света; б) температура воздуха и почвы; в) влагообеспеченность; г) состав и

свойства почвы, определяющие её плодородие. Наибольшее значение для урожайности имеют такие факторы, как распределение осадков и температуры за вегетационный период¹¹⁰.

Прежде чем рассматривать непосредственно факторы, определяющие условия полеводства на юге Приморской области, необходимо обратиться к высеваемым здесь культурам. Таким образом можно сразу определить крайние границы условий, необходимых растениям, что поможет сэкономить ресурсы исследования. Подбор культур для таблицы 1.1 проведён по материалам архивных источников¹¹¹. Представлены наиболее типичные культуры русского пашенного хозяйства Приморской области второй половины XIX в. На основании приведённых данных можно составить общее представление о дальнейших рассуждениях в отношении условий ведения полеводческого хозяйства.

Таблица 1.1. Требования культур к условиям произрастания

культуры	Температура, °				Вегетационный период, дней	Влага	
	прорастания семян	оптимальная для развития	сумма тепла, необходимая культуре	заморозков, опасных для всходов		необходимо для прорастания, % от зерна	необходимая для созревания, % от влагоёмкости почв
пшеница яровая	5	25	1780 – 2275	- 10	124	50 – 55	ок. 70
ячмень	3	20 - 22	1700 – 2500	- 7 – 8	75 – 93	50	-
овёс	2 - 3	25	2340 – 2730	- 3 - 4	104	65	-
рожь яровая	1 - 2	25	1750 – 2190	-	106	-	-
гречиха	7 - 8	15	1000 – 1350	- 1	74	100	средне
картофель	4 - 5	18 - 25	1300 - 3000	3	130	-	80 - 85
лён	2 - 3	25	1600 - 1850	- 4	100	-	-
конопля	1 - 2	-	-	- 3 – 5	-	-	средне

Составлено по: Бурлака В. В. Растениеводство Дальнего Востока. – Хабаровск: Дальневост. научн.-иссл. ин-т сельск. хоз., 1965; Изучение климата Приморского района. Метеорологическая хрестоматия для Дальнего Востока. – Владивосток: б. и., 1914.; Шпаковский В. Природные и экономические обоснования плодосменного севооборота в Приморье // Советское Приморье. – 1925. – №1 – 2.

Суровые и малоснежные зимы не благоприятствуют перезимовке озимых культур, поэтому они имеют совсем небольшой удельный вес в сельскохозяйственном производстве. Тем не менее, первое время переселенцы активно использовали озимые сорта пшеницы и ржи. Так, в годовом отчёте начальника Хан-

кайского и Суйфунского округов за 1870 г. (фактически это этап спорадического заселения Южно-Уссурийского края русскими) можно встретить информацию о посевах пшеницы и «ярового» (хлеба)¹¹². Под «пшеницей» здесь имеется в виду озимая пшеница, а под «яровым» – яровая. Однако уже в отчёте генерал-губернатора Приморской области за 1876 год посеvy озимой пшеницы не значатся¹¹³, то же фиксируем и в отчёте начальника Южно-Уссурийского округа за 1889 год¹¹⁴ (это период массового переселения крестьян морем, время заметного уплотнения русского населения и расширения географии русских поселений): в соответствии с формой документа озимая пшеница указана, но посевов не производилось, и графа остаётся пустой¹¹⁵. Неудобство зимних посевов комментирует в одной из своих работ Н. А. Крюков: среди причин оттеснения озимых хлебов на второстепенное место в кругу высеваемых культур он называет неустойчивость снежного покрова, летние дожди, совпадение сроков работ, мешающее культуре озимых¹¹⁶. В этом отношении интересно замечание автора работы, вышедшей в 1928 г. о том, что «в последнее время Приморской опытной станцией (около Никольска-Уссурийского) ведутся удачные опыты с посевом озимой пшеницы»¹¹⁷, – культура возвращается, но судя по всему в районированном варианте, пригодном для использования в местных условиях. Окончательно озимая пшеница (как и некоторые другие культуры) была вытеснена только после 40-х гг. XX в, что опять-таки связано с неблагоприятными условиями зимовки¹¹⁸.

Для того, чтобы осуществить более ранний сев, тем самым дав растениям больше шансов вырасти здоровыми и крепкими до начала неблагоприятной фазы, крестьяне в начале XX века (а вполне возможно и в XIX) использовали следующий способ. Сразу после схода снега (в начале апреля) крестьяне спешили пустить по полям палы. Таким образом достигается несколько целей: во-первых, огнём уничтожаются сорняки, во-вторых, земля удобряется золой от сгоревших остатков растений, в-третьих, прогревается (правда незначительно) верхний слой почвы и, наконец – самое главное, в-четвёртых, поля из жёлто-бурых превращаются пламенем в чёрные. В результате почва притягивает

больше солнечных лучей и быстрее идёт естественное прогревание земли, что приближает сроки вспашки и, соответственно, сева на две недели¹¹⁹. То же самое практикуют в отношении лугов, преследуя, правда, несколько иные цели¹²⁰.

В нижеследующей табл. 1.2 указаны примерные сроки начала вегетационного периода и количество тепла, приходящегося на местности Приморской области. Как видно из таблицы, длительность безморозного периода в разных областях изучаемого региона различается заметно, то же самое можно сказать и о сумме температур. Всё это накладывает специфику на характер земледелия в тех или иных местностях. Кроме того, возможен вариант отказа от земледелия, в случае если оно по сравнению с промыслами оказывается менее выгодным.

Важным показателем термического режима вегетационного периода служит период с суточными температурами воздуха выше 10°, более или менее совпадающий с безморозным периодом – в это время протекает наиболее активно вегетация большей части яровых культур. На рассматриваемой территории продолжительность этого периода колеблется в весьма широких пределах: от пяти месяцев на Приханкайской равнине до двух месяцев на побережье Охотского моря (см. табл. 1.2).

Таблица 1.2. Количество тепла за вегетационный период 1905 г.

Местности	Последний иней или мороз			Средняя температура выше 6°			Сумма температур (°)	
	весна	осень	безморозный период, дней	начало периода	конец периода	вегетационный период, дней	выше 6°	вегетационный период, дней
Никольск-Уссурийский	8.05	29.09	144	24.04	12.10	171	2233	2076
Владивосток	20.04	8.10	171	15.04	20.10	188	2560	2390
Хабаровск	15.05	5.10	142	26.04	8.10	165	2570	2365
Николаевск	6.06	2.10	118	22.05	10.10	141	1694	1520
Пост Св. Ольги	15.05	5.10	143	24.05	16.10	144	2072	2054

Составлено по: Изучение климата Приморского района. Метеорологическая хрестоматия для Дальнего Востока. – Владивосток: б. и., 1914. С. 88.

По продолжительности периода с суточными температурами воздуха выше 15° можно судить о возможности созревания теплолюбивых культур: кукурузы, томатов, огурцов и некоторых садово-ягодных культур. Только в долине

Амура от Благовещенска до современного Комсомольска-на-Амуре и в долине Усури от Хабаровска до Владивостока этот период длится больше трёх месяцев¹²¹, что позволяет ввести дополнительный профиль территориальной дифференциации рассматриваемого региона.

При сравнении материалов таблиц 1.1 и 1.2 оказывается, что сумма температур, которой располагает природа юга Дальнего Востока, вполне удовлетворительна для ведения зернового хозяйства на протяжении большей части изучаемого региона. За скобками остаётся только северный район, прилегающий к Николаевску: здесь сумма температур достаточна, пожалуй, только для выращивания картофеля, что история и подтверждает: например, судя по отчёту начальника Николаевского округа, в округе выращивали из стандартного списка культур только картофель¹²².

Для уточнения сделанных выше наблюдений и выводов, следует обратиться к опыту специальных исследований, посвящённых анализу природных условий на предмет их соответствия интересам сельского хозяйства вообще и русского полеводства в частности. Подобного рода исследовательские агрономические разыскания, относящиеся к изучаемому периоду, автору настоящего исследования не известны и вряд ли проводились, как можно предположить по косвенным данным. Тем не менее, опыт рассмотрения условий хозяйствования в Приморье XIX в. имеется – это экономико-географическое районирование Приморской области в отчётах губернаторов Приморской области, а также в приложениях к ним – Обзорах Приморской области.

Изменение взгляда на природный и хозяйственный потенциал территорий Приморской области можно характеризовать как поступательное расширение знаний о возможностях земель. Отсюда, постепенно, – формирование более подробного взгляда на потенциал территорий; хотя можно отметить и отступления от этой линии. Говоря о хозяйственном районировании, следует иметь в виду, что во второй половине XIX в. для Приморской области ведущим сектором экономики было именно сельское хозяйство, а потому и районирование проводилось с позиций интересов именно сельского хозяйства – в частности пашен-

ного производства.

Так, годовой отчёт военного губернатора за 1868 год различает два района: неземледельческий к северу от Амура и земледельческий к югу от него¹²³. Северный район не располагал необходимыми для пашенного земледелия природными условиями, и значительных пашенных угодий там не было. Условия же приамурских и приуссурийских территорий позволяли вести там зерновое хозяйство. Кроме того, удобное географическое положение и наличие таких природных ресурсов, как древесина и полезные ископаемые, обещали этой части области, по версии отчёта, большое будущее¹²⁴.

Всеподданнейший отчёт 1870 года представляет уже более разработанную схему районирования, включавшую три зоны. Во-первых, это северная часть области, простирающаяся от Ледовитого океана до устья Амура, негодная к пашенному земледелию¹²⁵. Во-вторых, это «средняя полоса области», включающая приамурские и приуссурийские земли, ограниченно годные к зерновому земледелию. Причиной тому служат как суровость климата, так и природные бедствия: наводнения, заморозки, лесные пожары¹²⁶. В-третьих, это южная часть области – «Зауссурийский край». Его условия подаются в сравнении с показателями предыдущих районов и говорится о большей пригодности зауссурийских земель к «успешному развитию сельского хозяйства»¹²⁷.

Всеподданнейший отчёт 1876 года даёт больше информации по природным условиям различных частей области, а Обзор Приморской области за 1876 год приводит оригинальную, отличную от предыдущих, схему районирования. Традиционно территории к северу от устья Амура относятся к непашенным и на основании этого выделяются в отдельный экономический район¹²⁸. Следующий экономический район – пространства от устья Амура до устья Усури, а также о. Сахалин¹²⁹. Интересно, что Николаевский округ, входящий во второй район, удовлетворяет требованиям зернового производства только своей «Нижней (скорее всего южной – Я. Б.) частью». Итак, юг Николаевского округа, Софийский округ и о. Сахалин обладают достаточными для пашенного хозяйства природными условиями, однако в минимальном объёме. Причиной тому – и

краткость тёплого времени года (до 4,5 – 5 месяцев), и неудобные земли, и трудноподдающиеся вековые леса, а также болота, горы... Низкое плодородие почв завершает картину неудобств полеводства¹³⁰. Наконец, третий район, включающий район р. Уссури, побережье юга современного Приморья. Этот район также включает земли пригодные и не пригодные для хлебопашества. К последним относятся «некоторые Приморские места», вероятно восточное побережье, где затрудняющим фактором земледелия являются морские туманы, и «некоторые при Уссурийские низменности», страдающие от половодья¹³¹. Наиболее удобные места для земледелия определяются в рамках бассейна оз. Ханка, долиной верхнего течения р. Суйфун, долинами рек, впадающих с запада в Амурский залив¹³². Среди благоприятных факторов полеводства называются такие, как высокое плодородие почвы, продолжительное лето (вернее тёплое время года – 6,5 месяцев), вообще тёплый климат и наличие открытых мест, что позволяет не тратить ресурсы на раскорчёвку лесов¹³³.

Всеподданнейший отчёт за 1889 год, подобно предыдущим, определяет три района, в том числе: северные округа, в которых земледелие по существу отсутствует; округа Удская, Софийская и Уссурийская казачья, в которых сельское население сочетает хлебопашество с промыслами и разными промыслами; Южно-Уссурийская округа, в которой земледелие составляет главное занятие сельского населения¹³⁴. Интересно, что во второй сельскохозяйственной зоне только Уссурийская казачья округа вполне обеспечивает себя хлебом¹³⁵, группируясь таким образом с Южно-Уссурийской, которая живёт своим хлебом. Округи Софийская и Удская местным урожаем хлебов не обеспечены¹³⁶. Именно поэтому население трёх северных округ занимается почтовой гоньбой и разными промыслами, причём чем севернее территории, тем больший вес имеют побочные (относительно хлебопашества) промыслы¹³⁷.

90-е годы XIX в. дают стабильное отражение агроклиматических возможностей Приморской области в официальной отчётности, восходящее к опыту начала 70-х гг. Так, обзор Приморской области за 1891 г. информирует: «Земледелие составляет главное занятие населения в Южно-Уссурийской округе; затем

идёт Уссурийская Казачья округа; в сравнительно слабой степени им занимаются в округах: Софийской и Удской, а в северных округах его вовсе нет, исключая Камчатку, где по среднему течению реки Камчатки сеется небольшое количество ячменя и конопли»¹³⁸. На всём протяжении 90-х гг. подобная оценка сохраняется даже в своих формулировках¹³⁹.

Отчётности 90-х гг. также свойственны комментарии-отступления, характеризующие те или иные земледельческие районы. Обзор за 1892 год содержит сравнительный анализ климатических возможностей разных частей области: «В то время, когда в Посьетском и Суйфунском участках Южно-Уссурийской округи уже произведены запоздалые посевы, северные округа еще покрыты снегом»¹⁴⁰. Выше уже использовалась информация о структуре занятий населения как косвенный показатель сельскохозяйственных возможностей территорий.

Итак, обзор некоторых губернаторских отчётов и обзоров области второй половины XIX в. показывает как расширение знаний о природных условиях хозяйствования, так и совершенствование подходов к анализу сельскохозяйственного производства в области, приходящиеся в основном на 70 – 80-е гг. XIX в.

Среди неблагоприятных природных условий отмечаются холодный климат – а именно непродолжительное тёплое время года, – бедные почвы, густые леса, мешающие обоснованию земледельцев на новом месте, каменистые горы, неудобные к обработке, заболоченность («тундристые берега» Амура), наводнения, лесные пожары. Интересно, что упомянутые факторы относятся только к средней части области, в которой возможно пашенное земледелие в ограниченном масштабе. При этом особенности природы северной трети области не обсуждаются вовсе. Вероятно дело в том, что именно на Амуре, там, где хлебопашество всё же возможно, явственно обнаруживаются недостатки естественных условий. В то же время, среди неблагоприятных факторов в Южно-Уссурийском крае отмечаются специфические для него морские туманы, а также разливы рек (характерные, кстати, и для Амура).

К положительным естественным условиям, которые приводятся только для южных районов области, относимы плодородие почв, длительное тёплое

время года, вообще тёплый климат, а также наличие открытых, безлесных, пространств, удобных для быстрого обоснования земледельческих хозяйств. Очевидно, что в какой-то мере приамурские и зауссурийские земли противопоставляются друг другу в плане оценки природных условий земледелия. Вероятно такой контраст преследовал цель привлечения внимания столичной администрации к незаселённости Южно-Уссурийского края (см. отчёт за 1870 год¹⁴¹).

Что касается изменений во взгляде на возможности разных частей области, то если в целом распределение потенциалов остаётся стабильным (неблагоприятный север, ограниченно годный Амур и плодородный юг), то положение некоторых округ в общей системе меняется. Так, первоначально юг области делится на две части, северную, неплодородную, и южную, плодородную, границей которых является широта устья Амура (отчёт 1860 года). С 70-х годов область делится уже на три района, причём северная граница плодородных территорий остаётся в целом неизменной, меняется статус Амура и Уссури, земли которых признаются ограниченно годными (отчёт за 1870 год). Наконец, 80-е годы показывают, что приуссурийские земли вполне способны обеспечивать земледельцев. Однако если товарное хозяйство здесь создать и можно, но очень трудно, в результате чего сельское население вынуждено обращаться к дополнительным заработкам (отчёт за 1889 год).

Таким образом, из анализа ряда губернаторских отчётов можно вывести общую схему сельскохозяйственного районирования Приморской области во второй половине XIX в. В самом общем масштабе намечаются две области, северная и южная, критерием различения которых является возможность ведения зернового хозяйства, а границей – широта устья Амура.

Учитывая, что перед областью в то время довольно остро стояла продовольственная проблема, то вопрос снабжения хлебом жителей и войск был одним из самых важных. Самообеспечению продовольствием губернаторы постоянно уделяют внимание в своих отчётах¹⁴². Соответственно, за критерий различения подрайонов на юге Приморской области есть смысл взять возможности зернового хозяйства. С помощью этого критерия выделяется три подрайона:

приамурский, приуссурийский («Северно-Уссурийский»), зауссурийский («Южно-Усурийский»), которые определяются соответственно либо недостаточными (даже для пропитания местного населения), либо ограниченными (на уровне минимального самообеспечения), либо достаточными возможностями климата для ведения зернового производства. Этот фактор выделяется в качестве ведущего ещё и на основании того, что другие (неблагоприятные и благоприятные) условия – например, уровень увлажнения или особенности поверхности, – имеют значение только на фоне климатической, а по сути – термической пригодности. Новацией во взгляде администрации Приморской области конца XIX века на сельскохозяйственные возможности подведомственных территорий является признание высокой дифференцированности природных условий даже на уровне первичных административных единиц – участков¹⁴³. В целом такой взгляд характерен для исследовательской традиции тех лет¹⁴⁴. Вместе с тем, переход от выделения ареалов со сходными характеристиками к признанию мозаичности условий хозяйствования является принципиальным и свидетельствует о прогрессе знаний администрации об области.

По состоянию на конец 90-х гг. Приморская область делилась на следующие округа: Южно-Уссурийская, Уссурийская казачья, Хабаровская, Удская, Охотская, Гижигинская, Анадырская, Петропавловская, Командорские острова. Большая часть из них, а именно – Командорские острова, Петропавловская, Анадырская, Гижигинская, Охотская – вовсе непригодны для пашенного земледелия. Удская округа с центром в Николаевске находится на границе пашенного земледелия. Округи Софийская и Уссурийская казачья относятся к группе едва самообеспечивающихся хлебом регионов. Наконец – Южно-Уссурийская округа способна производить излишки зерна и других видов сельскохозяйственной продукции. Таким образом, из девяти округ лишь три-четыре (в зависимости от удачности сельскохозяйственного сезона) способны вести зерновое хозяйство, и лишь одна из них безусловно может производить товарные излишки зерна для употребления его в более северных округах.

Анализируя температурную обстановку в южной части Дальнего Востока

(в южной половине Хабаровского и в Приморском современных краях), можно увидеть, что прилегающие к Нижнему Амуру территории от Николаевска до Мариинска обеспечиваются теплом от 1600 до 1800° в год (учитываются температуры выше 10°)¹⁴⁵. Этого явно недостаточно для возделывания практически всех зерновых культур, бывших во второй половине XIX в. в ходу у крестьян Приморской области (см. табл. 1.1). Территории от Софийска до Хабаровки обеспечены теплом от 1600 до более чем 2400°, при этом на большую часть территорий приходится от 2000° и более¹⁴⁶. Этого достаточно для возделывания всех культур, разумеется – в разной степени (см. табл. 1.1). Термические условия территорий современного Приморья, на которое приходятся земли Уссурийской казачьей и Южно-Уссурийской округ, более благоприятны и колеблются от 1800 до 2400°¹⁴⁷, что позволяет возделывать все культуры (см. табл. 1.1).

Таким образом, последний из приведённых вариантов районирования, содержащихся в годовых отчётах губернаторов Приморской области второй половины XIX в., и разделяющий область на три части в зависимости от степени теплообеспеченности, представляется обоснованным даже с позиций современного знания о природных условиях юга Дальнего Востока. Разумеется, что приведённый пример классификации далеко не полон, поскольку опирается лишь на один из ряда возможных факторов, как природного (влажность, ветры и др.), так и социального (сеть коммуникаций, размещение населения и др.) происхождения.

Специальные исследования, посвящённые районированию сельскохозяйственных возможностей Дальнего Востока, проводятся уже с конца XIX века. Так, Н. А. Крюков выделяет следующие сельскохозяйственные районы: «1) *район Приморский*, заключающий в себе юго-восточные и южные склоны Уссурийских гор от залива Ольги до Посъета; 2) *Южно-Уссурийский район*, вмещающий в себя бассейн озера Ханки, среднее течение Суйфуна и реки Дауби-хе и Ула-хе; 3) *район долины реки Уссури до впадения её в Амур*; 4) *район Нижнего Амура*, от устья Уссури до Татарского пролива»¹⁴⁸ (см. рис. 1.2). Вместе с тем, необходимо отметить, что наиболее ранняя из известных автору попыток сель-

скохозяйственного районирования относится к концу 60-х годов: «Для большого удобства читателя, я разделю Амурский край, при описании почвы его, на части, в которых условия для сельского хозяйства в главных чертах одинаковы»¹⁴⁹.

К сравнительно недавним работам подобного рода относится сочинение А. А. Степанько¹⁵⁰, в котором приводится современный вариант сельскохозяйственного районирования дальневосточных пространств. Для всего Дальнего Востока автор выделяет три природных пояса, внутренне неоднородных, состоящих из подрайонов двух уровней. На территорию южной части Приморской области по состоянию на вторую половину XIX в. (т. е. пространства от устья Тумангана до устья Амура, от залива Петра Великого до Шантарского моря) приходится два пояса. Большая часть изучаемой территории лежит в «умеренном поясе с вегетацией разных типов растительности в весенне-летне-осеннее время»¹⁵¹, северная кромка рассматриваемой территории примерно по линии (от побережья Татарского пролива) оз. Кади – оз. Удыль – нижнее течение р. Амгунь – среднее течение р. Уда относится к «холодному тундрово-лесному поясу с продолжительной весенне-летней вегетацией естественных растений»¹⁵² (см. рис. 1.2).

Территории, относящиеся к последнему поясу невелики, примыкают к Охотскому морю. В этих местах (в сущности, район Николаевска), по версии А. А. Степанько, в открытом грунте возможно возделывание ранних сортов картофеля, овощей и некоторых кормовых, зерновое хозяйство не рентабельно¹⁵³. Таким образом, для северного района подтверждается его чрезвычайно низкий потенциал как территории пашенного земледельческого освоения.

Территории, относящиеся к умеренному поясу и лежащие в рамках рассматриваемого региона, разделяются на следующие природные области (в рамках Амуро-Уссурийской страны – «I–A» на рис. 1.2)¹⁵⁴:

в) *Удско-Нижнеамурская*, по течению Амура продолжающаяся от оз. Кизи на севере до оз. Хумми на юге. Эта область достаточно холодная, преимущественно на бедных таёжных почвах;

г) *Среднеамурская*, находится в долине Амура, продолжается на юг от

предыдущей почти до устья Усури. Высокая сумма температур и бурые лесные и луговые почвы создают привлекательные условия для ведения пашенного хозяйства;

д) *Сихотэ-Алинская область* – горная, холодная и с бедными горнотаёжными почвами. Простирается на большей части горной страны Сихотэ-Алинь, занимая высокогорья и восточный макросклон, обращённый к морю;

е) *Приханкайско-Уссурийская область* занимает пространства от устья Усури на севере до низовьев Суйфуна на юге, включая приречные равнины и низменности и западный, континентальный, макросклон Сихотэ-Алиня. Большая сумма температур и выгодные почвенные условия делают её одним из самых привлекательных районов;

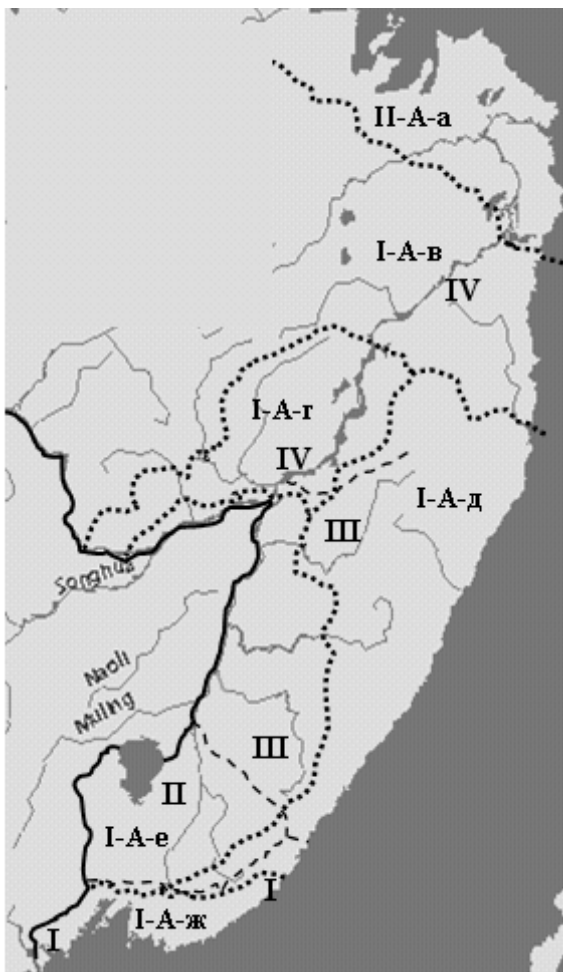

Рис. 1.2. Схема природно-сельскохозяйственного районирования части юга Дальнего Востока (комментарии к обозначениям см. в сопровождающем тексте)

Условные обозначения

I-A-b	Природные области по Степанько
III	Сельскохозяйственные районы по Крюкову
—	Русско-китайская граница
.....	Границы природных областей по Степанько
- - - - -	Границы сельскохозяйственных районов по Крюкову

ж) наконец, *Приморская область*, южное побережье, обладает одной из наибольших суммой температур, наибольшим вегетационным периодом и высокой степенью увлажнения, почвы бурые лесные. Несмотря на неоднозначный набор параметров, этот район также в высшей степени привлекателен для сель-

скохозяйственного освоения.

Приведённый выше вариант природного районирования обобщает изложенный материал по естественным условиям сельского хозяйствования на юге Приморской области. Намечая пространственные тенденции улучшения агроусловий, следует указать на линию «север – юг», традиционную для северного полушария, а также линию «море – суша». Учитывая холодное течение из Татарского пролива и горный характер приморских районов, можно сказать, что более приспособленными для сельского хозяйства, а следовательно – приоритетными для расселения крестьян, являются внутренние, континентальные территории.

Представленные выше материалы об экономико-географическом районировании Приморской области администрацией самой области в XIX в. близки к взглядам, разделяющим Приморье не на административные единицы и климатические области, а на так называемые края, которые имеют основания в устройстве поверхности, климатических особенностях, истории русского пребывания (по крайней мере в XIX в.). Традиция выделения в пределах Приморской области Южно-Уссурийского и Северно-Уссурийского краёв существует уже в изучаемую эпоху, однако разные источники по-разному трактуют их пределы.

Так, наиболее широко границы Северно-Уссурийского края определяет И. Надаров, в соответствии со взглядами которого Северно-Уссурийский край простирается от истоков Даубихэ (современные названия географических объектов см. в Приложении V) до Татарского пролива¹⁵⁵, включая всё Сихотэ-Алинское нагорье, то есть на долю Южно-Уссурийского края остаётся только Ханкайско-Суйфунская низменность и узкая полоска побережья от Посьета до Ольги. Похожую позицию занимает А. Максимов, причём отмечает факт «совершенного различия» Южно-Уссурийского и Северно-Уссурийского краёв¹⁵⁶. Южными границами Северно-Уссурийского края автор определяет верхнее течение Уссури и район зал. Св. Ольги, северные же, очевидно определяются Сихотэ-Алинским хребтом¹⁵⁷.

Судя по «Карте Южно-Уссурийского и Хабаровского округов...»¹⁵⁸, край-

ними волостями северного края на границе с южным были Успенская и Ивановская, то есть горные области опять-таки отходят Северно-Уссурийскому краю.

Со своей стороны Буссе в конце XIX в. включал в состав Южно-Уссурийского края крайними северными волости Черниговскую и Ивановскую¹⁵⁹, помимо этого, в состав южного края входила и долина р. Даубихэ¹⁶⁰. Однако несколько раньше, в конце 60-х гг. этот же автор к южным пределам северного края относил долины рек Даубихэ, Улахэ, Аввакумовки¹⁶¹; всё же, что лежит южнее этих мест молодой Буссе относил к Южно-Уссурийскому краю¹⁶².

У Н. А. Крюкова можно встретить такой вариант природно-сельскохозяйственного районирования Приморской области: 1) Приморский район, полоса побережья от Посъета до Ольги; 2) Южно-Уссурийский район – бассейн оз. Ханка, среднее течение р. Суйфун, реки Даубихэ, Улахэ; 3) район долины р. Уссури до её устья; 4) Нижний Амур¹⁶³. Таким образом в пределы Южно-Уссурийского края, по Крюкову, можно включать не только южное побережье и Суйфунско-Ханкайскую долину, но и территории, лежащие между ними – долины рек Улахэ и Даубихэ. Северной же границей Северно-Уссурийского края можно признать правый край амурской долины близ устья Уссури.

На начало XX в. приходится достаточно противоречивое определение Северно-Уссурийского края¹⁶⁴. Так, с одной стороны, среди географических объектов края указываются реки от Имана до Кии, среди железнодорожных пунктов – от Уссури до Духовской¹⁶⁵. Это значит, что Северно-Уссурийский край продолжается по мысли автора от места выхода Уссури к Приханкайской равнине до хребта Хехцыр, т. е. на всём протяжении среднего и нижнего течения Уссури. С другой стороны, автором различаются Южно-Уссурийский край, Северно-Уссурийский край и Хабаровский округ¹⁶⁶, южная граница которого пролегает в районе течения р. Бикина, что противоречит уже сформированному автором образу Северно-Уссурийского края.

Очевидно, что вышеназванные источники исходили в своих мнениях чаще всего из агрономической необходимости, однако климат и другие факторы, относящиеся к земледелию, занимают свою собственную нишу, в то время, как

для районирования желательно иметь максимально широкие основания. Таким основанием может служить устройство поверхности – так сказать, её логика. Если рассматривать просторы Приморской области под таким углом, то, опираясь на представленные выше точки зрения, в пределах русской земледельческой колонизации второй половины XIX в. можно выделить следующие области или края: Амурский край, располагающийся в долине Нижнего Амура; Северо-Уссурийский край, располагающийся в долине Усури; Южно-Уссурийский край, располагающийся на южной оконечности области (см. рис. 1.3).

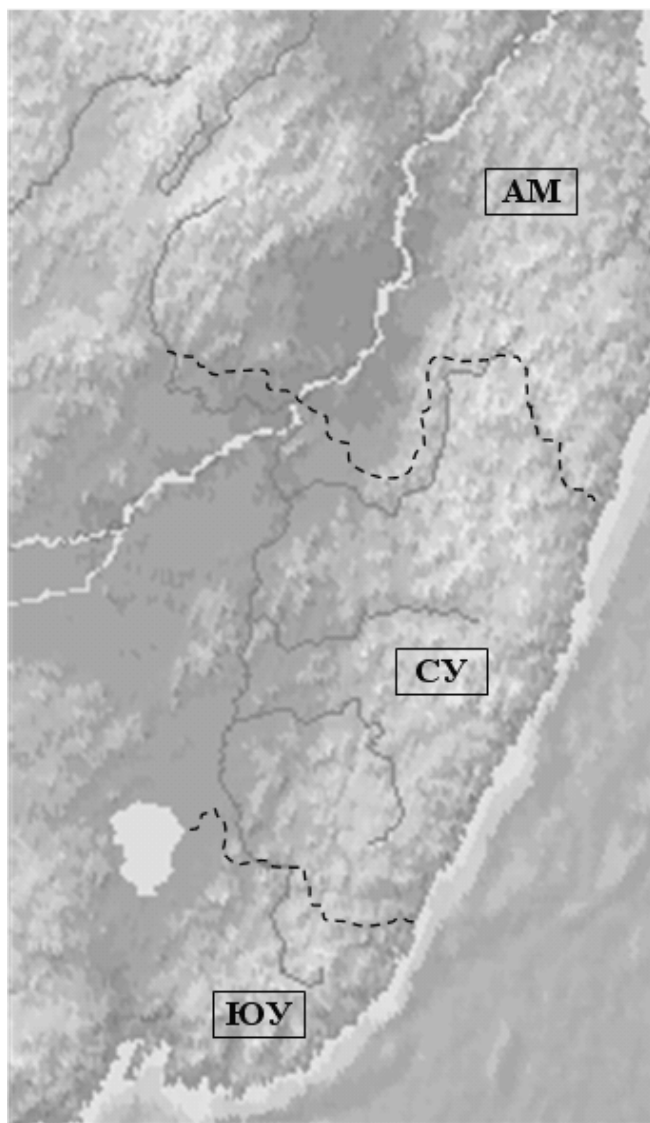

Рис. 1.3. Схема районирования Приморской области по краям

Условные обозначения

АМ	Амурский край
СУ	Северо-Уссурийский край
ЮУ	Южно-Уссурийский край
-----	Границы краёв

Что лежит в основании именно такого варианта районирования? Для первых двух краёв характерно наличие мощной пространственной доминанты – русла главной реки, к этой доминанте привязана хозяйственная, общественная, политическая жизнь прилегающих районов, соответственно и население распо-

лагается вдоль русла этой главной реки, только изредка удаляясь в сторону. Мотивом разделения похожих в пространственном отношении северных краёв является их климатическое, почвенное разнообразие, отнесённость к разным административным единицам, разная судьба как районов русской колонизации. Южно-Уссурийский край, в отличие от северных соседей, не имеет пространственной доминанты, в складывании его поверхности в равной степени участвуют и море, и горы, и равнины, и долины, и озеро, и достаточно крупные реки.

В целом можно сказать, что южный край имеет высокодифференцированное пространство, сложно устроенную поверхность. Это придаёт Южно-Уссурийскому краю неповторимое своеобразие: благодаря тёплому климату, население этого края не концентрируется в одном месте, но рассеивается по всему пространству района. Это требует особого подхода в управлении, что и отразилось в истории южного края. Это ведёт к широкому расселению людей, разнообразию типов их хозяйственной деятельности на относительно небольшой площади. Наконец, как будет показано в следующих главах, подобная специфика будет иметь своим действительным продолжением особенности развития транспорта, административного устройства, расселения для всех выделенных краёв¹⁶⁷.

Сопоставляя приведённые варианты районирования изучаемой территории, можно отметить следующие моменты. Во-первых, между официальным районированием (по Отчётам и Обзорам) юга Приморской области в XIX в. и подходами в определении Северно-Уссурийского края (а значит и краевой структуры юга области в целом) существует преемственность. Её суть заключается в совпадении пределов Уссурийской Казачьей округи и Северно-Уссурийского края, а ведь первая выступала в отчётах военных губернаторов и обзорах области в качестве экономического района. Во-вторых, Северно-Уссурийский край (в пределах зоны крестьянской колонизации) и Уссурийская Казачья округа полностью вписываются в Приханкайско-Уссурийскую область современного нам варианта агрорайонирования. В целом последнее обстоятельство говорит о ценности и законченности Уссурийского района в пределах Се-

верно-Уссурийского края.

В то же время следует указать на относительную пестроту Южно-Уссурийского и Амурского краёв, каждый из которых включает в себя не менее трёх природных областей (по А. А. Степанько), что только подтверждает положение о мозаичности условий земледелия и, следовательно, крестьянского расселения на юге Приморской области. Наконец, ценность представлениям о Северно-Уссурийском крае представляет непоследовательность административного устройства Приуссурийских территорий уже с конца XIX в. Так, после ограничения казачьего землевладения в связи с расширяющейся крестьянской колонизацией Приуссурия (ориентировочно после 1897 г.¹⁶⁸) административная принадлежность крестьянских земель на данной территории становится неопределённой¹⁶⁹. В связи же с учреждением Иманского уезда в 1909 г.¹⁷⁰, однородная территория Северно-Уссурийского края оказывается разорванной между Иманским и Хабаровским уездами.

Итак, южная часть Дальнего Востока, и в том числе интересующая исследование часть Приморской области, представляет собой очень сложное сооружение, высокодифференцированное и слабоустойчивое в связях своих компонентов. Несмотря на своё южное положение, изучаемые территории «не сплошь» подходят для возделывания многих привычных для русских переселенцев сельскохозяйственных культур¹⁷¹. Наилучшие условия для размещения земледельческого хозяйства представляет южная оконечность области, надо полагать, она и явится первой и основной целью крестьянской колонизации.

1.3. Земли юга Приморской области во второй половине XIX в. как объект сельскохозяйственного освоения

Одна из проблем рассмотрения юга Приморской области как заселяемых пространств, – слабая изученность территорий в период их первоначального заселения и освоения. При этом взгляд исследователя, современного рассматриваемой эпохе, ограничен только узкой полосой земель вдоль Амура, Уссури, её притоков, а также землями в западной части Южно-Уссурийского края, приле-

жащими к китайской границе. Есть в этом, однако, и положительная сторона – заселение чаще всего ограничивалось именно известными, уже изученными территориями. Исключение составляли, наверное, только старообрядцы, с некоторого времени принципиально искавшие «медвежьи углы». Таким образом, происходит естественное сужение области поиска, нет необходимости рассматривать большие площади, заведомо остававшиеся вне пределов внимания переселенцев.

Для того чтобы анализ территорий был адекватен в возможно более высокой степени, необходимо найти ряд критериев, которыми руководствовались сами переселенцы при выборе мест поселения. Помимо этого следует определить, чем руководствовались при выборе удобных для заселения мест чиновники, командированные в Приморскую область для её исследования. Очень важно зафиксировать ожидания от новых земель как со стороны власти, которая смотрела на Приморскую область глазами географов, военных и гражданских чинов, так и со стороны крестьянства. При анализе отношения к территории необходимо учитывать разницу интересов чиновников, осуществлявших разведку пригодных для заселения земель, и крестьян, непосредственно заселявших эти земли. Самое важное состоит в том, что крестьяне смотрели на эти земли более непосредственно, поскольку они жили в этой среде и именно они преобразовывали её по своему вкусу, своим надобностям и возможностям. Соответственно, крестьянский взгляд вполне может оказаться глубже чиновничьего и список характеристик территории может оказаться шире. Какие же существовали критерии для оценки территорий у крестьян и у официальных лиц? Для крестьян характерны следующие положения.

Сибирские крестьяне предпочитали устраивать свои угодья в низменных долинах и долинах рек, правда при этом отмечалось, что низины бывают холодны и сыры¹⁷². Кроме того, сырые места быстро зарастали лесом и сорняками¹⁷³, что также снижало хозяйственную ценность таких мест. Сибиряки предпочитали разрабатывать открытые участки – слани, луговины, гари в тайге, старались занимать те земли, которые не требовали «излишнего труда на обрабаты-

ние»¹⁷⁴. Кроме того, в Сибири предпочитали занимать южные склоны как более тёплые¹⁷⁵; наконец, в зависимости от почв в Сибири варьировался набор высеваемых культур¹⁷⁶, то есть почвенные условия также имели важное значение.

На Урале внимание обращалось на качество земли¹⁷⁷, близость надела к усадьбе, к воде¹⁷⁸, имела значение монолитность надела¹⁷⁹. Наиболее ценными покосами считались заливные луга, а суходольные ценились гораздо меньше¹⁸⁰.

В Европейской России показателем качества земель считалась растительность, так, скажем, неприхотливая осина является негативным показателем, поскольку предпочитает сырые, а значит холодные места¹⁸¹. Вообще оценка качеств земли была развита очень хорошо: различалось до десяти сортов, хотя наиболее распространённой была троичная градация на плохую, среднюю и хорошую¹⁸². Помимо этого, обработка земель зависела от их типа и качества, а также от высеваемой культуры¹⁸³.

Исследователи и оценщики земель Приморской области также руководствовались рядом критериев, помогавшим им в определении пригодных, на их взгляд, территорий для последующего крестьянского заселения. Так, С. П. Шликевич, один из руководителей Амурской экспедиции начала XX в., в качестве фактора, влияющего на колонизационную ценность территории, называет её доступность¹⁸⁴. Ф. Ф. Буссе, заведующий Южно-Уссурийским переселенческим управлением в 80-е гг. XIX в., выявляет следующие моменты: почвенные условия¹⁸⁵, а также подпочвенные слои как средство дренажа¹⁸⁶, возможность дополнительного заработка¹⁸⁷, растительность как показатель ценности почв¹⁸⁸. Буссе говорит о желательности для переселенцев открытых безлесных мест¹⁸⁹, в отчёте приморскому губернатору он пишет: «В настоящее время переселенцы считают удобными только те места, которые могут быть запаханы без особого приложения труда, т. е. без корчевки леса, без опушки и проч.»¹⁹⁰.

А. А. Риттих, заведующий Южно-Уссурийским переселенческим управлением в 90-е гг. XIX в., также говорит о том, что крестьяне предпочитают открытые места в силу неспособности первое время воевать с природой: «надо тотчас прокормиться землёй»¹⁹¹. Среди других требований к ландшафтным ус-

ловиям Риттих относит возвышенность и незатопляемость земель¹⁹²; более же конкретно эти требования формулируются следующим образом: сухая степь, хотя бы покрытая кустарником и сенокос на сухих местах¹⁹³.

Н. А. Крюков, главный агроном Приморской области, характеризуя местности области, пригодные для русского пашенного хозяйства, выявляет следующие желательные характеристики: сухость мест заселения¹⁹⁴, а также водопроницаемая подпочва¹⁹⁵. Разведчик и географ Н. М. Пржевальский обращает внимание на такие моменты: незатопляемость, наличие источников воды, а также лёгкая обработка почвы¹⁹⁶, что обобщает собой как характер растительного покрова данной местности, так и собственно качества самой почвы.

На основании приведённого обзора мнений по поводу критериев оценки заселяемых земель составлена таблица 1.5, в наглядной форме представляющая соотношение крестьянского и «гражданского» взглядов. При оценке критериев следует помнить, что все они, в сущности, имеют один источник – опыт крестьян. Ценность крестьянского опыта признавалась в товарных помещичьих хозяйствах уже в XVIII в.¹⁹⁷, что говорит о его действительной ценности. Очевидно почти полное совпадение критериев в их общем списке.

Таблица 1.3. Критерии, предъявляемые к территориям чиновниками и крестьянами

чиновники	крестьяне
1. Почвенные условия: а) качества почвы; б) растительность как показатель; в) подпочва	1. Почвенные условия: а) качества почвы б) растительность как показатель; в) подпочва
2. Доступность	2. Близость к усадьбе
3. Открытые места	3. Открытые места
4. Возможность дополнительного заработка	4. Нет
5. Близость к воде	5. Близость к воде, речные долины
6. Сухие места, незатопляемые	6. Сухие места
	7. Выгодная экспозиция в горах

Существующие несовпадения можно объяснить двумя моментами:

специфика региона – пункты 6 и 7: летние разливы характерны именно для юга Дальнего Востока, что подводит крестьян, привязанных к речным до-

линам; приоритет северной экспозиции как более щадящей, с меньшей амплитудой температур¹⁹⁸.

интересы сторон, в частности пункт 2, со стороны чиновников здесь видится забота о том, чтобы отведённые земли были быстрее и без дополнительных издержек заняты переселенцами, которые в возможно короткие сроки должны поднять своё хозяйство. Со стороны крестьян – близость к усадьбе; это уже следующий этап «доступности», который более характеризует площади, необходимые для хозяйства. В силу этого данный пункт хотя и обобщает сходные явления, но их сходство здесь условно и существует только в рамках поставленной в ходе исследования задачи.

Наконец, можно отметить третье несовпадение, отличное от уже обозначенных, которое проистекает из разницы мировоззрения чиновников и крестьян. Это пункт 4 – возможность дополнительного заработка. Разумеется, что никто не откажется от дополнительного заработка, тем более – русские крестьяне с их неустойчивым хозяйством. Однако данный момент для последних не был критическим и им можно пренебречь. Тем не менее, в случае недостатка средств крестьяне могли бы использовать открывшуюся возможность. С другой стороны, этот пункт близок к доступности, поскольку для обоих моментов нужна проезжая дорога.

Из всего списка критериев можно исключить близость к воде и экспозицию в горах, поскольку они имеют частный характер. Близость к воде (т. е. доступность или недоступность воды) для юга Дальнего Востока как показатель практически неактуальна, поскольку это речная страна, с очень развитой сетью мелких рек и ручьёв, поэтому недоступность воды – очень редкий случай. Изрезанность дальневосточного ландшафта также делает экспозицию в горах как критерий сугубо частным случаем.

Таким образом, два вышеприведённых пункта из списка критериев можно исключить. Помимо этого, по указанной выше причине несовпадения, можно исключить из списка пункт о дополнительных заработках, поскольку он не вписывается в круг первейших интересов крестьянства. Наконец, из общего списка

можно исключить почвенные условия, поскольку этот пункт требует обстоятельного рассмотрения. Дело в том, что почвенные условия Дальнего Востока были всерьёз исследованы только в советское время. По признанию самих исследователей конца XIX – начала XX в., почвенная обстановка Приморской области была разведана недостаточно. Соответственно, по документам изучаемого времени адекватно восстановить почвенную обстановку не представляется возможным, а потому и этот пункт из настоящего анализа можно будет исключить.

После исключения всех «слабых» пунктов, в наличии остаются следующие моменты: а) доступность, б) открытый характер местности, в) незатопляемость, сухость. Данные показатели описывают ситуацию с разных сторон, сходясь в одном: рассматриваемые области должны предоставлять переселенцам условия для быстрого хозяйственного устройства на месте, то есть земли в идеале должны быть легкодоступными для вселения, не заняты лесами и кустарником для быстрого включения земли в хозяйственный оборот и они должны быть в безопасности от речных разливов.

Следующий этап рассмотрения – поиск объектов анализа, к которым и будут применяться найденные критерии. Учитывая опыт русской колонизации в целом и характер поверхности Приморской области, в качестве класса объектов можно предложить реки, речные бассейны и, соответственно, долины рек. Реки играли традиционно важную роль в истории освоения русскими новых территорий. Эта черта проявилась ещё в эпоху освоения славянами Русской равнины¹⁹⁹. Дальше эта традиция продолжилась и в Сибири²⁰⁰ несмотря на то, что общее направление их течения было перпендикулярно вектору русского продвижения в регионе. Естественным будет предположить и высокую роль рек в истории русского освоения юга Дальнего Востока. Тем более что акцент на реках как средстве сообщения в условиях начального освоения сделал ещё Г. И. Невельской, характеризуя условия закрепления России на амуро-уссурийских территориях²⁰¹.

Юг Дальнего Востока – территория в очень высокой степени насыщенная реками, которые прорезают горные области, господствующую форму поверхно-

сти Дальнего Востока. Таким образом, реки и горы образуют в данном регионе неразрывное единство, диктующее поведение переселенцев, их транспортный и хозяйственный опыт здесь. Однако – Дальний Восток это территория в основном малых рек и речек, непригодных для судоходства и малопригодных для лодок и плотов в силу своего горного характера²⁰², что подразумевает: высокую скорость течения, узость русла, мелкость русла, неудобство берегов, обилие порогов и завалов и, следовательно – бурливость течения. Указанные особенности практически сводят на нет транспортную ценность самих рек. Остаётся один вариант – долины рек как места для сухих путей, но это косвенная транспортная роль собственно рек. Тем не менее, судоходные реки и реки, пригодные для плавания на лодках и плотках, имеются, и не в малом количестве, поэтому крест на речном сообщении ставить нельзя, однако следует чётко представлять его границы.

Итак, говоря о связке «горы – реки», следует иметь ввиду неё следующие аспекты:

транспортный: горы как неудобный путь неизбежно сворачивают людей в долины рек как места более удобные для прокладки путей сообщения. Разумеется, что в случае надобности через горы прокладываются перевалы;

хозяйственный: горы как покатые и каменистые поверхности с бедными почвами не привлекают земледельцев. Таким образом речные долины естественно выступают в качестве места расположения земледельческих хозяйств. Причём чем больше река и шире её долина, тем большим земледельческим потенциалом она обладает.

Соответственно, реки – вернее их долины – в гористой области являются единственным местом размещения земледельцев-переселенцев. Таким образом, реки в указанном регионе играют серьёзную роль, если же учесть русскую традицию привязывать освоение к рекам, то последние выступают практически единственным объектом описания и анализа поверхности территории в нуждах размещения пашенного хозяйства.

Для наглядности «потребительских качеств» осваиваемых территорий

(описание их см. Приложение I) весь изложенный материал можно свести в таблицу (см. табл. I.1), сформированную на базе разработанных критериев оценки. Для такой работы необходимо найти такой принцип пересечения критериев, который бы позволил сформировать несколько показателей комплексной оценки территории. Таким принципом может быть принцип «узкого места»: наименьший показатель обуславливает ценность данной территории. В соответствии с этим принципом существует вероятность очень малого количества площадей с высокой колонизационной ценностью. Однако это не должно смущать, поскольку в условиях первоначального освоения даже ограниченных площадей вполне хватает для прибывающих.

Итак, намечается три категории площадей:

I категория – земли по каким-либо причинам неудобные для первоначального освоения. Минимальное условие: одно из трёх значений – 0.

II категория – земли, имеющие некоторые недостатки, но вполне пригодные для первоначального освоения. Минимальное условие: одно из трёх значений – 1.

III категория – земли, имеющие все условия для первоначального освоения. Условие: все значения – 2.

Анализ территорий, проведённый с использованием разработанной системы оценки потенциально удобных для заселения угодий можно найти в таблице 1 Приложения I.

В свете вышесказанного специальный интерес представляет понятие (и явление) первоначального, или пионерного, освоения. Оно должно отличаться от общего освоения, причём существенно. В литературе пионерное освоение определяется как «переход к хозяйственному использованию компонентов естественной среды обитания в качестве всеобщих условий жизни и производства»²⁰³. В данном определении упор делается на общехозяйственный смысл пионерного освоения, его роль в последующем развитии экономики региона. Однако есть все основания придать пионерному освоению независимый статус, что высвечивает новые грани данного процесса.

Например, следует учитывать, что пионерное освоение происходит в совершенно естественной, «некультурной» природной среде. Это подвергает хозяйство новосёлов серьёзным испытаниям. При этом для южно-дальневосточных земель можно указать на существенную черту пионерного освоения – к моменту русского крестьянского заселения Уссурийский край был частично освоен китайским земледельческим населением. Это обстоятельство имеет неоднозначный характер: с одной стороны, кажется, что китайское освоение должно было бы облегчить русским их долю в новых местах; с другой стороны, тип земледельческого хозяйства китайцев принципиально отличен от русского, что ставит препоны на пути своеобразной преемственности в сельскохозяйственном освоении территорий – русские не наследуют, а вытесняют. Разумеется, данному факту были и другие причины, в том числе политические.

Помимо отмеченного следует указать на ещё одну черту пионерного освоения юга Дальнего Востока – незнакомство с местными природными условиями. Особенности дальневосточного климата и водного режима рек не раз ставили многих переселенцев на грань голода, уничтожая посевы в самое неожиданное время, и заставляли менять место жительства.

Таким образом, специфика первоначального освоения состоит не столько в том, что пионеры приходят в пустыню и начинают здесь строить новую жизнь, сколько в том, что вновь обживаемые территории имеют свои специфические черты и своё население, причём всё это может быть мало похоже на родину переселенцев. Это в дальнейшем неизбежно накладывает отпечаток на их культуру и социально-психологический строй закрепившихся здесь переселенцев и их потомков. Естественно, что в таких неблагоприятных условиях колонисты будут искать места в наибольшей степени годные для первоначального обустройства хозяйства, т. е. земли, не требующие большой предварительной подготовки для использования в качестве пашни, покоса и т. д., желательны похожие на родные места.

Итак, *наиболее благоприятное сочетание условий* для первоначального заселения и освоения в свете избранных критериев представляют (см. табл. I.1)

долины северно-уссурийских рек: Имана (современные названия географических объектов см. Приложение V), Бикина, Хора, а также среднее течение Уссури – от устья Имана до устья Бикина. Кроме того, в Южно-Уссурийском крае можно отметить долины рек Шитухэ, Конгоуза, Цимухэ и окрестности залива Посьет. Земли, прилегающие к этим объектам, обладают полным набором основных критериев: они легкодоступны, не страдают от наводнений и имеют открытый характер местности. Такой набор условий существенно облегчает первоначальное устройство переселенцев и сокращает опасность уничтожения урожая. Все эти территории относятся к третьей, наиболее благоприятной категории земель. Характерно, что приамурские территории не дают нам примеров земель, которые можно было бы отнести к третьей категории, причиной чему можно отметить залесненность и заболоченность непосредственных окрестностей Нижнего Амура.

Группа объектов, относящихся ко *второй категории*, наиболее многочисленная (см. табл. I.1), в Уссурийском крае сюда относятся долины таких приморских рек, как Сучан, Сяудеми, Майхэ, Суйфун, Амбабира, Монгугай, Сидими; помимо этого в данную группу можно отнести площади долин таких рек, как Суйфун, Лефу, Мо, Сиянхэ, Тур, Даубихэ, Улахэ, Сандагоу, Эрльдагоу, Лифудзин, Уссури на большей части течения, Кия и Чирка. На Нижнем Амуре в целом можно отметить правый берег как наиболее благоприятный, в частности следует указать на окрестности Хабаровки, отрезок устье р. Дондон – оз. Хумми, на левом берегу можно указать на отрезок оз. Удыль – низменность в районе р. Амгунь (не включая последнюю). Помимо этого можно упомянуть окрестности оз. Петропавловского, от последнего до оз. Синда, далее до устья р. Дондон, от устья р. Горин до Софийска по правому берегу; по левому берегу следует остановиться на отрезке оз. Падали – устье Горина; помимо этого, некоторые удобства представляет устье Амура.

Для большинства рассматриваемых объектов единственным недостатком являются летне-осенние разливы, угрожающие урожаю. Однако это обстоятельство компенсируется склонами (или стенами) речных долин, безопасными от

наводнений и занятыми рощами, редколесьями и лугами. Это характерно для рек Ханкайского бассейна и многих прибрежных рек. Таким образом, приведённый список объектов можно разделить на две группы по степени устроенности:

- *местности, по своим качествам явно недостаточные для возможных требований переселенцев* – сомнительные по двум или трём параметрам из трёх – в Уссурийском крае это Сяудими, Монгугай, Сидими, Мо, Сиянхэ, Даубихэ, Сандагоу, Эрльдагоу, Кия, Чирка. В отношении двух последних следует отметить, что для них характерна несудоходность, что, наряду с некоторыми другими недостатками, сильно снижает их колонизационную ценность. Однако следует помнить, что обе реки находятся недалеко от устья Уссури и, имея открытый (в той или иной степени) ландшафт, они могут быть достигнуты и заселены переселенцами без особых трудов; на Нижнем Амуре следует остановиться на окрестностях оз. Петропавловского, на отрезке от последнего до оз. Синда, далее до устья р. Дондон, от устья р. Горин до Софийска по правому берегу, по левому берегу – на отрезке оз. Падали – устье Горина, на устье Амурса. Недостатком последней группы мест является высокая опасность затопления, кроме того, высокая степень залесённости создаёт трудности для расчистки угодий первопоселенцам;

- *долины, приближенные по своим качествам к объектам первой группы* – в Уссурийском крае это Сучан, Майхэ, Суйфун, Амбабира, Лефу, междуречье Суйфун – Лефу – Мо, Тур, западное предгорье хр. Даубихинского, Улахэ, Лифудзин, Уссури до устья Имана, Уссури от устья Бикина до устья Хора, Уссури от устья Хора до Амурса; на Нижнем Амуре это окрестности Хабаровки (в сущности место слияния Амурса и Уссури), отрезок устье р. Дондон – оз. Хумми, на левом берегу это отрезок оз. Удыль – низменность в районе р. Амгунь (не включая последнюю).

Наконец, *третья группа* объектов. Долины и окрестности этих рек представляют наименьший круг удобств из всех рассмотренных мест, что позволяет отнести их к первой категории (см. табл. I.1). Этой группе в Уссурийском крае

принадлежат такие реки, как Тетюхэ, Лифулэ, Холуэ, Аввакумовка, залив Ольги, Таудеми, междуречье Лефу – Сунгач; на Нижнем Амуре это по правому берегу территории от оз. Хумми до устья Горина, окрестности оз. Кизи, пространство Кизи – Удыль по обоим берегам, по левому берегу территории от р. Тунгуска до оз. Падали. От устья р. Горин практически до самого устья Амура за некоторым исключением. К общим недостаткам этих мест, практически сводящим на нет существующие достоинства, является, как сегодня принято выражаться, избыточное увлажнение – речные разливы и заболоченность долин. Так, реки восточного побережья Уссурийского края страдают от сезонных разливов, а междуречье Лефу – Сунгач заболочено и требует специальных мероприятий для осушения.

Результаты проведённой группировки (см. табл. I.1) отражены в следующей таблице 1.4.

Таблица 1.4. Группировка объектов по категориям ценности земель для первоначального освоения

категория	объекты
III	р. Иман, р. Бикин, р. Хор, р. Усури от устья Имана до устья Бикина, рр. Конгоуза и Шитухэ, р. Цимухе, зал. Посьет
II б	р. Сучан, р. Майхэ, р. Суйфун, р. Амбабира, р. Лефу, междуречье Суйфун-Лефу-Мо, р. Тур, западное предгорье хр. Даубихинского, р. Улахэ, р. Лифудзин, р. Усури до устья Имана, Усури от устья Бикина до устья р. Хор, Усури от устья Хора до Амура, устье Усури и прилегающие земли по Амуру, устье р. Дондон – оз. Хумми, прот. Удыль – р. Амгунь
II а	р. Сяудими, р. Монгугай, р. Сидими, р. Мо, р. Сиянхе, р. Даубихе, р. Сандагоу, р. Эрльдагоу, р. Кия, р. Чирка, окрестности оз. Петропавловского, оз. Петропавловское – оз. Синда, Синда – устье р. Дондон, совр. Бельго – Софийск, оз. Падали – р. Горин, район устья Амура
I	р. Тетюхэ, р. Лифулэ, р. Холуэ, р. Аввакумовка, зал. Ольги, р. Таудими, междуречье Лефу– Сунгач, оз. Хумми – совр. Бельго, окрестности оз. Кизи, р. Тунгуска – оз. Падали, р. Горин – оз. Черемшаное, оз. Кизи – прот. Удыль, р. Амгунь – Николаевск

В качестве основного критерия отбора земель крестьянами служит открытый характер местности – отсутствие древесной и по возможности кустарниковой растительности²⁰⁴, что даёт выигрыш во времени и труде. Соответственно, можно предположить, что, встретив открытые места, крестьяне готовы терпеть неудобства другого рода, например – разливы. Отсюда следует, что реальность

может порой отклоняться от намеченной выше схемы и может происходить заселение неудобных по большому счёту земель.

Итак, имея ввиду пространственные предпочтения русского земледельческого населения, а также естественные условия, можно указать на то, что заселению в первую очередь (и вообще – главным образом) будут подлежать низменные и равнинные территории. В целом равнины занимают внутренние (относительно моря) районы изучаемого региона. Протянувшись от Амурского залива до амурского лимана и сопровождая основные реки южной части Приморской области, равнины (вместе с реками) создают своеобразную ось потенциального заселения. Немаловажен путь русского проникновения на Нижний Амур и Уссури – из внутренних областей Азии по рекам, этот путь также провоцирует засельщиков оседать по основным рекам региона, на равнинных территориях. Таким образом можно предположить, что внутренние относительно моря территории области, частично расположенные близ китайской границы, примут в себя переселенцев первых десятилетий.

Почвенные условия как фактор крестьянского заселения в немалой степени зависят от рельефа и по-своему повторяют его. Этот факт усиливает позиции равнинных приречных территорий как района преимущественного заселения и эксплуатации. Однако при этом следует отметить, что расположение почв вносит свои коррективы: северные районы, особенно это касается низовьев Амура, предоставляют земледельцам мало условий для эффективного хозяйства, таким образом, район преимущественного заселения сдвигается к югу. Наиболее удобные луговые почвы (и близкие к ним) встречаются преимущественно в уссурийском регионе, который и вберёт в себя, вероятно, большую часть крестьянского населения области.

Климатические черты местности – ведущий фактор, влияющий на условия жизни и хозяйствования. Характеризуя структуру увлажнения территорий, следует отметить неоднородность режимов увлажнения на разных участках юга Приморской области (см. рис. 1.1): северо-восточный участок (низовья Амура) – океаническая зона увлажнения – характеризуется относительно неболь-

шой амплитудой температур и равномерным (по сезонам) увлажнением. Восточный макросклон Сихотэ-Алиня и южное побережье области – зона муссонного увлажнения, характерной чертой которого является сезонный дисбаланс осадков – на тёплое время года приходится их большая часть; температурный режим в этих местах несколько сглажен соседством моря. Наконец, западный макросклон Сихотэ-Алиня и внутренние равнины лежат в области муссонно-континентального увлажнения, для которой характерны относительно контрастный температурный режим с большими годовыми амплитудами («континентальная» часть) и сезонный дисбаланс осадков («муссонная» часть). В целом температурный режим становится более благоприятным в направлении с севера на юг (см. табл. 1.2), что обуславливает ценность южных территорий, приходящихся на район Уссури. Таким образом, исходя из климатических черт региона, наиболее выгодными с агротехнической точки зрения являются земли, лежащие в центральных и южных областях, удалённые от холодного моря. Этому требованию удовлетворяют области, находящиеся вдоль течения Уссури, области, примыкающие к южному побережью и области, лежащие несколько к северу от устья Уссури.

Совмещая данные по всем природным показателям, можно сделать следующие выводы по возможному размещению земледельческого населения на территориях южной части Приморской области. Используя схему природно-сельскохозяйственного районирования А. А. Степанько (рис. 1.2), следует указать на выделяемые автором Приханкайско-Уссурийскую и Приморскую области как на наилучшие места для размещения хозяйства русских крестьян-переселенцев, кроме того, можно указать на Среднеамурскую область как на потенциальный земледельческий район. Именно эти районы включают в себя выгодные в рельефном, почвенном и климатическом отношении места.

Анализируя условия поверхности, как то: удобство и безопасность начального обоснования на конкретных землях и удобный доступ туда, следует остановиться на некоторых участках изучаемой территории. Наилучшим сочетанием указанных качеств обладают следующие земли (см. табл. 1.4): места,

лежащие в среднем и отчасти в нижнем течении Уссури, а также места на южном побережье. Ограниченный, но всё же приемлемый набор качеств имеют земли на южном побережье, места, лежащие в округе оз. Ханка, реки в южных областях Сихотэ-Алиня, течение Уссури, земли по Амуру, примыкающие к устью Уссури, а также лежащие кое-где вдоль его нижнего течения. Территории, лежащие по Нижнему Амуру, вдоль юго-восточного побережья не обладают достаточным набором качеств, кроме того, кое-где во внутренних и южных районах также встречаются земли, неудобные к начальному заселению. Совмещая результаты анализа условий поверхности и итоги обзора природных условий, можно видеть совпадение двух подходов: наиболее благоприятными остаются уссурийские и южные территории, при некоторых исключениях.

Вместе с тем, следует помнить о том, что природные условия не являются постоянными, изменяясь под влиянием человека, особенно – массовой земледельческой колонизации. Ещё первые исследователи Амурского края указывали на данное обстоятельство²⁰⁵. В отношении же собственно крестьянской колонизации, по влиянию распашек, палов и т. д. на экологию хозяйствования, уже к началу XX века обозначились существенные перемены в природных условиях Уссурийского края. Так, можно говорить об осушении переувлажнённых долин Лефу и верхнего течения Уссури под влиянием русского земледелия и строительства Уссурийской железной дороги²⁰⁶. Изменение колониционных качеств данных земель на рубеже XIX – XX вв. влияет на их оценку и может изменить их место в ряду территорий крестьянского освоения в Приморской области в рамках следующего (после 1900 г.) хронологического периода.

Итак, в результате исследования естественных условий заселения южной части Приморской области по состоянию на вторую половину XIX в., можно сделать следующие выводы. Наиболее привлекательными по своим колониционным характеристикам являются районы южного побережья, Приханкайской низменности, среднего и нижнего течения Уссури, земли вдоль течения Амура, тяготеющие к устью Уссури, то есть Южно-Уссурийский и Северно-Уссурийский края. Именно эти участки способны удовлетворить как запросы

сельскохозяйственных культур на климатические показатели, так и запросы переселенцев на показатели общехозяйственного плана, и именно они с высокой степенью вероятности подлежат крестьянскому заселению на этапе первоначального заселения изучаемых районов Приморской области. Интересно, что высокий потенциал указанных областей был известен русской администрации уже в XIX в.

¹ Постников А. В. Следовало ли Российской империи присоединять к своим владениям Приамурье и Приморье? // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – №1. – С. 181 – 187. С. 182.

² Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 121.

³ Шиловский М. В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX века: к постановке проблемы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции / Отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. – С. 15 – 25. С. 21.

⁴ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца 19 века. – М.: Наука, 1982. С. 169.

⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990. С. 185.

⁶ Там же. С. 171.

⁷ Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. Под ред. П. П. Семенова. – СПб.: б. и., 1894. С. 28.

⁸ Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с. С. 107 – 110.

⁹ Например, А. Каппелер переоценивает роль частной инициативы некоторых русских администраторов Сибири в эпоху присоединения Дальнего Востока и Средней Азии. В связи с Приамурьем см.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. – М.: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. – 344 с. С. 151.

¹⁰ Хроника освоения Россией Дальнего Востока и Тихого океана. 1639 – 1989. – Владивосток: Гидрографическая служба ТОФ, Приморский филиал ГО СССР, 1989. С. 11.

¹¹ Там же. С. 11 – 12.

¹² Там же. С. 11.

¹³ История Дальнего Востока СССР. С. 185.

¹⁴ Хроника освоения Россией... С. 12.

¹⁵ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми... С. 175.

¹⁶ Хроника освоения Россией... С. 12.

¹⁷ Там же. С. 12 – 13.

¹⁸ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми... С. 175.

¹⁹ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. – М.: Мысль, 1973. – 324 с. С. 93.

²⁰ Кабузан В. М. Дальневосточный край. С. 61.

²¹ Там же. С. 54; Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Составил Генеральн. Штаба Подполковник Рагоза. – Хабаровка: б. и., 1891. С. 53; Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. – Благовещенск: б. и., 1894. С. 243.

²² Краткий очерк занятия Амурского края. С. 67 – 68.

²³ Кабузан В. М. Дальневосточный край. С. 251 – 252.

²⁴ Хроника событий из истории открытий и освоения Приморья в XIX–XX веке [Электронный ресурс] // Примориана. – Владивосток: Приморская государственная публичная библиотека им. А. М. Горького, 2002. – 1 CD-ROM.

²⁵ История и современность Ольгинского района [Электронный ресурс] // Территория: Приморский край. – Владивосток: Приморская государственная публичная библиотека им. А. М. Горького, 2007. — 1 CD-ROM.

²⁶ Шергилова С. 26.

²⁷ Там же; Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. С. 56.

²⁸ Там же.

²⁹ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений) / Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912. С. 533.

³⁰ Кабанов П. И. Амурский вопрос. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1959. С. 197 – 198.

- ³¹ Об этом см.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 586а – 587.
- ³² Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855 – 1917: Монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 196 с. С. 38.
- ³³ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная история. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 304 с. — С. 32.
- ³⁴ Осипов Ю. Н. Указ. соч. С. 38.
- ³⁵ Колонизационное значение земледелия в Приамурье. – СПб.: б. и., 1911. С. 4.
- ³⁶ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. – СПб.: издание журнала «Общественная польза», 1905. С. 19 – 20.
- ³⁷ Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. – Владивосток: ДВО РАН, 2006. – 312 с. С. 18.
- ³⁸ Осипов Ю. Н. Указ. соч. С. 42 – 43.
- ³⁹ См. например: Слюнин Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока. – СПб.: б. и., 1908. С. 39.
- ⁴⁰ Осипов Ю. Н. Указ. соч. С. 49.
- ⁴¹ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 40.
- ⁴² Болгурцев Б. Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860 – 1861 гг.): Пекинский договор и Цусимский инцидент. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 136 с. С. 12.
- ⁴³ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 141 – 142.
- ⁴⁴ История Дальнего Востока СССР. С. 231 – 232.
- ⁴⁵ Иконникова Т. Я. Переселенческое движение на Дальний Восток (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Очерки истории родного края: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Т. Я. Иконникова. – Хабаровск: ХГПИ, 1993. – С. 75 – 91. С. 76; Аргудяева Ю. В. Указ. соч. С. 20.
- ⁴⁶ Осипов Ю. Н. Указ. соч. С. 40, 46.
- ⁴⁷ Тригуб Г. Я. Влияние региональных особенностей на органы городского на Дальнем Востоке России в последней трети XIX – начале XX века // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Сб. научн. трудов. Том X. – Владивосток: РГИА ДВ, 2007. – С. 94 – 107. С. 98.
- ⁴⁸ Ремнев А. В. Указ соч. С. 199 – 223.
- ⁴⁹ О стихийности переселения – Кабузан В. М. Дальневосточный край. С. 96.
- ⁵⁰ Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. – Хабаровск: б. и., 1901. С. 17 – 18; Болховитинов Л. М. Колонизация Дальнего Востока [Электронный ресурс] URL: http://grandwar.kulichki.net/books/bolhov_01.html (посещение 22 марта 2009 г.).
- ⁵¹ Сильницкий А. Указ. соч. С. 18.
- ⁵² Кротова М. В. Из истории Добровольного флота // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300 летию Российского флота. Вып. 3. Флот и общество: люди, события, факты. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 148 с. – С. 30. – 35. С. 30.
- ⁵³ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник / Ред. Э. В. Ермакова и др. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 596 с. С. 566.
- ⁵⁴ Осипов Ю. Н. Указ. соч. С. 52.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 47 – 48, 88.
- ⁵⁷ Осипов Ю. Н. Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁸ Галлямова Л. И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 222 с. С. 110 – 111.
- ⁵⁹ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 161 – 162.
- ⁶⁰ Кауфман А. А. Указ. соч. С. 122.
- ⁶¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVI, Приморская область. Тетрадь I / Под ред. Н. А. Тройницкого. – Б. м., б. и., 1899. С. 40.
- ⁶² Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с. С. 77.
- ⁶³ Например: Рыбаковский Л. П. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М.: Наука, 1987. – 200 с.; Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: издательство НПО «МОДЭК», 2004. – 296 с.
- ⁶⁴ Например: Космачев К. П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск.: Наука, Сибирское отделение, 1974; Гапонов В. В. История таежного природопользования Южно-Уссурийского региона. – Владивосток: WWF России, АВК «Апельсин», 2005. – 286 с.
- ⁶⁵ Например: Фетисова Л. Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Этнос и природная среда. – Владивосток: Дальнаука, 1997. – 153 с. – С. 87 – 104; Аргудяева Ю. В. Влияние окружающей среды на быт восточнославянского крестьянства в Приморье (конец XIX – начало XX века) // Там же. – С. 105 – 116; Она же. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока.
- ⁶⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – М.: ООО «БИЗНЕС-СОФТ», 2004 – 1 CD ROM.
- ⁶⁷ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М.: Памятники истори-

ческой мысли, 2001. – 403 с. С. 263 – 269.

⁶⁸ Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с. – С. 8 – 20. С. 12.

⁶⁹ Успенский Г. И. Власть земли // Г. И. Успенский. Власть земли / Сост. А. П. Ланшиков. – М.: Советская Россия, 1988. – 400 с. – С. 213 – 218.

⁷⁰ Крюков считал, что переизбыток земли играет отрицательную роль в истории хозяйства переселенцев на Дальнем Востоке, которые не желая окончательно осесть на определённом месте, постоянно стремились найти лучшие условия, что сказало не только на хозяйстве, но и на психологии приморских крестьян. См.: Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. – СПб.: б. и., 1893. С. 133 и след.

⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 736. Л. 4.

⁷² Там же. Д. 238. Л. 19.

⁷³ См., например, Закон 13 июля 1889 г. о переселении на казенные земли. Ст. 12, 17 // Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 64 – 66.

⁷⁴ См., например: Тюкавкин В. Г. Указ. соч. С. 38; Ремнев А. В. Указ. соч. С. 49 – 56.

⁷⁵ См.: Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906 – 1910 гг. – СПб.: б. и., 1912. – С. 4.

⁷⁶ Например, заключительная часть отчёта генерал-губернатора Приморской области Фуругельма за 1870 г. посвящена именно этому вопросу. См.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 199 об – 200 об.

⁷⁷ Южная часть Дальнего Востока / Сер. «Природные условия и естественные ресурсы» М.: Наука, 1969. С. 64.

⁷⁸ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (тексты). Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912. С. 17.

⁷⁹ Ивашинников Ю. К. Физическая география Дальнего Востока России. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 165.

⁸⁰ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. – СПб.: б. и., 1893. С. 13.

⁸¹ Там же. С. 11 – 12.

⁸² Кауфман А. А. Материалы по вопросу колонизационной вместимости Приамурского края. – СПб.: б. и., 1901. С. 206.

⁸³ См.: Отчет по командировке... С. 11 – 13.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 114.

⁸⁶ Южная часть Дальнего Востока. С. 114.

⁸⁷ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 121. Л. 1 – 2 об.

⁸⁸ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений) Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912. С. 533.

⁸⁹ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. С. 11.

⁹⁰ Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. – Хабаровск: б. и., 1901. С. 55.

⁹¹ Ивашинников Ю. К. Физическая география Дальнего Востока России. С. 92.

⁹² Такая типология почв Приморской области намечается по крайней мере ещё с начала XX в., см.: Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (тексты). С. 31.

⁹³ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край. С. 8.

⁹⁴ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (тексты). С. 45.

⁹⁵ Скрыльник Г. П. Своеобразие организации и устойчивости геосистем Дальнего Востока // Географические исследования на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 43.

⁹⁶ Урусов В. М. Дальний Восток: природопользование в уникальном ландшафте. – Владивосток: Дальнаука, 2000. С. 78 – 79.

⁹⁷ Изучение климата Приморского района. С. 88.

⁹⁸ Южная часть Дальнего Востока. С. 94.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Урусов В. М. Дальний Восток: природопользование в уникальном ландшафте. С. 79.

¹⁰¹ О сомнениях подобного рода см.: Писцов П. М. Естественно-исторические предпосылки развития полеводства в Дальне-Восточном крае // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1927. – №3. С. 43.

¹⁰² Изучение климата Приморского района Метеорологическая хрестоматия для Дальнего Востока. / Н. В. Кириллов. – Владивосток: б. и., 1914. С. 4.

¹⁰³ Скрыльник Г. П. Своеобразие организации и устойчивости геосистем Дальнего Востока. С. 43.

¹⁰⁴ Кононова Н. Н. Эрозионная оценка урочищ сельскохозяйственных районов Приморского края / Н. Н. Кононова, В. И. Ознобихин // Исследование и конструирование ландшафтов Дальнего Востока и Сибири. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 77.

- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Скрыльник Г. П. Своеобразие организации и устойчивости геосистем Дальнего Востока. С. 43; Урусов В. М. Дальний Восток: природопользование в уникальном ландшафте. С. 74.
- ¹⁰⁷ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (тексты). С. 19.
- ¹⁰⁸ Писцов П. М. Естественно-исторические предпосылки развития полеводства в Дальне-Восточном крае // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1927. – №3. С. 17.
- ¹⁰⁹ Слабко Ю. И. Программирование урожаев посевных культур в Приморье: текст лекции. – Уссурийск: Прим. с.-х. ин-т., 1987. С. 3 – 4.
- ¹¹⁰ Писцов П. М. Естественно-исторические предпосылки развития полеводства. С. 17.
- ¹¹¹ См.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153, часть I. Л. 255 об. – 256. «Торговыми растениями» называли технические культуры – лён и коноплю.
- ¹¹² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 33 об.
- ¹¹³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 594. Л. 213 об.
- ¹¹⁴ С 1880 г. Ханкайский, Суйфунский и другие южные округа Приморской области входят в состав Южно-Уссурийского округа на положении участков. Об этом см.: Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX в.). – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973. С. 51.
- ¹¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153, часть I. Л. 255 об.
- ¹¹⁶ Крюков Н. А. Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. – Нижний Новгород: б. и., 1896. С. 9, 104.
- ¹¹⁷ Кабанов Е. И. Почвы Дальнего Востока и их обработка. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1928. С. 15.
- ¹¹⁸ Степанько А. А. Агрогеографическая оценка земельных ресурсов и их использование в районах Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО РАН, 1992. – 116 с. С. 39.
- ¹¹⁹ Изучение климата Приморского района. С. 20.
- ¹²⁰ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. // Библиотека для чтения. – 1869. – Т. VIII – XII. С. 71.
- ¹²¹ Агроклиматические ресурсы Хабаровского края. Л.: Гидрометеиздат, 1974. С. 30 – 31.
- ¹²² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 104 об – 141.
- ¹²³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 153 – 153 об.
- ¹²⁴ Там же. Л. 154.
- ¹²⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 188 об.
- ¹²⁶ Там же. Л. 189.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1. Д. 594. Л. 198.
- ¹²⁹ Там же. Л. 198 об.
- ¹³⁰ Там же. Л. 192 об.
- ¹³¹ Там же. Л. 199.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же. Л. 193.
- ¹³⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 556 – 556 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 556 об. – 557.
- ¹³⁶ Там же. Л. 557.
- ¹³⁷ Там же. Л. 556 – 556 об.
- ¹³⁸ Обзор Приморской области за 1891 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1892. С. 2.
- ¹³⁹ См. Обзор ... за 1899 год. – Владивосток: б. и., 1901. С. 7.
- ¹⁴⁰ Обзор ... за 1892 год. – Владивосток: б. и., 1893. С. 2.
- ¹⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 198 об.
- ¹⁴² См.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 320. Л. 200 – 200 об.
- ¹⁴³ Обзор Приморской области за 1899 год. С. 10.
- ¹⁴⁴ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 11.
- ¹⁴⁵ Агроклиматические ресурсы Хабаровского края. Л.: Гидрометеиздат, 1974. С. 31.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Агроклиматические ресурсы Приморского края. Л.: Гидрометеиздат, 1973. С. 27.
- ¹⁴⁸ Крюков Н. А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области. – СПб.: б. и., 1893. С. 43.
- ¹⁴⁹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 71.
- ¹⁵⁰ Степанько А. А. Агрогеографическая оценка земельных ресурсов.
- ¹⁵¹ Там же. С. 27.
- ¹⁵² Там же. С. 29.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же.

- ¹⁵⁵ Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. – Владивосток: б. и., 1884. С. 2 – 7.
- ¹⁵⁶ Максимов А. Уссурийский край. Очерки и заметки // Русский Вестник. – 1888 – №8 (197). С. 245.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 245 – 246.
- ¹⁵⁸ Карта Южно-Уссурийского и Хабаровского округов и территории Уссурийского Казачьего войска. Составлена чинами Уссурийской партии в 1901 году. Научно-вспомогательный фонд Приморского краевого объединенного музея ми В. К. Арсеньева.
- ¹⁵⁹ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 134.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 135.
- ¹⁶¹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 95.
- ¹⁶² Там же. С. 96.
- ¹⁶³ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 93.
- ¹⁶⁴ Кокшаров М. К. Колонизационная ёмкость Южно-Уссурийского края и в связи с этим соображения о проложении необходимых дорог. Краткий обзор Северо-Уссурийского края и вопрос о постановке в его пределах широкого изследования // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским Генегал-Губернатором Д. М. Суботичем. Хабаровск, б. и., 1903. Доклады и материалы. С. 1 – 5.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 3.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 5.
- ¹⁶⁷ Близкий подход к проблеме выделения регионов см.: Ремнев А. В. Указ сочС. 12.
- ¹⁶⁸ Отчет по командировке... С. 89.
- ¹⁶⁹ Судя по «Карте Южно-Уссурийского и Хабаровского округов...», в 1901 г. территория Северо-Уссурийского края была разделена между указанными округами в районе Бикина, а также Уссурийским Казачьим войском, располагавшимся между госграницей и линией Уссурийской железной дороги.
- ¹⁷⁰ Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 1999. С. 22.
- ¹⁷¹ Ср. заключение Н. А. Корфа о сельскохозяйственном потенциале Приамурских земель (1886 г.): «Приамурский край не изобильно плодороден, а только удовлетворительно урожайный, при нелегком и серьезном труде». Надаров И. Второй Хабаровский съезд 1886 года. – Владивосток: б. и., 1886. С. 11.
- ¹⁷² Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. – 210 с. С. 72.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 73.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Апкаримова Е. Ю. и др. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XIX века. – М.: Наука, 2003. – 384 с. С. 111.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 112.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 112 – 113.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 114 – 115.
- ¹⁸¹ История крестьянства в России до 1917 г. Т. 3. – М.: Наука, 1993. — 664 с. С. 300.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ Там же. С. 300 – 302.
- ¹⁸⁴ Колонизационное значение земледелия в Приамурье. (Труды Амурской экспедиции. Выпуск IV). – СПб.: б. и., 1911. С. 68.
- ¹⁸⁵ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 66.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 85.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 66.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 84.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 85.
- ¹⁹⁰ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 568 об.
- ¹⁹¹ Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. – СПб.: б. и. 1899. С. 3.
- ¹⁹² Там же. С. 7.
- ¹⁹³ Там же. С. 9.
- ¹⁹⁴ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 12 – 13.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 14 – 15.
- ¹⁹⁶ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. – 336 с. С. 98.
- ¹⁹⁷ История крестьянства в России до 1917 г. Т. 3. С. 300.
- ¹⁹⁸ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край. С. 7 – 8.
- ¹⁹⁹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Кн. 1. – М.: Мысль, 1993. – 572 с. С. 50.
- ²⁰⁰ Ядринцев Р. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. –

СПб.: издание И. М. Сибирякова, 1892. С. 204.

²⁰¹ Невельской Г. Подвиги морских русских офицеров на крайнем востоке России. 1849 – 1855. – Владивосток: Примиздат, 1950. С. 400.

²⁰² Южная часть Дальнего Востока. С. 111 – 112.

²⁰³ Данилова Л. В., Дятел Е. П. Экологические условия и особенности пионерного освоения русскими Дальнего Востока // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. М.: Моск. филиал Геогр. об-ва, 1981. С. 135.

²⁰⁴ Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. С. 3; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 568 об.

²⁰⁵ Максимович К. И. Указ. соч. С. 82 – 84.

²⁰⁶ Отчет по командировке... С. 13.

Глава 2. Социетальные факторы крестьянской колонизации Приморской области второй половины XIX в.

2.1. Развитие путей сообщения в связи с крестьянской колонизацией

Крестьянская жизнь в первую очередь связана с природой, однако круг факторов, оказывающих влияние на крестьян, гораздо шире. Тем более это касается переселяющегося хозяйства, оторванное от земли, вырванное из привычных общественных и хозяйственных связей. Такое хозяйство, такая семья, люди, составляющие эту семью, находясь в стрессовых условиях переселения, требуют особого внимания со стороны власти.

Рассматривая проблему развития путей сообщения на юге Приморской области в изучаемый период, необходимо связать её с вопросом заселения региона. В частности, для удобства ориентации в рассматриваемой проблеме можно использовать обобщённый вариант периодизации заселения, основой которого служит интенсивность переселенческого процесса. Так, в заселении Нижнего Амура и Приморья на протяжении второй половины XIX в. можно выделить два крупных периода: а) период начального заселения, который приходится на 50-е – 70-е гг. и б) период массового заселения, который приходится на 80-е – 90-е гг. Эти отделы истории заселения Приморской области были выявлены «по горячим следам» ещё в конце XIX века и признаны современной исследовательской традицией¹.

История транспортного освоения изучаемого региона начинается, пожалуй, с амурских сплавов Н. Н. Муравьёва. Этот факт показателен, поскольку он иллюстрирует с одной стороны природные условия, в которых развивалась система коммуникаций, а с другой – её организационные основы. Подробно природные условия были уже проанализированы в предыдущей главе, остаётся только заострить внимание на двух специфических моментах. Это, во-первых, очень сложная поверхность области: а) дифференцированный рельеф с преобладанием гористых пространств; б) особый характер поверхности пониженных участков с большим количеством болот и сырых, затопляемых мест. Во-вторых,

разветвлённая речная сеть, дающая возможность отчасти компенсировать недостатки сухого пути.

Однако большая часть рек Дальнего Востока – малые и горные, не подходящие для судоходства и вообще водного движения. Несмотря на это, водные пути представляются выгодным вариантом в качестве пути первоначального проникновения в новые земли и их начального освоения. Учитывая основной вектор проникновения русских на территорию юга будущей Приморской области из Забайкалья к Тихому океану, речной путь вполне себя оправдывает. Итак, первые пути сообщения на юге Приморской области – речные. Учитывая гигантские пространства, на которые протянулся Нижний Амур, его суровые природные условия и незначительность средств, отпускаемых историей на русское освоение этого края, нетрудно объяснить, почему поселенцы не удалялись от русла реки настолько, чтобы была необходимость в сухопутных дорогах. На протяжении изучаемого периода крайние точки Нижнего Амура – Хабаровка и Николаевск – были связаны только водной дорогой и вьючными тропами.

Крестьянское освоение как таковое предъявляет к системе коммуникаций следующие требования: а) возможность с наименьшими затратами времени и сил добраться до места поселения и б) возможность регулярного сообщения для сбыта излишков продуктов труда и закупок необходимых товаров². Последний аспект, однако, непринципиален поскольку характерной чертой крестьянского хозяйства является его натуральный, потребительский характер. Первый аспект хотя и имеет высокое значение, также не является критическим. Таким образом можно предположить, что система путей сообщения способствует, но не определяет крестьянское расселение при прочих равных условиях.

В рамках **первого периода** (1855 – 1882 гг.) заселения транспортное движение по Амуру осуществлялось на пароходах, парусных, гребных судах, разнообразных плотках, баржах и т. п. В целом же основными видами транспорта, использовавшимися крестьянами как для переезда на Дальний Восток, так и для вселения на места являлись гужевой, верховой, вьючный, где возможно использовались плоты и пароходы, а также железная дорога³.

Регулярное пароходное сообщение по Амуру начинается в 60-х гг., до этих пор основная транспортная нагрузка ложилась на нерегулярные сплавы и случайные рейсы. На протяжении практически всего изучаемого периода Нижний Амур имел неразмеченный фарватер, водный путь не обустроивался⁴, что усложняло навигацию по реке. С 60-х гг. на Амуре появляются флотилии казённых речных пароходов, в 70-е организовано Товарищество Амурского пароходства, кроме того, услуги речного извоза оказывали частные пароходы⁵. Однако для нужд крестьянского освоения, как будет показано ниже на конкретных примерах, пароходное сообщение не могло играть большой роли в силу недостаточной его (сообщения) организации. К середине 70-х гг. относится свидетельство о существовании русской торговли на Нижнем Амуре: «баржи частных лиц», спускаясь вниз по течению, заходили с целью торговли в прибрежные деревни⁶. Однако насколько эти торговцы способствовали сбыту крестьянских продуктов – вопрос открытый, поскольку их главной задачей был сбыт собственного, некачественного и дорогого, товара.

Существенным недостатком водного вообще, и речного в частности, транспорта для широт Амура является то, что период навигации ограничен и длится около пяти месяцев. Весенний период ледохода и осенний ледостава вообще прекращают всякое движение по рекам. В зимний период движение осуществляется по льду многочисленных рек и озёр⁷. В Уссурийском крае, на Амуре лёд держится со второй половины ноября до марта⁸, то есть около пяти месяцев.

Как уже отмечалось, сухопутное сообщение в районе Нижнего Амура было совершенно неразвито: пассажиры, почта и грузы передвигались по тропам: «Колесных дорог между поселениями, за редкими исключениями, не существует», – пишет П. Ф. Унтербергер, характеризуя Приморскую область конца XIX в.⁹, более того, до русско-японской войны дорог на Нижнем Амуре так и не появилось¹⁰. Весенняя и осенняя распутица прекращают движение грузов по сухому пути, доставляется только почта¹¹. Таким образом, весенний и осенний периоды на некоторое время полностью парализуют транспортную систему

Нижнего Амура. Вместе с тем, следует помнить, что первая попытка дорожного строительства относится ещё ко временам выхода русских на Амур в 50-е гг. – разработка просеки оз. Кизи – зал. Де Кастри¹². Естественно, что для крестьянского переселения и расселения эта дорога не имела никакого значения, поскольку лежала вне зоны преимущественного устройства земледельцев.

Северно-Уссурийский край, сходный по устройству поверхности с Нижним Амуром, в транспортном отношении испытывает те же трудности: существование периода летней навигации и зимнего ледового пути, отсутствие колёсных дорог и сезонная прерывистость сухопутного выючного пути¹³. Чертой, отличающей водный путь Уссури от амурского, является мелководье главной реки¹⁴, препятствующее нормальному сообщению. Движение пароходов по Уссури осуществлялось от её устья до устья р. Сунгач, по р. Сунгач в оз. Ханка. Таким образом, водная дорога связывала Южно-Уссурийский край с Амуром. Вместе с тем, основные притоки Уссури, такие как Хор, Бикин, Иман, по крайней мере в своём нижнем течении вполне способны принимать пароходы с небольшой осадкой¹⁵, что существенно расширяет зону транспортного освоения в Уссурийском крае.

Думается, что характеристика технической вооружённости амурского и уссурийского пароходства в нашем случае несущественна, поскольку выгоды пароходного сообщения для крестьян были доступны весьма ограниченно. Так, в своих записках Пржевальский, характеризуя пароходное сообщение на Уссури, пишет о том, что капитаны пароходов, не обязанные к провозу пассажиров, делают это с неохотой¹⁶.

Наиболее развитой была транспортная система Южно-Уссурийского края, что опять-таки можно объяснить природными условиями – в первую очередь отсутствием такой пространственной доминанты, как у северных соседей, – большой реки, служащей дорогой зимой и летом. Конечным пунктом уссурийской пароходной линии служил пост Камень-Рыболов на Ханке, от которого, собственно, начинается система южно-уссурийских путей, ориентированных на южное морское побережье.

От Камня-Рыболова дорога сухим путём шла через долину р. Мо к р. Суйфун. Этот путь обслуживался единственной колесной дорогой во всём изучаемом регионе¹⁷ (см. рис. 2.1). Она была выстроена в конце 60-х гг. – годовой отчёт генерал-губернатора за 1868 г. указывает на отсутствие дорог в области¹⁸, а отчёт за 1869 г. уже фиксирует указанную дорогу¹⁹. Далее во Владивосток можно было добраться либо водой, либо тропой через Угловое. От Суйфунского же поста водой можно было добраться до Славянки, откуда посуху до Новгородского поста²⁰. Альтернативой упомянутому сунгачинско-ханкайско-суйфунскому был путь по линии Уссури – Даубихэ – Лефу – Суйфун²¹. Однако он был менее удобным, поскольку здесь отсутствовали современные пути, а также в силу других причин. К особенностям южно-уссурийских путей сообщения можно отнести следующие моменты, в общей части своей характерные для дорожных условий всей Приморской области: отсутствие «правильных» дорог заставляет сообщение прерываться в весеннюю, летнюю и осеннюю распутицу; малая заселённость территории затрудняет строительство и обслуживание дорог²². Последнее обстоятельство заставляло военных брать на себя функцию строительства и поддержки путей сообщения²³.

Итак, первый период заселения южной части приморской области демонстрирует совершенную необеспеченность региона транспортной инфраструктурой. Характеризуя общее состояние путей сообщения в области, генерал-губернатор И. С. Фуругельм в отчёте за 1868 год отмечал, что «благодаря выгодному географическому положению своему, Приморская область обладает редкими удобствами водяного сообщения, и вследствие этого, отсутствие в крае сухопутных дорог при настоящем населении не было особенно чувствительно»²⁴. Очевидно, что до времени массового вселения область не могла предоставить переселенцам нормальных путей сообщения. Это имело своим следствием (учитывая и иные факторы) то, что русские поселения возникали вблизи естественных, водных, путей: на морском побережье либо на берегах рек и озёр.

Второй период заселения области (1883 – 1900 гг.) явился поворотным в истории развития путей сообщения. Именно в этот период устанавливается

срочное морское сообщение с западной частью империи, укрепляется морское сообщение между пунктами самой Приморской области²⁵. Растёт количество перевозчиков по рекам²⁶. Именно в данный период строятся колёсные дороги в Южно-Уссурийском крае²⁷. Наконец, в 90-е годы ведётся железнодорожное строительство, связавшее Владивосток и Хабаровск²⁸.

Рис. 2.1. Схема почтовых дорог в Южно-Уссурийском крае в XIX в.

Условные обозначения

▲ Населённые пункты

Дороги, построенные в

..... 60-х гг.

———— 70-х гг.

———— 80-х гг.

Учитывая, что переселенцы в данный период расселялись по морскому побережью достаточно редко, то рассмотрение морских коммуникаций и в данном случае не имеет смысла. Свидетельством против морских путей массового расселения русских крестьян по Приморской области служат 1) малое количество крестьянских селений, основанных в приморской зоне, 2) указания на крайне слабое развитие русского каботажа в Приморской области изучаемого периода²⁹. Характерно, что морским транспортом в область прибывали сотни семей, но, высаживаясь во Владивостоке, для переезда на новое место жительства они зачастую использовали другие виды транспорта. Этот факт, как и многие другие, заставляет разводить переселение в область и расселение по ней как самостоятельные области задач.

На протяжении рассматриваемого периода существенного изменения в речных коммуникациях не произошло. Следует, пожалуй, отметить знамена-

тельный факт: с середины 90-х годов начинает существенно расти речной флот в амурском бассейне и проводятся работы по совершенствованию речного пути на Амуре³⁰. Однако имеющийся потенциал речных перевозок для крестьян был практически закрыт. Так, амурские крестьяне в сущности не могли воспользоваться преимуществами Амура как основной водной трассы области и сбывать через него на основные рынки региона свои продукты: пароходы либо не останавливались у крестьянских селений, либо требовали необоснованно высокую плату за провоз товаров³¹.

В 80 – 90-е гг. решается вопрос с дорожным сообщением, причём главным образом на юге – в Южно-Уссурийском крае (см. рис. 2.1), что связано, как указывалось, с особенностями его топографии. С начала 80-х годов появляются дороги на следующих направлениях: в 1881 г. Раздольное – Владивосток, таким образом установлена прочная связь Камня-Рыболова и Владивостока; на первую половину 80-х гг. приходится постройка дороги Никольское – Анучино; к середине 80-х можно отнести строительство трактов залив Посьет – Раздольное и ст. Подгорная – Шкотово – Владимировка, связавших Владивосток и внутренние районы Южно-Уссурийского края, а значит и всю область с крайним южным побережьем Приморской области. Примерно к этому же времени относится строительство грунтовых дорог на направлениях ст. Дубинская – Халкедон – Спасское – пост №4 на Сунгаче. Таким образом был, во-первых, создан альтернативный существовавшему ранее путь от Суйфуна к Ханке, во-вторых, связаны между собой селения внутренних районов Южно-Уссурийского края.

Несмотря на относительно активное дорожное строительство 80-х гг., в Обзоре Приморской области за 1892 г. можно встретить такое высказывание: «Грунтовых дорог в области крайне недостаточно»³². Относительно обеспеченным грунтовыми дорогами оставался только Южно-Уссурийский край – территории от зал. Петра Великого до оз. Ханка (см. рис. 2.1). Периферия южного края и остальные местности области дорог не имели.

90-е годы – время «дорожного освоения» периферии Южно-Уссурийского края и начало дорожного строительства в Северно-Уссурийском. Так, в начале

90-х гг. идёт локальное строительство дорог в районе Сучана³³, а также на севере Южно-Уссурийского края: Бельцово – Успенка, Шмаковка – Тихменево³⁴. К периоду 1894 – 1898 гг. относится сооружение дороги Ольга – Владимиро-Александровское³⁵ (рис. 2.1). В 1899 г. продолжается дорожное строительство на севере Южно-Уссурийского края (Гродеково – Духовское)³⁶. В последние годы XIX в. начинаются дорожные работы в Северно-Уссурийском крае: в 1898 – 1899 гг. сооружаются дороги Хабаровск – Берёзовка, Хабаровск – Матвеевка³⁷, а в 1900 – Хабаровск – Вятское³⁸ (рис. 2.2).

Рисунок 2.2. Схема почтовых дорог в Северно-Уссурийском крае в конце XIX в.

Условные обозначения

■ ▲	Населённые пункты
—	Дороги

География дорожного строительства, как будет показано в соответствующем разделе, связана с крестьянским освоением просторов Приморской области. Признавая сам факт организации грунтовых дорог, следует указать на крайне низкое качество этих сооружений, что связано как с неблагоприятными условиями среды, так и с недостаточной организацией управления дорожных работ. Плохое качество тракта Ольга – Владимиро-Александровское было отмечено в Обзоре за 1898 год в связи с окончанием строительства этого пути. Дороги подчас были настолько плохи, что проезжающие были вынуждаемы огибать некоторые из участков таких дорог, а дождь был способен сделать многие пути непроезжими «иногда на продолжительное время, ставя жителей, особенно новоселов, в безвыходное положение»³⁹. Переселенческое управление было не в силах исправить такую ситуацию за неимением средств, что было особенно чув-

ствительно в районах начального заселения⁴⁰.

Насколько можно судить по литературным и картографическим источникам⁴¹, изучаемая территория была покрыта сетью выючных троп, проходящих вдоль русел рек и по водоразделам. Плотность этой сети в каждом конкретном районе зависит от плотности населения, которая возрастает в общем направлении от севера к югу и от горных областей к низменным⁴². Многие новоосновываемые селения не знали иных путей сообщения, кроме троп⁴³.

В целом к началу XX века протяжённость дорожной сети достигла 1000 верст⁴⁴. Вместе с тем, к концу 80-х гг. относится негативная оценка исполнения работ, связанных с дорожным строительством: «По планам и отчётам, оне (дороги – Я. Б.) превосходили лучшие российские шоссе, а в действительности были невозможны. Всё валилось на климат края»; причина же такого положения банальна – воровство ответственных за строительство лиц⁴⁵.

Специфическая черта 90-х гг. – железная дорога. В 1891 – 1897 гг. была построена Уссурийская железная дорога, связавшая Владивосток и Хабаровск. Она пролегла через долины Суйфуна, Уссури, Приханкайскую низменность. В 1894 году было окончено строительство отрезка ст. Владивосток – ст. Иман⁴⁶, движение до ст. Хабаровск было открыто в конце 1897 года⁴⁷. Её значение для крестьянского расселения и утверждения хозяйств в Приморской области было принципиальным. Это очевидно только по тому, что именно после 1897 г. начинается заселение Северно-Уссурийского края, причём ускоренными темпами (см. табл. 2.1, рис. 2.3). Так, если в период 1891 – 1897 гг. в Северно-Уссурийском крае было основано 12 селений, то уже в 1898 – 8. Изменяется доля крестьянских новопоселений, приходящихся на Северно-Уссурийский край: 1897 – 0,2, 1898 – 0,5 от всех новооснованных селений области.

Результаты второго периода, несмотря на относительно динамичное развитие системы сообщения и рост транспортной вооружённости Приморской области, также не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку крестьянское заселение территории идёт по меньшей мере на шаг впереди общего транспортного освоения. Это естественно, если учесть дорожную повинность

тех же крестьян, когда силами последних строились и содержались дороги разного уровня.

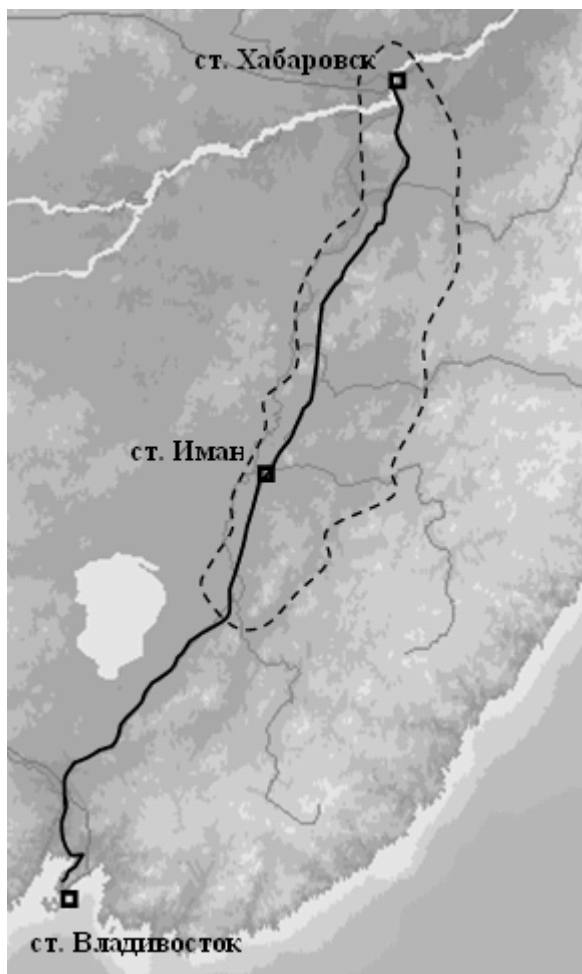

Рис. 2.3. Уссурийская железная дорога и связанный с ней район крестьянской колонизации

Условные обозначения

ст. Хабаровск	Названия узловых станций
□	Пункты узловых станций
—	Линия железной дороги
- - - - -	Примерная граница района потенциальной крестьянской колонизации

Таблица 2.1. Прирост количества крестьянских селений в Приморской обл. за период 1891 – 1900 гг.

год	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900
количество основанных селений	8	9	4	1	11	8	5	17	21	29
из них в Северно-Уссурийском крае	4	0	0	1	5	1	1	8	10	22

Подсчитано по: Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях. – СПб.: б. и., 1911. Приложение, с. 96 – 103; Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. С. 243 – 254; Меньшиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений). – Саратов, 1912. С. XIII – XXII.

Итак, развитие путей сообщения на юге Приморской области второй половины XIX в., характеризуется следующими чертами. Первое, на чём необходимо остановиться – фактическое бездорожье, сопровождавшее регион на большей части изучаемого периода. Только к концу века наиболее заселённые и освоенные районы области обзаводятся сетью колёсных и просёлочных дорог,

не говоря уже о тропах. Так, планы земельных наделов деревни Кремовой (1893 г.)⁴⁸ и села Осиновки (1890 г.)⁴⁹ демонстрируют нам достаточно высокую насыщенность территории дорогами и тропами: через каждое из этих селений проходит не одна просёлочная дорога, соединяющая Кремовую и Осиновку с ближайшими селениями (в том числе и друг с другом – наделы этих селений смежные), не говоря о тропах, ведущих к лесным и полевым угодьям и так же соединяющим селения, а также железнодорожные пути.

Второе – водный путь мог обслужить очень небольшие площади в силу малой судоходности большинства притоков Амура, Уссури и Японского моря. Можно сказать, что водные пути до 90-х гг. находились в естественном состоянии, а коварство Амура как водной дороги в комментариях не нуждается. Слабость русского морского прибрежного флота снижала доступность побережья для переселенцев (справедливости ради следует отметить, что русские переселенцы, пока оставалась возможность, предпочитали селиться во внутренних территориях области, удалённых от моря).

Третье – самым востребованным видом сухопутных коммуникаций был выючный путь, поскольку он в наименьшей степени зависел от погодных условий⁵⁰, хотя первые десятилетия Нижний Амур и не имел сквозного выючного пути⁵¹. Активное дорожное строительство ведётся в Южно-Уссурийском крае в 80 – 90-е гг., в результате чего тележным трактом были связаны такие крайние точки, как залив Ольги, залив Посьета, среднее течение Уссури. Наконец, с 1897 г. железной дорогой были связаны ведущие центры области – Владивосток и Хабаровск.

Очевидно, что заселение пространств Приморской области зависело от развития сети дорог, хотя можно отметить и обратную зависимость. Яркий тому пример – заселение внутренних областей Уссурийского края в 90-х гг., во время строительства здесь железной дороги. Так или иначе, уровень транспортной инфраструктуры не соответствовал запросам, выдвигаемым переселением в область и расселением по ней нового, земледельческого населения.

Для дальнейшего использования результатов исследования условий

транспортной обеспеченности регионов Приморской области необходимо ввести условный показатель для оценки развития путей сообщения в пределах данной к анализу территории. Несмотря на то, что в работе рассматривается полувековой интервал, планируемый показатель (для простоты и однозначности) будет фиксировать состояние конца изучаемого периода – 1900 г. В качестве самого показателя предлагаю условный «индекс транспортной обеспеченности», который складывается из суммы баллов, набранных территорией в зависимости от степени развития транспортной инфраструктуры, конкретно – дорог. В качестве категорий подсчёта следует остановиться на водных путях, почтовых и иных сухопутных дорогах, железных дорогах. Каждому типу путей следует назначить балл – водным путям «1» (как естественным и, следовательно, дешёвым, а также зависящим от времени года), почтовым дорогам «2», железным дорогам «3» (как наиболее технологически сложным и эффективным). Сумма набранных территорией баллов и будет являться индексом транспортной обеспеченности. Положение волостей в системе транспортной обеспеченности Приморской области см. в таблице 3.17, стр. 193.

Предложенный вариант подхода к оценке транспортной обеспеченности территорий является, безусловно, очень приблизительным, не учитывающим, возможно, какие-то существенные детали развития путей сообщения. Тем не менее данный подход является достаточно информативным, учитывая цели проводимого исследования. Следующий шаг – выявление территориальной структуры крестьянского самоуправления (иначе говоря – волостей) как удобного инструмента территориального деления крестьянства; это поможет завершить анализ транспортной обеспеченности Приморской области – на уровне крестьянских волостей.

2.2. Административно-территориальное деление Приморской области и особенности управления крестьянским краем

В контексте осмысления крестьянского расселения на юге Приморской области вопросы территориального деления занимают не последнее место. Свя-

зано это с тем, что территориальное деление области, как административное, так и экономико-географическое, является объективным показателем связи администрации области с её населением. Осваиваемый, заселяемый район, особенности и возможности которого практически неизвестны, представляет для управления серьёзную проблему. Она выражается как в том, что в процессе управления приходится сталкиваться с незнакомыми явлениями и неучтёнными факторами, так и в том, что население области по определению нестабильное, постоянно перемещающееся; это касается как русских переселенцев, так и «бродячих» инородцев и пришлых иностранцев из сопредельных Китая и Кореи.

В постоянно меняющейся картине управляемого региона неизменно стабильным элементом его, а также средством воздействия на него является административно-территориальное устройство. Она помогает дифференцированно, а потому и более адекватно, реагировать на возникающие ситуации, разделять сферы ответственности и др. Таким образом, административно-территориальная структура региона является своеобразным ответом системы управления на вызов территории. Анализируя этот «ответ», можно определить позиции администрации по многим вопросам текущего управления и отношения к региону вообще.

Характеризуя поставленную выше проблему с точки зрения отношений «крестьяне-переселенцы – местная администрация» следует отметить, что достаточно долгое время управлением Приморской области и её отдельных частей занимались военные, что создавало для области большие трудности. Так, известно, во-первых, что у военных чинов, ответственных за дела гражданского управления, до этих самых дел зачастую не доходили руки, во-вторых, не все из них желали заниматься вопросами гражданского управления в принципе, в-третьих, сказывается специфика гражданского управления: многие военные чины не вникали в суть гражданских проблем, в силу их чуждости, особенности в глазах военных. Отмеченное создаёт дополнительный, к указанным страницей выше, аспект напряжённости в отношениях администрации и управляемых тер-

риторий.

История образования Приморской области непосредственно связана с окончательным утверждением России на тихоокеанском побережье Азии. Приморская область была учреждена на основе Камчатской в 1856 г., фактически являясь её территориальной преемницей: в состав вновь образованной области вошли Петропавловская (Камчатский полуостров), Гижигинская (местность от северного берега Охотского моря до азиатского берега Чукотского), Удская (южное и юго-западное побережье Охотского моря, в т. ч. устье Амура) округа⁵².

Собственно говоря, создание Приморской области имело не столько административное, сколько политическое значение. Наличие Удской округа в составе Приморской области коренным образом отличало её значение от значения Камчатской. Целью создания Приморской области была интеграция Нижнего Амура в состав Российской империи и закрепление империи в устье великой реки. Это хорошо видно по тому факту, что в Николаевск-на-Амуре было перенесено всё управление военными и гражданскими делами новоучреждённой области.

В 1858 г. Приморская область была реформирована в связи с заключением Айгуньского трактата между Российской и Цинской империями. По этому соглашению в состав России вошли все земли по левому берегу Амура до его устья. Соответственно, верхнее и среднее течение Амура (по русскому берегу) были включены во вновь созданную Амурскую область, а нижнее течение, от устья Усури, – в состав уже существующей Приморской⁵³. Помимо включения всей территории Нижнего Амура, разделённой между Софийской и Николаевской округами, в состав Приморской области была отнесена Охотская округа⁵⁴. Таким образом, с 1858 г. Приморская область включала в себя всё тихоокеанское побережье Сибири, что придало ей более законченный характер в сравнении с предыдущим состоянием.

Наконец, в 1860 г. в соответствии с Пекинским соглашением, к России отошли земли по правому берегу Усури и к югу от оз. Ханка до Японского мо-

ря. Они были включены в состав Приморской области на правах Уссурийского края⁵⁵, который простирался от устья р. Тумень-Ула на юге до устья Уссури и Амура на севере, включая морское побережье. Так завершается оформление территорий Приморской области, проходившее в стремительном темпе – с 1856 по 1860 гг.

Следующие изменения в территориальном устройстве Приморской области связаны с внутренними перестройками в Уссурийском крае. По признанию П. Ф. Унтербергера, военного губернатора в 1888 – 1897 гг., эта местность требовала особого внимания областной администрации⁵⁶. Причиной тому – сложный этнический состав её населения (включавшего аборигенов, китайцев, корейцев, русских), природные богатства, привлекавшие из соседних стран массу пришельцев. Всё это создавало бóльшую нестабильность в крае по сравнению с другими округами области и требовало более пристального и тщательного контроля над этими территориями.

В 1868 г. в связи с так называемой «манзовской войной» Уссурийский край был разделён на ряд округов: Суйфунский, Сучанский, Аввакумовский, Ханкайский⁵⁷, Уссурийский, Уссурийского пешего казачьего батальона⁵⁸. Целью выделения этих единиц было установление контроля над пришлым иностранным – главным образом китайским – населением⁵⁹, тем более, что соотношение русскоподданного и пришлого населения здесь было неблагоприятно. Так, к 1869 г. в Приморскую область прибыло русского населения 14293 чел., из них гражданского населения (т. е. того, которое, собственно, и требовало «управления») насчитывалось 4831 чел.; в это же время иностранцев прибыло 7121 чел.⁶⁰ Интересно отметить, что идея выделения участков в составе Уссурийского края возникла у генерал-губернатора Корсакова в 1866 г, но сразу реализована не была⁶¹. В 1881 г. был учреждён Южно-Уссурийский округ⁶², в составе следующих участков: Уссурийского, Верхне-Уссурийского, Суйфунского, Ханкайского, Сучанского, Ольгинского⁶³. Очевидно, что принципиальных изменений в структуре управляемых территорий не произошло. В целом указанное мероприятие можно объяснить стремлением к унификации управления в мас-

штабах области с целью уменьшения издержек.

Возвращаясь к судьбам Приморской области в целом, следует отметить выделение из Софийской округи самостоятельной Хабаровской округи в 1880 г.⁶⁴ В этом же году Удская и Николаевская округи слиты в одну Удскую, территория которой простиралась теперь вдоль побережья Охотского и Японского морей от р. Улькан до зал. Пластун. Отмеченные выше переконфигурации сводятся к слиянию северных малолюдных округ и разделению южных, более заселённых и активно заселяемых⁶⁵. Как видно, администрация области стремится держать систему управления в соответствии с реалиями жизни.

Своеобразной вехой в истории административно-территориального деления Приморской области является учреждение Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г.⁶⁶ с целью приблизить общее управление дальневосточным регионом к окраинам – Забайкальской, Амурской и Приморской областям.

Вероятно, в связи с учреждением нового генерал-губернаторства реформируется устройство крестьянских обществ – с 1884 г. вводится волостное деление в целях управления активно пребывающим крестьянским населением⁶⁷. Для Южно-Уссурийской округи на тот период известны следующие волости: Григорьевская, Ивановская, Черниговская, Камень-Рыболовская, Суйфунская, находившиеся в районе Ханка – Суйфун; Монгугайская на юго-западе округи; Цимухинская и Сучанская – на юге⁶⁸. Крестьянские волости учреждались только в заселяемых районах.

С течением времени область претерпевает дальнейшие изменения. В целях более эффективного управления из Гижигинской округи в 1888 г. выделяются Анадырская округа и округа Командорских островов⁶⁹. Это оправданно в силу гигантских размеров старой Гижигинской округи, препятствующих инспекции многих мест начальником округи подчас в течение нескольких лет⁷⁰. В 1889 г. в связи с образованием Уссурийского казачьего войска⁷¹ была создана отдельная округа Уссурийского казачьего войска⁷², или просто – Уссурийская казачья округа⁷³. Её земли простирались вдоль китайской границы от устья Усури до Суйфуна. В 1889 г. в составе Удской округи были выделены участки⁷⁴,

что при её размахе было совершенно необходимо. Наконец, среди последних административно-территориальных изменений Приморской области XIX века следует отметить слияние Софийской и Хабаровской округ в 1896 г. в одну – Хабаровскую⁷⁵, которая теперь граничила с Удской на севере и востоке. Наконец, в последние годы XIX в., но не позже 1894 г.⁷⁶ в целях поощрения развития промышленности создаются Уссурийский и Приморский горные округа⁷⁷, располагавшиеся в Сихотэ-Алинских горах.

Рассматривая в целом процесс административно-территориального переустройства XIX в., следует отметить некоторые тенденции.

Общий рост количества территориальных единиц первого уровня – округов. Это обстоятельство может быть объяснено как ростом площади самой области (что характерно на первых этапах), так и ростом населения и, соответственно, усложнением управления большими территориальными единицами.

Перераспределение территорий между округами и самих округов. Это объясняется, вероятно, попытками повысить эффективность управления путём учреждения, слияния и упразднения округов.

Большая дробность территориальных единиц в южной части области. Здесь имеется в виду существование окружного и участкового деления в южных (от Удской и далее) округах. Данное обстоятельство зависит от ряда факторов. Во-первых, особое значение имеет бóльшая плотность населения, что требует бóльшего надзора, бóльшего аппарата и более мелких территориально-административных единиц. Во-вторых, и это касается собственно специфики Южно-Уссурийского края, свою роль играет устройство поверхности. Если территории среднего и нижнего течения Усури и Нижнего Амура имеют чётко выраженную пространственную доминанту – долину большой реки, то Южно-Уссурийский край такой доминанты не имеет. Его территория состоит из перемежающихся горных гряд, долин и равнин, что ведёт к расчленённости пространства и изолированности его отдельных частей. Это обстоятельство, вкуче с предыдущим, и диктует бóльшую дробность управления.

Как уже отмечалось, южные территории Приморской области привлекали

особое внимание областной администрации. Именно в этих районах – на Амуре, по Уссури и её притокам и в Южно-Уссурийском крае – на протяжении второй половины XIX в. складывается крестьянство как такая группа населения, которая требует специального управления. Это в свою очередь связано со спецификой крестьянского сознания и крестьянской практики, а также со специфическими вопросами сельскохозяйственного освоения.

Однако на протяжении изучаемого периода называть юг Приморской области «крестьянским краем» затруднительно. Так, по данным губернаторских отчётов, в 1870 г. в области насчитывалось 5707 чел. «крестьянского сословия», что составило 11,5% всего населения области⁷⁸. В 1879 г. доля крестьян насчитывает всего 8,52%⁷⁹. Очевидно, что перелом в этом отношении наступает с открытием регулярного пароходного сообщения с Одессой в начале 80-х гг. За десятилетие в область по морю прибыло немногим менее 19 тыс. чел.⁸⁰ Судя по губернаторским отчётам, в 1895 г. доля крестьян увеличилась до 34,54%⁸¹. Перепись 1897 г. даёт цифры в 40,75%⁸². Сравнивая последний показатель с общероссийским (73,8%⁸³), приходится признать, что даже южные, земледельческие, районы Приморской области нельзя назвать собственно «крестьянским краем». Однако несмотря на это, необходимо иметь в виду, что крестьяне оставались специфической группой населения в экономическом и социальном отношении и требовали к себе особого подхода со стороны администрации области. Именно это обстоятельство позволяет использовать понятие «крестьянского края», но не в качестве характеристики каких-либо частей Приморской области в целом, а в качестве своеобразного определения политики властей в отношении массовой категории засельщиков – крестьян.

В силу военного характера колонизации Приамурья, система его управления также была построена на военных началах. Более того, первое время администрация Приморской области была чисто военной. Связано это было, разумеется, с недостатком гражданских кадров, что в свою очередь было вызвано относительной незначительностью русского гражданского населения. Вместе с тем, само по себе гражданское население требовало специального внимания со

стороны администрации. Так, распоряжаясь о создании в Южно-Уссурийском крае округов в 1868 г., генерал-губернатор Корсаков отмечал: «По значительности местного гражданского населения, как в Суйфунском, так и Ханкайском округах, иметь в них для исключительного заведывания гражданским населением особых офицеров или гражданских чиновников...»⁸⁴. Характерно, что список кандидатов на должность и. о. земского исправника начинается с военных чинов.

Надо думать, что безусловный приоритет военных в управлении Приморской областью продолжался не менее чем до второй половины 70-х гг., когда администрация озаботилась вопросами организации гражданского управления, в первую очередь полицейского надзора⁸⁵. Необходимость такого перехода была связана с рядом серьёзных обстоятельств. Во-первых, военное управление гражданским населением было малоэффективным. Подтверждением тому были беспорядки на юге области в 1868 г., когда от рук хунхузов пострадали как русский военный пост, так и русское мирное население. Это связано, в свою очередь, с перегруженностью военных чинов, на которых было возложено заведывание и гражданской частью: выполнение непосредственных обязанностей, связанных с военной службой поглощало всё их время⁸⁶. Кроме того, гражданское управление возлагалось на военных так сказать «внагрузку» – соответственное увеличение жалования, финансирования и штата по большому счёту не предусматривалось⁸⁷, это во-вторых. Наконец, в-третьих, – удалённость высшего руководства и его нетребовательность привели к расхолаживанию местной администрации, когда, например, отпускаемые для переселенцев пособия распределялись произвольно, а их использование адресатами не контролировалось⁸⁸.

Всё это ослабляло административный контроль над территориями и создавало неблагоприятные условия для переселенцев, что в целом сказывалось и на условиях, а следовательно и темпах, переселения и заселения пространств Приморской области. Вместе с тем крестьянство как колонизационный элемент интересно тем, что было способно к самоорганизации через традиционный институт крестьянской общины. Она могла отчасти компенсировать недостатки

местного управления и послужить основой для создания новых административных структур.

Положение об управлении Приморской области Восточной Сибири 1856 г. утверждает «в селениях» волостных и сельских начальников⁸⁹. Это обстоятельство говорит о том, что деревня в Приморской области могла быть организована как на волостных, так и на сельских, однопоселенных⁹⁰, началах. Последнее связано с низкой плотностью населения и нецелесообразностью введения волостной структуры сразу, ограничиваясь на первых порах поселенной. Например, в Положении об управлении Амурской области 1858 г. в разделе «Об управлении оседлых жителей и кочевых инородцев» так и отмечено: «Сельские учреждения должны быть вводимы постепенно, по мере образования сельских обществ, на основаниях, которые местным начальством будут признаны на первое время удобоприменимыми к краю и достаточными для управления...»⁹¹ Несмотря на то, что эта норма первоначально была указана для Амурской области, сходство условий освоения и географическая близость позволили распространить процитированную норму и на практику Приморской области с 1881 г.⁹²

При том, что волостное деление в области было введено не сразу, его функцию исполняют по меньшей мере в 80-х гг. т. н. «сельские общества»⁹³. Причиной тому – малолюдье и в силу этого невозможность организовать правильную структуру управления. Достоверно известно о существовании сельских обществ в Южно-Уссурийском крае, но вот что касается Николаевской и Софийской округ, то прямых свидетельств о существовании здесь волостной или сельской управленческой структуры автором не обнаружено. Однако, имея ввиду связь количества населения и наличия волостного или сельского управления, можно предположить существование искомых институтов и в Николаевской, и Софийской округах, для чего следует обратиться к некоторым показателям (см. табл. 2.2).

К началу 80-х гг. из трёх округ самой «крестьянской» была Николаевская, поскольку плотность крестьян в ней составила 83,16 чел/ кв. версту. Второй по плотности крестьянского населения является Софийская округа – 65,49

чел./кв. версту, а наименьшая плотность наблюдается в Южно-Уссурийском округе – 57,78 чел./кв. версту. По абсолютной же численности крестьян всё обстоит наоборот – больше всего их в Южно-Уссурийском округе – 2905 чел., затем идёт Софийская округа – 2841 чел, и наконец Николаевская – 1069.

Таблица 2.2. Соотношение числа крестьян по округам в разные годы

	Николаевская	Софийская	Южно-Уссурийская	Всего
1861 г.	701	1455	42	2201
1871 г.	967	1365	2219	4571
1881 г.	1069	2841	2905	6815
Площадь, кв. вёрст	88902,6	186084,6	167874,6	442861,8
Плотность крестьянского населения в 1881 г., чел./ кв. версту.	83,16	65,49	57,78	39,04

Составлено по: Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. С. 164; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVI. Приморская область. Тетрадь 3 (последняя). Б. м. 1905. С. VI.

Так или иначе, Софийский округ по числу крестьян Южно-Уссурийскому почти не уступал, а заселён ими был плотнее, поэтому волостное или общественное управление в ней не только допустимо, но и совершенно необходимо. Ещё одним доводом в пользу существования волостей на Нижнем Амуре во второй половине XIX в. может служить наличие волостей здесь в 1910 г.⁹⁴, состоящих из селений, основанных в 50-е – 80-е гг., притом известно, что на рубеже XIX – XX вв. население здесь росло не столь значительно, как на юге⁹⁵, что подводит к мысли о том, что и волости сформировались здесь в период складывания системы расселения.

В силу малочисленности крестьянского населения Приморской области и, соответственно, его низкой плотности, волостная, или «общественная», структура была ориентирована не на упорядочение территории, а на обеспечение раскладки общественных налогов и повинностей⁹⁶. То есть общественные управления, объединяющие несколько близлежащих селений, могли отделяться друг от друга значительными незанятыми площадями, не имеющими собственного сельского управления. В Южно-Уссурийском крае для 60 – начала 80-х гг. отмечаются Камень-Рыболовское общественное управление, охватывающее се-

ления по западному берегу оз. Ханка, и Суйфунское общественное управление, объединяющее селения, лежащие в долине р. Суйфун⁹⁷. Остальные селения, спорадически или мелкими группами раскиданные по просторам неосвоенных земель, в общества объединены не были, решая внутренние вопросы самостоятельно.

Сфера компетенции, объём полномочий и количественный состав общественных управлений определялись льготами, предоставленными переселенцам на Дальний Восток. Среди них можно указать на освобождение от уплаты государственных налогов и от рекрутской повинности⁹⁸. Соответственно были урезаны функции и штат общественных управлений⁹⁹. Вопрос о введении полноценных волостных управлений в Приморской области остаётся до сих пор не прояснённым – существует несколько версий времени и оснований учреждения волостных правлений.

Версия, выдвигаемая современными исследователями, относит возникновение волостной структуры к 1884 г. Связывается это с ростом количества крестьян и с необходимостью управления их прибывающей массой¹⁰⁰. То есть данная версия делает акцент на общеадминистративной функции волостей. Версия Ф. Ф. Буссе связывает возникновение волостей с истечением льготного срока в отбывании земских повинностей. Время введения волостей – 1888 год¹⁰¹. В данном случае очевидна фискальная функция волостей. Наконец, П. Ф. Унтербергер относит возникновение волостей к 1891 году¹⁰² (по другим его же данным – к 1892 – 1893 гг.¹⁰³). Автор не объясняет замены общественных управлений волостями, однако известно об усилении потока переселенцев на Дальний Восток и в Приморскую область в частности именно с этого времени, 1892 г.¹⁰⁴, что связано с активным железнодорожным строительством на востоке страны. Таким образом, и этот вариант можно объяснить притоком переселенцев, ростом количества населения и необходимостью его управления. Это подтверждается данными А. А. Риттиха, согласно с П. Ф. Унтербергером в дате возникновения правильных волостей и объясняющего это неудобствами управления рассеянными по просторам юга Приморской области крестьянскими обществами¹⁰⁵.

Разрешить подобное противоречие может следующая цитата (комментарий П. Ф. Унтербергера на полях «Представления об устройстве в Южно-Уссурийской округе Волостных и Сельских управлений от июня 1891 г.»): «В настоящее время в Приморской области существуют собственно волости, хотя они и называются официально обществами сельскими. Настоящие сельские общества тоже существуют, но на практике, а не официально»¹⁰⁶. Это высказывание в контексте обсуждаемого вопроса следует понимать таким образом, что в ограниченном порядке волости действительно могли существовать с начала 80-х годов. Вместе с тем, к 90-м годам можно привязать организацию полноценных волостных учреждений в духе Положения 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.

Так или иначе, введение волостного самоуправления преследует цель амортизировать усложнение жизни в округах Приморской области, вызвано ли это ростом населения или расширением его повинностей. Организация волостей по времени в целом совпадает с учреждением земской полиции (не позже середины 70-х гг.¹⁰⁷) и переселенческого управления (с 1883 г.), что позволяет связать введение волостного управления с административным развитием области в целом. Общая схема управления и самоуправления крестьян представлена в табл. 2.3.

Как показано в таблице 2.3, при том, что во главе округа стоял окружной начальник и в целом окружная полиция ведала делами на местах, каждый из трёх указанных институтов (земская полиция, переселенческое управление, сельское управление) имел свои функции, и они не складывались в иерархию, поскольку существовали каждое в своей функциональной области. Однако в конце концов окружная администрация являлась вышестоящей инстанцией по отношению и к переселенческому управлению, и к сельскому управлению.

До начала 90-х гг. в Южно-Уссурийском крае сохраняются два анклава старых порядков: Посъетский и Ольгинский участки, немногочисленные селения которых остаются жить по нормам 60-х гг.¹⁰⁸

Таблица 2.3. Система местной администрации и самоуправления в крестьянских волостях

Институт	Администрация		Крестьянское самоуправление	
	Окружное полицейское управление	Переселенческое управление / крестьянский начальник	Волостное управление	Крестьянское общество
Должностные лица	Штат полицейского управления Участковый (становой) пристав	Заведующий переселением / крестьянский начальник	Волостной старшина Волостной писарь	Сельские старшины, их помощники, сельские судьи и писари
Функции институтов	Взимание пошлин, землеустройство, «ведение крестьянскими делами», некоторые судебные функции (общий суд)	Дела по переселению морем, устройство новосёлков, наделение землёй, «экономическая часть переселения», представление интересов крестьян перед вышестоящими органами управления	Раскладка повинностей, сбор податей, крестьянский суд.	Исполнение повинностей и податей, крестьянский суд.

Составлено по: Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. С. 57; Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. – СПб.: б. и., 1900. С. 264, 265, 269; Ригтих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. – СПб.: б. и., 1899. С. 68 – 72; РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 10. Л. 7 — 28 об.

В самом конце XIX в. над крестьянами планируется новая структура, сопоставимая по своим функциям с переселенческим управлением: крестьянский начальник. Карта, составленная чинами Уссурийской партии в 1901 году¹⁰⁹ только в Южно-Уссурийском округе рисует шесть участков крестьянских начальников, всего же в Приморской области их было больше: Посьетский (I, Рис. II.5), Сучанский (II), Суйфунский (III), Ханкайский (IV), Верхне-Уссурийский (V), Черниговский (VI), Средне-Уссурийский (VII, Рис. II.3, II.5), Хабаровский (VIII, Рис. II.3), Нижне-Тамбовский (IX, Рис. II.3, II.4), Удский, (X, Рис. II.4)¹¹⁰.

Крестьянский начальник – ближайшая к крестьянину административная инстанция – подчинялся непосредственно областному правлению¹¹¹. К области ответственности начальника можно отнести все аспекты крестьянской жизни – начиная от размещения населения и заканчивая наблюдением за общественным порядком¹¹². При этом можно отметить следующую тенденцию: в целях последовательного охвата всех сторон крестьянского быта крестьянский начальник

стремится (надо полагать, в интересах крестьян) к перераспределению функций с другими ведомствами, круг ответственности которых включает и крестьян. Так, начальник Верхне-Уссурийского участка стремится подчинить себе народных учителей с целью установления большего контроля над ними¹¹³. Кроме того можно указать на изначально не свойственную крестьянскому начальнику полицейскую функцию надзора за порядком и за вновь прибывающими лицами. Она, надо полагать, оказалась в руках начальника крестьянского участка в ходе Первой Русской революции (1905 – 1907 гг.)¹¹⁴.

Выше отмечалось, что волостное деление преследовало в первую очередь фискальные цели, а потому количество волостей зависело от количества крестьянского населения и росло вместе с ним. До времени массового крестьянского переселения морем в начале 80-х гг. Буссе отмечает только два сельских общества – Камень-Рыболовское по западному берегу оз. Ханка (№1, рис. II.1) и Суйфунское в окрестностях с. Никольского¹¹⁵ (№2). Кроме того, следует отметить изолированные группы селений или селения, послужившие основой для будущих волостей: селения на западном берегу Амурского залива (дер. Монгугай, №3), на устье р. Цимухэ (с. Шкотово, №4), на Сучане (сёла Владимировское и Александровское, №5)¹¹⁶. Далее можно отметить группу селений в долине р. Аввакумовки (Фудин и Пермское, №6), а также череду крестьянских поселений вдоль русла Нижнего Амура от устья Уссури и далее до лимана Амура.

По состоянию на 1885 г. в Южно-Уссурийском крае существовали следующие волости: Камень-Рыболовская, позднее Ханкайская (№1, рис. II.2), Суйфунская (№2), Григорьевская (к югу от Ханки, №3), Ивановская (по верхнему течению Лефу, №4), Черниговская (по восточному берегу Ханка, №5), Монгугайская (по западному берегу Амурского залива, №6), Цимухинская (к северу от Уссурийского залива, №7) и Сучанская (в бассейне р. Сучан, №8)¹¹⁷. Никаких сведений о селениях, тяготеющих к посту Св. Ольги, используемый источник не сообщает. Как указывалось выше, чётких границ волости не имели, поэтому на соответствующем рисунке, как и на всех последующих, территории волостей помечены условно.

К 1901 г. круг волостей расширяется как за счёт уплотнения населения Южно-Уссурийского края, так и за счёт расширения волостной структуры на новые территории. Так, в Хабаровском округе в соответствии с «Картой Южно-Уссурийского и Хабаровского округов...» появляются волости Киинская (по нижнему течению Усури и её притокам) и Николо-Александровская (близ устья Усури). Кроме того, для более раннего периода надо полагать существование таких волостей в Хабаровском округе, как, (в порядке вниз по течению Амура) Тунгусская, Троицкая, Нижне-Тамбовская¹¹⁸. Киинская волость простиралась в бассейне р. Хор, к югу от хр. Хехцыр (№9 на рис. II.3). Николо-Александровская волость располагалась в окрестностях Хабаровска и устья Усури (№10). Тунгусская – на левом берегу Амура в окрестностях Хабаровска (№11). Троицкая волость располагалась на пространствах вдоль течения Амура от оз. Петропавловского до оз. Болонь (№12). Наконец, Нижне-Тамбовская – примерно от оз. Болонь до оз. Кизи (№13).

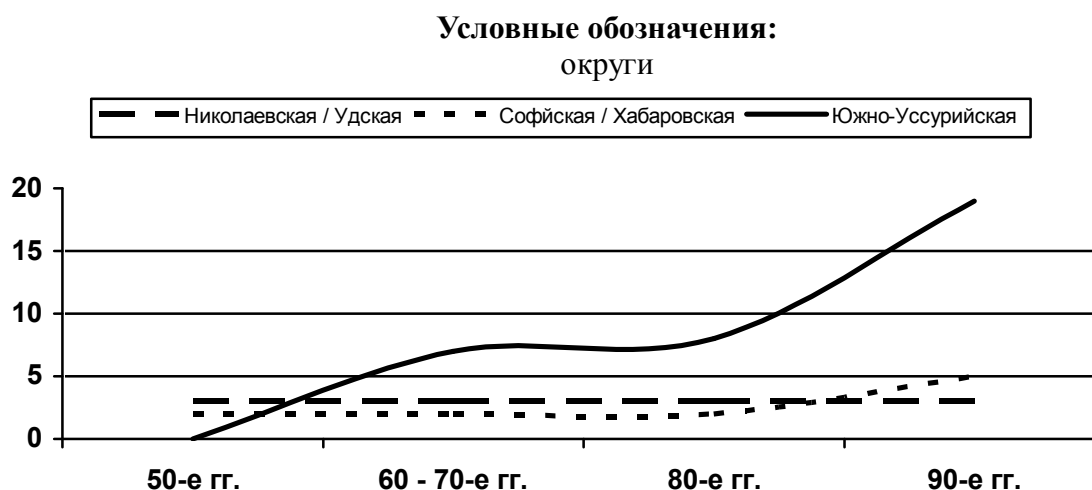
Удский округ включал в себя, вероятно, такие волости (в том же порядке, что и выше): Мариинско-Успенскую, Больше-Михайловскую, Сергиевскую¹¹⁹. Первая из отмеченных располагалась на пространствах в районе оз. Кизи (№14, рис. II.4). Больше-Михайловская волость располагается в районе оз. Удыль – устье р. Амгунь (№15). Сергиевская – от устья Амгуни до Амурского лимана (№16). Характеризуя топографическое положение волостей на Амуре, следует отметить, что, в отличие от Южно-Уссурийской округи, в Амурских округах волости не покрывали собой всё пространство административной единицы. Связано это с тем, что крестьяне селились в окрестностях самого Амура и горные области, удалённые от русла главной реки, оставались пустынными и не включались в состав крестьянских волостей.

К концу XIX в. южно-уссурийские территории также пополнились волостями: Успенской (в верхнем течении Усури, №17 на рис. II.5), Зиньковской (№18) и Спасской (№19, все три по восточному берегу Ханки), Раздольнинской (№20), Покровской (№21), Борисовской (№22), Осиновской (№23, на территориях существовавших ранее и уменьшившихся в размерах Суйфунской и Ива-

новской)¹²⁰. Помимо этого, в Уссурийском крае в конце XIX в. можно предполагать существование волостей в среднем течении Уссури: Лутковской (№24, рисунок П.3) и Тихоновской (№25)¹²¹; на Приханкайской низменности возникает Михайловская волость (№26). Наконец, волостной автономией обладали селения в заливе Св. Ольги (№28)¹²².

По нижеприведённой диаграмме (рис. 2.3) можно проследить динамику роста количества волостей Приморской области в изучаемый период. Таблица 2.4, помещаемая ниже, даёт наглядное представление об изменении волостного устройства южных округ Приморской области по известным источникам в конце XIX в.

Рис. 2.3. Динамика роста количества волостей по южным округам Приморской области во второй половине XIX в.

Приведённая диаграмма демонстрирует зависимость между количеством волостей и степенью заселённости края. Так, северные районы, принадлежащие Николаевской и Удской округам, уже с 50-х гг. распределяются на стабильно существующие в пределах изучаемого периода волости. Объяснить это можно короткой историей заселения низовьев Амура (см. стр. 142, 151), малый приток переселенцев на Амур и отсутствие новых крестьянских селений на протяжении 70 – 90-х гг. закрепляют границы волостей. Похожая ситуация складывается и в Софийской и Хабаровской округах. Прирост волостей в 90-е гг. связан с активным заселением района слияния Амура и Уссури и Северно-Уссурийского

края. На фоне остальных районов случай Южно-Уссурийского края представляет интерес, поскольку здесь наблюдается волнообразный рост числа волостей на рубеже 60 – 70-х гг. и в начале 90-х.

Приведённые в таблице 2.4 данные конца XIX в. свидетельствуют о постепенном росте количества волостей на юге Приморской области, усложнении структуры крестьянского самоуправления в регионе. Высокой динамикой роста волостей отличается Уссурийский край – его северная и южная части. Однако, если на севере края волости образовались так сказать, «на пустом месте», в связи с заселением неосвоенных земель, то на юге идёт процесс разделения уже существующих волостей.

Таблица 2.4. Изменения количества крестьянских волостей в южных округах Приморской области в конце XIX в.

год	1885 г.	1891 г.	1896 г.	1900 г.
		Больше- Михайловская	Больше- Михайловская	Больше- Михайловская
				Борисовская
	Григорьевская	Григорьевская	Григорьевская	Григорьевская
				Зеньковская
	Ивановская	Ивановская	Ивановская	Ивановская
	Камень- Рыболовская			
				Киинская
		Мариинско- Успенская	Мариинско- Успенская	Мариинско- Успенская
				Михайловская
В	Монгугайская			
О		Нижне-Тамбовская	Нижне-Тамбовская	Нижне-Тамбовская
Л				Никола- Александровская
О		Ольгинская		Ольгинская
С				Осиновская
Т				Покровская
И				Раздольнинская
		Сергиевская	Сергиевская	Сергиевская
				Спасская
	Суйфунская	Суйфунская	Суйфунская	Суйфунская
	Сучанская	Сучанская	Сучанская	Сучанская
		Троицкая	Троицкая	Троицкая
				Успенская
		Ханкайская	Ханкайская	Ханкайская
	Цемухинская	Цемухинская	Цемухинская	Цемухинская
	Черниговская	Черниговская	Черниговская	Черниговская

Составлено по: Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896.. С. 134; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 3. Л. 68 об. – 74 об., 80 об. – 83; Населенные места

Приморской области в 1896 году. – Никольск-Уссурийский: б. и., 1899. Приложение; Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. С. 243 – 252.

Опыт анализа административного деления области и устройства в ней крестьянского управления на протяжении второй половины XIX века показал, что территориальное деление служило в руках администрации не активным орудием, но только средством реагирования на складывающуюся ситуацию. Причины этого явления уже отмечались, их можно свести к ограниченности ресурсов и соответственно – возможностей власти в Приморской области. Более того, можно сказать, что крестьянское (и инородческое) переселение в область было одним из факторов развития и совершенствования областной и окружной администрации.

После определения волостной структуры Приморской области необходимо уточнить непосредственное местоположение волостей. Это позволит выявить природный и транспортный потенциал волостей, что создаст условия для использования волости в качестве средства анализа возможностей территорий вселения крестьян. Сложность желаемого уточнения заключается в том, что, во-первых, волости зачастую не имели официальных и чётких границ, тем более нам сейчас они неизвестны. Во-вторых, волости есть искусственные образования и включают в себя ландшафты разного типа, в результате чего в рамки одной волости могут быть собраны разнопорядковые по своим условиям местности. Таким образом приводимая ниже (табл. 2.5) раскладка отражает не столько чёткую градацию, сколько тенденцию, общее состояние, знаменатель природных условий волости в целом. Подобное агрегирование разнородных условий неудобно тем, что снимает остроту различий разных мест области, в результате чего усложняется сравнение условий волостей, которое может быть сведено к линии север – юг или побережье – континент.

При назначении индекса природного потенциала отдельных волостей можно использовать опыт оценки качеств потенциально заселяемых территорий (см. стр. 70) в плане обозначения принципов распределения территорий по категориям и назначения числа категорий. Основное правило – принцип «узкого

места»: наименьший показатель обуславливает ценность данной территории. Всего выделено четыре категории: волости с наихудшими условиями (I), волости с наилучшими условиями (III), два переходных варианта (IIa, IIb). Присвоение того или иного индекса природного потенциала зависит в целом от соотношения отдельных показателей естественных условий. Однако (и в приведённой табл. 2.6 это хорошо видно) природные условия в изучаемом регионе сочетаются так, что почти не приходят в противоречие – степень плодородия почв зависит в немалой степени от благоприятности климатических условий; степень удобства местностей для заселения также чаще всего сочетается с остальными критериями, что упрощает назначение того или иного индекса и делает этот процесс прозрачным.

Таблица 2.5. Определение географического положения волостей

категории	природные объекты	крестьянские волости
III	р. Хор	Киинская
	р. Иман, р. Бикин, р. Усури от устья Имана до устья Бикина	Лутковская, Тихоновская
	рр. Конгоуза и Шитухэ, р. Цимухе	Цимухинская
	зал. Посьет	нет
II б	р. Сучан	Сучанская
	р. Майхэ	Цимухинская
	р. Суйфун	Суйфунская, Покровская, Михайловская, Раздольнинская
	р. Амбабира	Раздольнинская
	р. Лефу, междуречье Суйфун – Лефу – Мо	Суйфунская, Борисовская, Михайловская, Осиновская, Григорьевская, Черниговская
	р. Тур	Ханкайская
	западное предгорье хр. Даубихинского	Зеньковская, Спаская
	р. Улахэ, р. Лифудзин	Ивановская
	р. Усури до устья Имана	Успенская
	Усури от устья Бикина до устья р. Хор	Киинская
	Усури от устья Хора до Амура, устье Усури и прилегающие земли по Амуру	Николо-Александровская
	устье р. Дондон – оз. Хумми	Троицкая
прот. Удыль – р. Амгунь	Больше-Михайловская	
II а	р. Монгугай, р. Сидими	Раздольнинская
	р. Сяудими	Сучанская
	р. Мо, р. Сиянхе	Ханкайская, Григорьевская
	р. Даубихе	Ивановская
	р. Сандагоу, р. Эрльдагоу	нет
	р. Кия, р. Чирка	Киинская

	окрестности оз. Петропавловского, оз. Петропавловское – оз. Синда, Синда – устье р. Дондон	Троицкая
	совр. Бельго – Софийск	Нижне-Тамбовская
	оз. Падали – р. Горин	Нижне-Тамбовская
	район устья Амура	Сергиевская
I	р. Тетюхэ, р. Лифулэ, р. Холуэ, р. Аввакумовка, зал. Ольги	Ольгинский участок
	р. Таудими	Сучанская
	междуречье Лефу– Сунгач	Черниговская. Зеньковская, Спасская
	оз. Хумми – совр. Бельго	Нижне-Тамбовская
	окрестности оз. Кизи	Мариинско-Успенская
	р. Тунгуска – оз. Падали	Тунгусская, Троицкая, Нижне-Тамбовская
	р. Горин – оз. Черемшаное	Нижне-Тамбовская
	оз. Кизи – прот. Удыль	Нижне-Тамбовская, Мариинско-Успенская
	р. Амгунь – Николаевск	Сергиевская

Осмысляя результаты проведённого сопоставления (табл. 2.6), необходимо отметить взаимную связь разнородных условий, характеризующих природный потенциал волостей: чаще всего эти условия совпадают в той или иной степени благоприятствования хлебопашеству. В итоге можно указать на близость индекса степени удобства и индекса природного потенциала для каждой волости. При этом именно показатель удобства чаще всего является тем негативным фактором, который «тянет» волость вниз, снижая общий показатель природного потенциала. Это характерно практически для всех территорий Южно-Уссурийского края. В наименее выгодной ситуации оказываются Ольгинский участок и Ивановская волость – окраинные территории, заключённые в горах и соседствующие (Ольгинский участок) с холодным морем. Наиболее выгодное положение занимает Цимухинская волость, получившая наивысший показатель природного потенциала, – южная, приморская, с относительно тёплым морем (отсутствие обильных морских туманов), спокойными реками.

Территории Северно-Уссурийского края оценены по самому высокому разряду, поскольку имеют высокие показатели по всем критериям. Примыкающие к уссурийским волостям амурские (Тунгусская и Троицкая) оценены на среднем уровне в силу благоприятных климатических и почвенных условий,

однако (как и в случае с южно-уссурийскими волостями) недостатки так сказать «условий поверхности» снижают общий показатель.

Таблица 2.6. Природный потенциал крестьянских волостей

Название волости	Спектр местностей по категориям	Климатическое положение	Почвенные условия (группа почв)	Индекс природного потенциала
<i>Нижний Амур</i>				
Сергиевская	Па, I	II-A-a	1	I
Больше-Михайловская	IIb,	II-A-a	1	I
Мариинско-Успенская	I, I	II-A-a	1	I
Нижне-Тамбовская	Па, Па, I, I, I, I	I-A-в	1, 3	I
Троицкая	IIb, Па, I	I-A-г	6	IIa
Тунгусская	I	I-A-г, I-A-e	6	IIb
<i>Северно-Уссурийский край</i>				
Николо-Александровская	IIb	I-A-e	6	III
Киинская	III, IIb, Па	I-A-e	6	III
Лутковская	III	I-A-e	6, 2, 5	III
Тихоновская	III	I-A-e	6, 2, 5	III
Успенская	IIb	I-A-e	6, 2, 5	III
<i>Южно-Уссурийский край</i>				
Ольгинский участок	I	I-A-ж, I-A-д	2	IIa
Сучанская	IIb, Па, I	I-A-ж	2, 4	IIb
Цимухинская	III, IIb	I-A-ж	4, 2, 5	III
Раздольнинская	IIb, Па	I-A-ж, I-A-e	4, 2, 5	IIb
Покровская	IIb	I-A-e	2	IIb
Михайловская	IIb, IIb	I-A-e	5	IIb
Суйфунская	IIb, IIb	I-A-e	2, 5	IIb
Борисовская	IIb	I-A-e	5	IIb
Григорьевская	IIb, Па	I-A-e	6, 5	IIb
Ханкайская	IIb, Па	I-A-e	6, 5	IIb
Осиновская	IIb	I-A-e	2, 5	IIb
Ивановская	IIb, Па	I-A-e	1, 2, 5	IIa
Черниговская	IIb, I	I-A-e	2, 6, 5	IIb
Зиньковская	IIb, I	I-A-e	6, 5	IIb
Спасская	IIb, I	I-A-e	6, 5	IIb

Примечание: Успенская волость помещена в список северно-уссурийских территорий по той причине, что она находится в Уссурийском крестьянском участке, вместе с Тихоновской и Лутковской. При этом следует помнить, что по другим параметрам она попадает в список южно-уссурийских территорий: по границам Южно-Уссурийского края и по оснащённости дорогами в 80 – 90-х гг. В пользу отнесения Успенской волости к северно-уссурийским (или собственно «уссурийским») говорит и то, что она, в отличие от своих южных соседей, лежит на берегу Усури (со всеми вытекающими отсюда последствиями), чем походит на северных, соседей.

Основной корпус амурских волостей (Нижне-Тамбовская и далее по тече-

нию реки) получает наименьший индекс из возможных в силу сочетания неблагоприятных условий практически по всем показателям. Неблагоприятный для пашенного земледелия, а кое-где и для огородничества, климат, бедные таёжные почвы, неудобные условия размещения – всё это подвигает к назначению этим территориям самого низкого индекса.

2.3. Политика водворения крестьянства

Первый, и наверное самый главный, аспект водворения – это выбор места поселения, так сказать «оседание на почву». Вопросу исследования критериев выбора характера местности для вселения посвящён один из предыдущих разделов (см. стр. 66). Народное переселение избирало места близ воды (по русской традиции это были реки¹²³), открытые, безопасные, легкодоступные. Таких мест в Приморской области было предостаточно, особенно в Уссурийском крае. Однако народное переселение в Приморскую область контролировалось государством на всех этапах и потому сам процесс миграции русских сюда вполне может быть определён как государственное переселение¹²⁴. Каким же образом государство в качестве одного из определяющих факторов переселения смотрело на проблему водворения крестьян в Приморской области и решало её?

Рассматривая политику переселения и водворения в Приморской области в XIX в., можно выделить по крайней мере три её качественных этапа: 1) этап, приходящийся на время расселения крестьян по Нижнему Амуру в связи с военной колонизацией этой реки в целом – 1855 – 1861 гг.; 2) этап, приходящийся на время расселения крестьян в Южно-Уссурийском крае в связи с присоединением приуссурийских территорий к империи и изменением нормативных условий заселения новых земель – 1861 – 1882 гг.; 3) этап, приходящийся на время массового заселения крестьянами Уссурийского края – 1883 – 1900 гг.

Первый этап связан с выходом Российской империи на Амур в середине XIX в. и ограничивается второй половиной 50-х годов: **1855 – 1861 гг.** Учитывая специфику социальных отношений в России того времени, можно считать водворение в рамках данного этапа насильственным – переводом части зависимо-

го населения из сибирских в дальневосточные земли; однако здесь имеются нюансы, о которых будет сказано ниже. Цели, которые преследовало военное начальство путём утверждения крестьян на Амуре, были следующими: а) заполнение, занятие территории как таковой; б) обеспечение поддержки сообщения вдоль Амура; в) продовольственное обеспечение войск и администрации на Амуре¹²⁵. Места для крестьянских селений, по правилам почтовой гоньбы отстоящие друг от друга на 20 – 30 в., выбирал сам Невельской¹²⁶ и покинуть стратегическое место без разрешения начальства крестьяне не имели права¹²⁷. Вместе с тем, в отличие от переселенцев последующих лет заселения, крестьяне, насильно поселяемые в указанные места получали в собственность¹²⁸ земельные наделы площадью от 21 дес. на душу¹²⁹. Следует помнить, что на Амур в данный период шли добровольцы и попадали в зависимость уже как новосёллы¹³⁰. В связи с неудобством для крестьян жизни на Амуре, многие семьи с некоторого времени начинают тайком выезжать в Амурскую область¹³¹, но с 1865 г. наблюдается и обратный переток¹³².

С начала 1859 г. действуют правила свободного и казённокоштного переселения крестьян в Приамурский край, в соответствии с которыми а) разрешалось переселение на Дальний Восток, б) желающие могли получить на месте небольшую ссуду на обзаведение хозяйством¹³³. Известно, что на казённый счёт переселения существовали до 1861 г.¹³⁴ Однако из имеющихся об этом сведений неясно, какой статус имели прибывающие в область переселенцы, поступали ли они в распоряжение администрации, или могли расселяться самостоятельно. Учитывая историю возникновения селений Софийской округи – с 1855 года ничего не изменилось.

Итак, первый этап политики заселения Приморской области характеризуется следующими чертами: добровольный выход мигрантов из мест первоначального поселения, директивное размещение крестьянских семей, собственность крестьян на землю, директивное хозяйствование переселенцев.

Второй этап относится к периоду **1861 – 1882 гг.** Это время расширения географии русского крестьянского расселения в Приморской области. Основное

отличие данного этапа от предыдущего – свободное вселение¹³⁵. Убедившись в том, что военный интерес не может служить основой размещения земледельческого населения, а также решив задачу овладения Амуром, администрация отказывается от политики навязывания мест вселения и крестьяне имеют возможность самостоятельно выбирать место жительства. Это приводит к неоднократным переездам крестьян внутри области и даже одной округи¹³⁶.

Далёкие и неудобные места нижнего течения Амура (от оз. Кизи) переселенцев не привлекали, но известным в Приморской области потенциальным районом колонизации оставался только Амур, вернее – узкая полоска земель вдоль его русла. Таким образом в начале 60-х годов открывается заселение Амура от устья Уссури и далее вниз по течению, был основан ряд селений в Софийском (позже Хабаровском) округе.

Нормативная основа второго этапа имела следующий вид. К компонентам политики вселения могут быть отнесены а) правила расселения крестьян, распределения их по селениям и б) правила наделения землёй. В соответствии с «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 года предполагалось, что указанные земли могут заселяться как отдельными семьями, так и целыми обществами¹³⁷. При этом размер обществ устанавливался не менее чем в 15 семей, норма наделения землёй – до 100 десятин на семью¹³⁸. Помимо этого, закон позволял свободный выбор мест вселения, провозглашая право пользования землёй первому, заявившему о своём желании¹³⁹. Предполагалось между арендуемыми, используемыми или приобретёнными в собственность участками оставлять свободные государственные земли¹⁴⁰. Приоритет в заселении отдавался прибрежным землям и, судя по описанию в тексте закона, Южно-Уссурийскому краю¹⁴¹. Территории в районе Уссури пользовались особыми условиями при их заселении на фоне остальных земель Приморской области. Поселенцы в Уссурийском крае имели право продажи неиспользуемой или казённой земли, а жители других районов – нет; эта льгота, однако, относилась только к обществам переселенцев и не касалась отдельных семей¹⁴². Кроме этого, отдельное хозяй-

ство обязано было освоить весь отведённый ему участок земли в пятилетний срок, в противном же случае правительство имело право его (участок) изъять у такого хозяйства¹⁴³; сия норма к целым обществам, очевидно, не относилась.

Обобщая изложенное, можно наметить следующий подход правительства к проблеме заселения Приморской области. Переселенцы (а это, без сомнения, должны быть земледельцы – в условиях России скорее всего крестьяне), свободно выбирая места вселения преимущественно в Уссурийском крае, расселяются целыми обществами (так сказать, готовыми селениями), но несмежно, получая при этом очень большие наделы земли. Те, кто желают поселиться отдельным хозяйством, хутором, не имеют права распоряжаться государственной землёй, даваемой им во временное пользование и рискуют остаться без излишков земель, не обработанных в весьма короткий срок. Те, кто желают поселиться вне Уссурийского края, лишаются возможности распоряжаться государственной землёй, даваемой им в пользование. При этом все переселенцы пользовались одинаковыми податными льготами и нормами наделения землёй¹⁴⁴. Недавно приобретённый, окраинный и пустынный, но очень важный во многих отношениях район следует заселять земледельцами в ряде несколько удалённых друг от друга (и, следовательно, занимающих большую общую площадь!) селениях.

Таким образом, можно видеть, что правила вселения в Приморскую область для земледельческого населения преследовали цель занятия как можно больших площадей. Местная администрация пошла ещё дальше центральной, превратив 100-десятичную квоту наделения землёй семей переселенцев из максимума в норму. Из литературных¹⁴⁵ и архивных¹⁴⁶ источников известно, что минимальная (душевая) норма наделения землёй составляла 15 дес., а максимальная (семейная) – 100¹⁴⁷. Думается, что отказ от минимальной нормы¹⁴⁸ имел два значения: политическое – скорейшее заполнение территорий хозяйствующим населением, процедурное – упрощение наделения землёй переселенцев и, следовательно, снижение затрат администрации на обеспечение вселения.

Если не принимать во внимание невысокий приток русских в Примор-

скую область на данном этапе, то можно сказать, что прописанная в «Правилах...» 1861 г. политика вселения вполне воплощалась в действительность.

Итак, уже отмечалось, что характерная новация политики администрации в отношении заселения Приморской области 60-х – начала 80-х гг. – отсутствие принуждения. Крестьяне продолжали селиться по Амуру, поскольку не знали сначала иной земли, но позже отмечается отток населения северных округ на юг – в более благоприятный Южно-Уссурийский округ¹⁴⁹. Разрешение крестьянам на вторичное переселение выдавалось при условии, что новым местом жительства были земли Приморской области¹⁵⁰. Тем не менее, следует отметить, что и такие свободы давались далеко не всем, поскольку власть была по-прежнему заинтересована в заселённости Амура¹⁵¹. Не имея возможности свободно покинуть берега Амура, многие крестьяне разорялись и терпели нужду в достаточно благополучные времена – 1880 г.¹⁵² Известно различие «расселенных... вдоль... берегов Амура... наиболее с целью содержания почтового сообщения» и «водворившихся по свободному выбору... в Южно Уссурийском крае», относящееся к 1870 году¹⁵³. Однако и существо «свободного выбора» становится несколько неясным, если учесть следующий комментарий Пржевальского относительно приключений переселенцев, в конце концов осевших в начале 60-х в Турьем Роге: «Эти крестьяне пришли на Амур в 1860 г. ... и были первоначально поселены на левом его берегу... Затем, когда это место оказалось негодным, потому что его заливают водой, тогда через год их перевели на правую сторону Амура; но когда и здесь разлитие реки затопило все пашни... этих крестьян поселили на северо-западном берегу оз. Ханка...»¹⁵⁴. Из того, что крестьяне-переселенцы выступают в страдательном лице вполне следует несамостоятельность их размещения, хотя имеются чёткие указания на то, что крестьянское селение Турий Рог было основано свободными переселенцами по их собственному выбору. Данная форма высказывания Пржевальского симптоматична для предыдущего этапа политики водворения. Таким образом, пережитки первого этапа вселения оставались и на втором, что можно объяснить как преимущественно военно-политическим характером колонизации Амурского края Россией во вто-

рой половине XIX в., так и малолюдьем земель Приморской области на изучаемом отрезке времени.

В рамках второго этапа вселения начинается заселение Южно-Уссурийского края. Здесь политика администрации была более мягкой: селение Турий Рог, возникшее в 1863 г, было основано крестьянами, самостоятельно испросившими разрешение на переселение и выбравшими место¹⁵⁵. На противоположном конце края в 1860 г. возникает селение Фудин, место для него также было избрано ходаками с Амура¹⁵⁶. Русское командование, заинтересованное в скорейшем заселении Южно-Уссурийского округа, не только не стесняло здешних иммигрантов, но и объявило о возможности переезда сюда семей из Амурской области при денежной поддержке властей¹⁵⁷. И это при том, что в целом на данном этапе государственная поддержка переселения не предусматривалась¹⁵⁸. В 1866 г. для поощрения переселения в Южно-Уссурийский край для данной территории были приняты «Особые правила» переселения, в соответствии с которыми новосёлы получали денежную ссуду, солдатский паёк до нового урожая, а главное – полную свободу в выборе мест для поселения¹⁵⁹. Данная норма ставит поселенцев в южном крае в особое положение и свидетельствует о поиске администрацией оптимального варианта сочетания принципов заселения приморских территорий.

В Южно-Уссурийском крае, как отмечено, переселенцы расселялись свободно – без указки администрации, – однако их выбор определяли условия среды. В 60 – 70-е гг. определяется ареал преимущественного вселения в Южно-Уссурийский край, это наиболее выгодные долины притоков Японского моря – Сучана, Майхэ, Суйфуна, а также окрестности оз. Ханка. Для данного региона эти участки являются оптимальными для целей размещения сельских хозяйств.

Второй этап политики заселения Приморской области характеризуется сменой норм и методов управления переселением и водворением; здесь уживаются как старые насильственные, так и новые либеральные меры. Обобщая – добровольный выход, насильственное и свободное размещение, для некоторых районов возможная собственность на землю, директивное и свободное хозяйст-

вование.

Третий этап, связанный с массовым вселением крестьян в Приморскую область, продолжается с **1883 по 1900 год**. Если первые этапы характеризуются так сказать «шатанием» в политике администрации в отношении свобод вселения – от полукрепостнических методов водворения до предоставления полной свободы выбора мест вселения, – то данный отрезок характеризуется «сбалансированностью» вариантов разрешения вопросов водворения крестьян. С некоторыми оговорками (которые будут представлены ниже) данный отрезок может быть назван этапом управляемого вселения. Вселение крестьян в Приморскую область и расселение по ней в 80 – 90-е гг. продолжалось на прежних принципах, заложенных «Правилами...» 26 марта 1861 г. Вместе с тем, в 1882 г. была введена норма, предусматривающая наделение переселенцев землёй, исходя из 15-десятинного душевого надела, которая однако, так и не была реализована¹⁶⁰. Это в некотором роде придаёт данному периоду специфическое свойство, остающееся в потенциале, но имеющее значение.

Практика администрирования крестьянского вселения в область на данном этапе действительно может быть определена как «управляемое вселение», поскольку именно с начала 80-х гг. (1882) существует Южно-Уссурийское переселенческое управление, активнее чем прежде проводятся землеотводные работы¹⁶¹, определяющие границы крестьянского землевладения, что требует усиления корпуса землемеров и чертёжников. Все эти институты в большей или меньшей мере обеспечивали уход за переселением и водворением крестьян, организацией условий для укоренения и развития их хозяйства. Таким образом, существуют, и вполне весомые, основания для того, чтобы период начала 80-х – конца 90-х годов был выделен в качестве самостоятельного. Несомненно своеобразное пересечение выявленных этапов как по методам, так и по принципам осуществления политики вселения: так, первым двум этапам присуща сходная политика осуществления водворения крестьян, связанная с насильственным «посажением на землю»; в то же время, второй и третий этапы близки по нормам вселения, исходя из «Положения...» 1861 г., – каждый из выделенных эта-

пов имеет собственный набор отличительных признаков.

Подход администрации к выбору мест поселения крестьянами был крайне либеральным. Один из свидетелей этого процесса, И. Надаров, пишет: «Казеннокоштным переселенцам указывались точно районы, где они могут селиться. Своекоштным – предоставлено право выбирать по собственному усмотрению места для поселения. Своекоштные переселенцы мало обращали внимания на указания властей и старожилы ... Они сами ходили на место и удостоверяться...»¹⁶². Однако в отчётах Буссе, связанных с первой партией казённокоштных переселенцев, отмечаются факты самостоятельного выбора ходаками мест поселения, колебаний нерешительного ходака Нестеренко, долгого устройства городеченского общества, разделившегося в конце концов на селения Городечня и Раковка, неоднократного переноса места Григорьевского селения¹⁶³ и т. д.

На протяжении большей части изучаемого периода для практики управления водворением крестьян характерными чертами были следующие:

а) отсутствие подробных планов местности и, соответственно, – необходимость изучения и оценки земельных угодий непосредственно в процессе размещения крестьян¹⁶⁴. Следует отметить факт разведывательных рейдов чинов Переселенческого управления для предварительной оценки потенциально заселяемых территорий¹⁶⁵. Подробная съёмка местности и формальное наделение землёй (межевание) специально уполномоченными на это чинами проходило чаще всего уже по факту вселения и оседания крестьян на территории¹⁶⁶;

б) недостаток кадров для обслуживания размещения крестьянских семейств и их хозяйств, разбирательства возникающих между переселенцами споров¹⁶⁷.

Всё это затрудняло водворение крестьян и создавало условия для претензий государства к крестьянам и противоречиям между обществами по поводу правильности размещения селений и отвода (захвата) земель. Хотя следует указать, что с точки зрения опыта управления крестьянским вселением начала XX века, условия работы переселенческих чиновников конца XIX в. и эффективность их службы расценивались удовлетворительно¹⁶⁸.

Надо отметить, что в источниках, отражающих собственно процесс вселения крестьян и момент их «распределения», нет чётких указаний на размеры вновь создаваемых обществ – количество семей, должных основать новое селение. Возможно, это связано с характером используемых в исследовании документов (главным образом это крестьянские прошения по земельным вопросам), однако в сочинениях Заведующего переселением Буссе также нет чётких указаний на цифры, имеющиеся в «Правилах...» 1861 г.

Так, наиболее точное указание встречается в постановлении комиссии (1889 г.) по определению границ наделов крестьянских обществ в составе областного землемера, секретаря Переселенческого управления и представителей окружной и волостной администрации. Эта комиссия решала вопрос о праве на существование деревни Воскресенской; факт того, что последняя располагала наделом на 50 семей, положительно решил судьбу деревни¹⁶⁹. Данное обстоятельство позволяет заключить, что такое количество семей вполне даёт селению право на существование. Далее, к моменту окончательного межевания в Воскресенке проживало 14 семей¹⁷⁰, что серьёзно сокращает масштабы селения, но вполне сопоставимо с нормами 1861 г. Более того – в момент (нелегитимного, самовольного!) основания Воскресенки там обосновалось всего 7 семей, в то время как в соседнем (легитимном) Спасском – 14¹⁷¹. Данный пример показывает, что в целом политика местной власти вполне соответствовала существующим нормам, ведь основатели и Спасского, и Воскресенского принадлежали к одной партии и одновременно направлялись в одну местность. Однако засельщики сами внесли поправки в практику водворения и раскололись на две части (обе в дальнейшем некоторое время составляли одно общество¹⁷²). Несмотря на своеволие переселенцев и нарушение ими распоряжений начальства, Воскресенка была сохранена. Из этого можно заключить: местная администрация более следовала духу, чем букве закона, поскольку дополнительной (помимо величины надела) причиной сохранения Воскресенки было стремление поддержать уже утвердившиеся хозяйства крестьян¹⁷³.

В целях прояснения общей ситуации обстоятельств возникновения кре-

стьянских селений можно привести статистику для ряда деревень в отношении количества семей-основателей (см. табл. 2.7).

Таблица 2.7. Количество семей-основателей крестьянских селений в Южно-Уссурийском крае в период 80-х годов XIX в.

Название селения	Год основания	Количество семей-основателей
Барабаш-Левада	1884	15
Смячи	1886	3
Новоселище	1884	18
Девица	1886	16
Поповка	1885	1
Григорьевка	1883	27
Новожастково	1885	39
Вознесенка	1885	23
Павловка	1883	20
Спасское	1884	40
Воскресенка	1886	11
Прохоровка	1887	13
Алтыновка	1889	5
Дмитровка	1887	20
Черниговка	1886	29
Халкедон	1889	45
Монастырище	1887	3
Воздвиженка	1883	30
Струговка	1884	15
Борисовка	1883	27
Глуховка	1885	2
Раковка	1883	28
Городечня	1883	8
Нежино	1885	7
Гордеевка	1884	13
Варваровка	1884	20
Ширяевка	1884	13
Ивановка	1883	26
Николаевка	1883	43
Даниловка	1885	12
Кремово	1885	21
Ляличи	1885	27
Попова Гора	1883	9
Новохотуничи	1886	12
Многоудобное	1884	15
Майхинское	1883	43
Речица	1884	6
Романовка	1884	11
Петровка	1884	17
Фроловка	1885	26
Новицкое	1884	18
Перетино	1884	39
Унаши	1884	31
Голубовка	1884	27
Екатериновка	1886	6
Новолитовское	1889	12

Составлено по: Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. С. 34 – 39.

Приведённый материал показывает, что в 80-е гг. среднее количество семей-основателей составляло 19 – 20, хотя при этом конкретные показатели колебались от 1 (Поповка, 1885) до 45 (Халкедон, 1889). В это же время Буссе приводит следующие цифры, которых необходимо было придерживаться переселенцам: от 10 до 25¹⁷⁴; другой источник уточняет это условие: «Переселенцам по их прибытии было предложеноделиться на общества, придерживаясь по возможности нормы в 25 семейств...»¹⁷⁵. Для оценки политики администрации, используя имеющиеся данные, можно установить количество «нелегитимных» при основании селений, то есть таких, которые были основаны менее, чем 15 семьями.

Таблица 2.8. Соотношение селений, легитимных и нелегитимных при основании

Условный статус селений	Количество селений	% селений
Легитимные селения	28	60,9
Нелегитимные селения	18	39,1
Всего	46	100

Составлено по: табл. 2.7.

Итак, если принять, что селения, основанные менее чем 15 семьями, являются по закону нелегитимными, то политику местных властей следует признать весьма либеральной: около 40% селений (см. табл. 2.8) основано крестьянами по собственной инициативе наперекор наставлениям начальства, более того – явно незаконно. То, что начальство пошло навстречу таким засельщикам (Воскресенка являет собой очень яркий пример), объяснить можно следующим образом. Во-первых, 80-е годы – время массового вселения крестьян в Приморскую область, а это значит, что даже «неукомплектованные» селения в близкой перспективе имеют возможность вобрать в себя должное количество жителей; во-вторых, как уже отмечалось, местная администрация не обладала достаточным числом кадров, а потому не могла отслеживать живой ход вселения и гибко реагировать на отклонения; в-третьих, местное начальство было заинтересовано в распространении русских по области и в этом отношении, учитывая первое из называемых обстоятельств, только выигрывало от самоуправления крестьян.

Самовольное основание заимок и целых селений было не только распро-

странённым явлением, но и признавалось администрацией, которая видела в данном случае свою задачу в том, чтобы привести такие населённые пункты в известность и (что немаловажно!) включить их жителей в систему государственных и иных повинностей¹⁷⁶.

В соответствии с правилами 1861 года население должно было распределяться по территории области с интервалами – между наделами крестьянских селений должны были оставаться свободные государственные земли. Практика же говорит о несколько ином подходе. Ф. Ф. Буссе, раскрывая должное, отмечает то, что между деревнями необходимо оставлять расстояние не менее 10 верст¹⁷⁷, что вряд ли предполагает существование между крестьянскими наделами свободных государственных земель. Этому же вторят и другие случаи – при организации крестьянского селения Спасского поселенцам дано было указание «селиться в одно месте»¹⁷⁸, т. е. компактно. Однако задача скорейшего заселения, заполнения территории осознавалась на месте не менее, чем в столице¹⁷⁹.

В этом свете особое место занимает вопрос о компактности крестьянских наделов в общих интересах заселения. Известно, в Приморской области, как и в целом на Дальнем Востоке, избалованные изобилием угодий крестьяне стремились приобрести лучшие земли, которые размещались «не сплошь», выборочно. Однако, чтобы не допустить перекося в качестве наделных земель у разных обществ, упростить очертания границ общественных крестьянских наделов и уплотнить размещение населения (в смысле его рациональной плотности), ответственные лица, занимавшиеся наделением землёй, стремились умерить аппетиты крестьян-захватчиков: «принимая во внимание что местность позволяет образование самостоятельного селения при устье Сандугана, признается целесообразным не подходить к устью реки Сандугана с Ширяевским наделом ближе семи верст...»¹⁸⁰ (из решения землеотводной комиссии).

Необходимо остановиться на нюансе подселения новоселов в уже существующие деревни. Проблема состоит в том, что перед переселенцами (и перед администрацией) стоял выбор: подселяться к уже существующим обществам (и

разрешать такое подселение) или основывать отдельные селения (и покровительствовать новым селениям). В целях скорейшего заселения пространств Южно-Уссурийского края Буссе предлагал (или рассматривал в качестве потенциального средства) наложить запрет на приселение к существующим обществам¹⁸¹. Вместе с тем по данному вопросу Крюков отмечает: «Число вновь явившихся переселенцев и количество возникших поселений не находилось между собою ни в какой связи»¹⁸².

Самый ответственный этап водворения – наделение землёй, поскольку от сбалансированного надела с правильно и справедливо определёнными границами зависело и благополучие новосёллов, и их отношения с соседями и властью – в целом же успех всеобщего процесса колонизации и освоения целого региона. Каким же образом осуществляется процесс наделения угодьями на месте, в полевых условиях? В целом можно отметить следующие узловые моменты: а) разделение территории Приморской области на две зоны заселения – Уссурийский край и остальные земли как привилегированные и стандартные территории по условиям заселения; б) приоритет массового вселения целыми обществами перед отдельными семьями; в) норма наделения землёй – до 100 десятин на семью.

По первому узловому моменту следует отметить, что такое разделение территорий области изначально преследовало цель привлечь поселенцев на вновь приобретённые земли. К началу 80-х гг. эти земли уже не были «вновь приобретёнными», но были достаточно известны, более того – они оказались по своим условиям более привлекательны в природном и более доступными в транспортном отношении, чем амурские. Соответственно, льгота на приобретение земли в Уссурийском крае теряет свою поощрительную функцию, становясь скорее приятным сюрпризом для тех, кто и на Амур-то не собирался. Однако льгота эта по причине переизбытка земель в Южно-Уссурийском крае крестьянами не использовалась¹⁸³.

Следующий из заявленных аспектов получает более широкое распространение в практике водворения крестьян. Склонность приморцев к основанию

заимок отмечается применительно к концу века, однако и выражаются обоснованные сомнения в распространённости этого явления¹⁸⁴; другой, несколько более поздний, источник наоборот отмечает «склонность» приморцев к основанию заимок¹⁸⁵, однако население этих заимок считается нестабильным¹⁸⁶. Естественно, что «общественное» расселение не было догмой – это вытекает и из «Правил...» 1861 г. Всё диктовали природные условия: земли, которые могут вместить целое селение, не должны распределяться по отдельным семьям, хуторам. Те же участки, которые в силу своей площади не могут быть использованы для размещения целого общества, могут быть отданы под хутора¹⁸⁷.

Следует указать на то, что практика заимочного расселения смогла укорениться в крестьянской среде не ранее того момента, когда доля русского населения достаточно увеличивается до того, чтобы крестьяне не боялись селиться вдалеке от массы соотечественников¹⁸⁸, а произойти это могло не ранее 70–80-х гг. Кроме того, следует учитывать и уровень административного контроля территории, а о его достаточности не стоит говорить опять-таки до рубежа 70-х и 80-х годов¹⁸⁹. То, что политика предпочтения больших групп водворяющихся перед малыми активно претворялась в жизнь доказывает тот факт, что крестьянские общества использовали довод о невозможности размещения нового селения на конкретном участке в качестве основания для претензии на этот участок¹⁹⁰.

Претворение в жизнь третьего аспекта также неоднозначно. Сама по себе стодесятинная норма посемейного наделения землёй крестьян давно стала расхожей формулой описаний и комментариев исследователей. Уже сто лет существует формула «старожила-стодесятинники», подтверждая своим существованием последовательное претворение законодательной нормы наделения землёй. Но и здесь были свои нюансы, раскрывающие суть всей истории с гигантским наделом старожилов.

В ходе затянувшегося на долгие годы земельного спора деревень Крёмовой и Осинówki надел первой был существенно понижен относительно нормы: «...в Крёмовском наделе на 43 семьи имеется 2100 дес., годных для распашки

т. е. на каждую семью более 45 дес., что вполне достаточно»¹⁹¹. Вместе с тем известно, что, например, в наделе никольского общества годных для распашки земель было до 100 дес. на семейный надел – т. е. 100%¹⁹². В данном случае всё зависело от местности, в которой размещалось селение: поскольку «удобными» землями признавались лесистые, гористые и каменистые участки, то подлинно удобной земли для пашни по оценкам современников на 100 дес. приходилось подчас 37 – 60 дес.¹⁹³ Таким образом налицо существенная разница в стартовых условиях разных селений и кроме того – вопиющий недобор земли у некоторых обществ.

При сопоставлении некоторых документов складывается представление о том, что русское крестьянство являлось одной из немногих социальных групп, которой не было необходимости доказывать своё право на землю. Так, при исполнении должностных обязанностей, землемеры в первую очередь должны были заниматься отводом именно крестьянских переселенческих земель¹⁹⁴. Кроме того, известна практика поселения русских крестьян на наделы китайцев, без законных оснований занимающих те или иные участки¹⁹⁵. Разумеется, что разработанная пашня была в чести у русских и переселенцы зачастую не отказывали себе воспользоваться этим правом при и без того достаточной площади пустующих земель. Наконец, при выяснении нюансов правил приобретения земельных угодий в собственность, приморские чиновники выдвинули версию, вытекающую из законов, сводящуюся к тому, что «эти льготы относительно приобретения в собственность участков казенной земли и получения на оныя данных касается только сельских переселенцев, т. е. сословия податнаго»¹⁹⁶. Естественно, что такое право имели не только крестьяне, однако показателен сам подход управленца к толкованию законов.

Представленная практика администрирования вселением крестьян в Приморской области указывает на сложности, которые испытывала власть, сталкиваясь со стихийной крестьянской массой, проникающей в область сначала тонкими струйками, а под конец изучаемого периода хлынувшей мощным потоком. Отказавшись от военных приёмов управления, власть была вынуждена мирить-

ся с постоянными переездами крестьян с места на место, задним числом нарезать наделы, до конца века дарить крестьянам гигантские наделы, не имея, по видимому, возможностей для управления размерами крестьянских угодий. Если 100-десятинный надел был нормой, то меньшие наделы оказывались исключением. Пожалуй, самым ярким примером (который сам по себе есть исключение) капитуляции власти перед крестьянством является чуть выше описанный случай возможности наделения крестьян монопольным правом на земельную собственность в области.

Итак, каким же образом можно охарактеризовать социетальные условия расселения русского крестьянства на юге Приморской области второй половины XIX в.? Неразвитость путей сообщения в Приморской области практически на всём протяжении изучаемого периода сказалась на географии крестьянского расселения. Учитывая речное сообщение, в качестве потенциальных мест заселения можно указать на окрестности судоходных рек и озёр – Амура, Уссури, Ханки. В силу неразвитости прибрежного морского судоходства и непопулярности его у крестьян, морское побережье из списка потенциально заселяемых территорий можно исключить. В течение XIX в. сухопутные дороги существовали только в Южно-Уссурийском крае, что делает его внутренние районы относительно легкодоступными для заселения, строительство же Уссурийской железной дороги в конце века открыло простой доступ к землям, лежащим по Уссури. Таким образом, среди транспортно доступных территорий можно видеть уже зарекомендовавшие себя районы: южный, приуссурийский, амурский.

Обобщение административного деления юга Приморской области приводит к следующим выводам: изменения в административно-территориальном делении области преследовали цель более полного контроля территории, что, однако, должно сказываться и на крестьянах, поскольку рост числа административных единиц (и, соответственно, их плотности) приводит к приближению администрации к населению, более плотному (и эффективному) контакту. Особенно это касается роста числа крестьянских волостей и возникновения института крестьянских начальников, стоявших во главе крестьянских участков. Из-

менения во взгляде на особенности и возможности территорий говорят о росте информированности о хозяйственном потенциале области со стороны власти и населения. Это, по идее, должно сопровождаться формулированием более внятного отношения власти к территории, более прозрачной и адекватной политики в отношении Приморской области и её крестьянского населения. Однако этот вопрос далеко выходит за пределы настоящего исследования.

Характеризуя опыт управления крестьянским населением, следует отметить, что местная администрация, выделив институт переселенческого управления и имея сельское управление, уже не вникало в суть вопросов, связанных с жизнью крестьянства. Начальник переселенческого управления, а затем и крестьянский начальник, со стороны администрации, со стороны власти представляли перед ней интересы крестьян. Имея весьма широкие и расплывчатые функции, они курировал крестьян, процесс их утверждения на новом месте. По определению в функции заведующего переселением не входило дальнейшее (после водворения) «ведение» крестьян, поэтому, когда последних стало достаточно много (настолько, что одному чиновнику справиться было однозначно не под силу), должность начальника переселения была расширена до крестьянского начальника, с большей сферой ответственности. Вся территория крестьянского заселения была поделена на участки крестьянских начальников, или крестьянские участки. Сельское управление формировалось на прямые средства членов общины и при их непосредственном участии. Функции этого института носили административный характер – подати и суд¹⁹⁷. Это для хозяйственной адаптации имело косвенное значение, тем более что земельный вопрос был часто фактически вне общинного ведома.

В области взаимодействия власти и переселенцев очевиден приоритет политических целей не только на начальном этапе занятия русскими территорий области, но и на следующих. Более того, многие меры только политическими мотивами и можно объяснить – например, льготы на приобретение в собственность земель только по Уссури или стодесятинный надел: собственно экономический смысл этих норм отсутствует, поскольку такое количество земли крестья-

янские хозяйства не могли освоить в близкой перспективе. Как это обычно бывает, практика оказывается гораздо шире и богаче теории. Именно это можно наблюдать в вопросе управления вселением в Приморскую область во второй половине XIX в.

Обобщая, следует отметить постепенное совершенствование социальных условий вселения русского крестьянства на всём протяжении изучаемого периода. К сожалению, указанное совершенствование не успевало за крестьянством: географией и плотностью его размещения, интересами старожилов и новосёллов. Крестьянство в своих интересах всегда опережает ситуацию, а потому находится в неблагоприятных условиях – в данном случае транспортных и административных.

В заключение к данному разделу необходимо сделать одно замечание методологического свойства. Результаты исследования вопросов, связанных с транспортным обеспечением и, особенно, с политикой администрации в отношении крестьян в отличие от результатов разработок в рамках предыдущего «естественного» раздела не были формализованы, переведены в числовое значение. Это обстоятельство усложняет дальнейший анализ ситуации и делает общий синтез неочевидным. Вместе с тем, оно обусловлено природой политического фактора. Основное требование, прилагаемое к формализуемым показателям, есть пространственная изменчивость, дискретность в пространстве. Этим качеством политический фактор обладает, но в малой степени: базовым уровнем данного исследования является волостной, в то время как **уровень пространственной дискретности политики местной администрации есть не ниже, чем краевой (или окружной)**, – административный фактор по своему масштабу не сопоставим с критериями исследования. Кроме того, **выявленные варианты политики очень немногочисленны, их всего два: политика насаждения и политика управления**. Такое малое количество вариантов не нуждается в дополнительной обработке в силу простоты и наглядности получаемых вариантов. В силу указанных обстоятельств административный фактор будет присутствовать в исследовании в «нарративной» форме и использоваться в це-

ЛЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОЛЬКО НА СВОЁМ, КРАЕВОМ / ОКРУЖНОМ, УРОВНЕ.

- ¹ Например: Меньшиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (текст). – Саратов, 1912. С. XXX; Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1997. С. 354; Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. – М.: Наука, 1990. С. 46.
- ² Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае // Библиотека для чтения. – 1869. – Т. VIII – XII, в одной книжке. С. 65 – 129. С. 66.
- ³ Там же. С. 109; Крестьянство дальнего Востока СССР XIX– XX вв.: Очерки истории / Под ред. А. И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. С. 35.
- ⁴ Галлямова Л. И., Ковальчук М. А. Транспортное освоение Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма / Под ред. акад. А. И. Крушанова. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 115.
- ⁵ Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. – СПб.: б. и., 1900. С. 228.
- ⁶ РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 594. л. 200.
- ⁷ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 230.
- ⁸ Крюков Н. А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области. СПб.: б. и., 1893. С. 44.
- ⁹ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 230.
- ¹⁰ Галлямова Л. И. Транспортное освоение Дальнего Востока... С. 120.
- ¹¹ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 230.
- ¹² Баранов Е. А. На реке Амуре // Русская старина. – 1891. – №8. – С. 345.
- ¹³ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. С. 66.
- ¹⁴ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 229.
- ¹⁵ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 70.
- ¹⁶ Там же. С. 65.
- ¹⁷ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 230.
- ¹⁸ РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 215. Л. 172 – 172 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 227. Л. 33.
- ²⁰ Там же. Д. 31. Л. 4 об.
- ²¹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 104 – 105.
- ²² РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 – 12.
- ²³ Там же. Л. 3 об. – 4.
- ²⁴ Там же. Д. 215. Л. 172.
- ²⁵ Галлямова Л. И. Транспортное освоение Дальнего Востока... С. 112.
- ²⁶ Там же. С. 113 – 115. Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 229.
- ²⁷ Там же. С. 230 – 231.
- ²⁸ Галлямова Л. И. Транспортное освоение Дальнего Востока... С. 113 – 114.
- ²⁹ Забугин Н. П. О судоходстве на русском Дальнем Востоке. – СПб.: б. и., 1896. С. 112 – 113.
- ³⁰ Там же. С. 115 – 116.
- ³¹ РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 20– 20 об.
- ³² Обзор Приморской области за 1892 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту. Владивосток: б. и., 1893. С. 35.
- ³³ Обзор ... за 1890 год. Владивосток: б. и., 1891. С. 18.
- ³⁴ Обзор ... за 1893 год. Владивосток: б. и., 1894. С. 30.
- ³⁵ Обзор ... за 1894 год. Владивосток: б. и., 1895. С. 40; Обзор ... за 1895 год. Владивосток: б. и., 1896. С. 44; Обзор ... за 1896 год. Владивосток: б. и., 1897. С. 34; Обзор ... за 1898 год. Владивосток: б. и., 1899. С. 42.
- ³⁶ Обзор ... за 1899 год. Владивосток: б. и., 1901. С. 77.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Обзор ... за 1900 год. Владивосток: б. и., 1903. С. 38.
- ³⁹ Доклад экспедиции, командированной в мае – августе 1910 года Управлением Китайской Восточной железной дороги для экономического обследования района Уссурийской железной дороги. – Харбин: б. и., 1911. С. 45.
- ⁴⁰ ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 24 – 25 об.
- ⁴¹ Например, Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах / Ф. Ф. Буссе. – СПб.: б. и., 1896; Карта Южно-Уссурийского и Хабаровского округов и территории Уссурийского Казачьего войска. Составлена чинами Уссурийской партии в 1901 году. Научно-вспомогательный фонд Приморского краевого объединенного музея ми В. К. Арсеньева.
- ⁴² Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край... С. 3 – 4; Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. – Владивосток: б. и., 1884. С. 7.
- ⁴³ Например, дер. Капитоновка Киинской волости, 1901 г.: ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 169.

- ⁴⁴ Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858 – 1917 гг.) // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XV. – Владивосток: ДВКИ, 1966. С. 68.
- ⁴⁵ Максимов А. Уссурийский край. Очерки и заметки // Русский Вестник. – 1888. – №8 (197). С. 270.
- ⁴⁶ Обзор ... за 1894 год. Владивосток: б. и., 1895. С. 39.
- ⁴⁷ Обзор ... за 1898 год. Владивосток: б. и., 1899. С. 39.
- ⁴⁸ План Приморской области, Южно-Уссурийского округа, Верхне-Уссурийского участка, обмежеванной дачи из Государственных пустопорожных земель предварительным порядком в пользование крестьян деревни Кремовой. Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.
- ⁴⁹ План Приморской области Южно-Уссурийского округа Верхне-Уссурийского участка, дачи отведенной в пользование крестьян селения Осиновки (Петропавловское тож). Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.
- ⁵⁰ РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 33.
- ⁵¹ Там же. Л. 40.
- ⁵² Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока (конец XVI в. – 1917 г.) // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 1999. С. 17.
- ⁵³ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 1.
- ⁵⁴ Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока... С. 17.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 266.
- ⁵⁷ Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока... С. 17.
- ⁵⁸ Схема административно-территориального деления Восточной Сибири за 1822 – 1884 гг. Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.
- ⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 44 об. – 45.
- ⁶⁰ Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. С. 160.
- ⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 41.
- ⁶² Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока... С. 18.
- ⁶³ Схема административно-территориального деления Восточной Сибири за 1822 – 1884 гг.
- ⁶⁴ Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока... С. 17.
- ⁶⁵ Это демографическое состояние округов обозначилось ещё в 60-х гг. См.: Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). С. 81.
- ⁶⁶ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 265.
- ⁶⁷ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. С. 380.
- ⁶⁸ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. С. 134.
- ⁶⁹ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 7; Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. С. 380.
- ⁷⁰ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 7 – 8.
- ⁷¹ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. С. 506.
- ⁷² Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока... С. 18.
- ⁷³ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 53.
- ⁷⁴ Список чиновников канцелярии Приамурского генерал-губернатора // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 1999. С. 180. В доступных источниках и исследованиях на эту тему прямых указаний на количество участков не обнаружено, однако, судя по косвенным данным, в 1889 г. их было два: Первый и Второй (См.: Населенные места Приморской области в 1896 году. – Никольск-Уссурийский: б. и., 1899. С. 34, 37.).
- ⁷⁵ Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока... С. 18.
- ⁷⁶ Список чиновников канцелярии Приамурского генерал-губернатора. С. 158.
- ⁷⁷ Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1989. С. 9; Кабузан В. М. Дальневосточный край. С. 98.
- ⁷⁸ Посчитано по: РГИА ДВ. Ф. 1, оп 1. Д. 320. Л. 203 об.
- ⁷⁹ По: РГИА ДВ. Ф. 1, оп 1. Д. 745. Л. 98.
- ⁸⁰ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 39.
- ⁸¹ По: РГИА ДВ. Ф. 1, оп 1. Д. 1485. Л. 4 – 11.
- ⁸² По: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVI. Приморская область. Тетрадь I / Под ред. Н. А. Троицкого. – Б. м., б. и., 1899. С. 40.
- ⁸³ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная история. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с. – С. 32.
- ⁸⁴ РГИА ДВ. Ф. 1, оп 1. Д. 42. Л. 44 – 44 об.

- ⁸⁵ Там же. Л. 125.
- ⁸⁶ Там же. Л. 89.
- ⁸⁷ Там же. Л. 123.
- ⁸⁸ Там же. Л. 88.
- ⁸⁹ Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 1999. С. 24.
- ⁹⁰ См.: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 3. Л. 31 – 31 об. Кроме того, такая трактовка допустима в силу автономности отдельных сельских общин в России того времени, см.: Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 208 с. С. 12.
- ⁹¹ Там же. С. 44.
- ⁹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 3. Л. 360; Сборник официальных документов по управлению Восточную Сибирью. Том VI. Преобразование общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири. Выпуск I. – Иркутск: б. и., 1883. С. 37.
- ⁹³ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 134.
- ⁹⁴ Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях / В. А. Закревский. – СПб., 1911. Приложение, с. 96 – 103.
- ⁹⁵ Кабузан В. М. Дальневосточный край. С. 251 – 252.
- ⁹⁶ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 134.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1990. С. 240 – 241.
- ⁹⁹ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 57.
- ¹⁰⁰ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. С. 380.
- ¹⁰¹ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 57.
- ¹⁰² Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 274.
- ¹⁰³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 3. Л. 84 – 84 об.
- ¹⁰⁴ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. С. 232.
- ¹⁰⁵ Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. С. 67 – 68.
- ¹⁰⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 3. Л. 59.
- ¹⁰⁷ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 125.
- ¹⁰⁸ Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело. С. 68.
- ¹⁰⁹ Карта Южно-Уссурийского и Хабаровского округов и территории Уссурийского Казачьего войска. Составлена чинами Уссурийской партии в 1901 году. Научно-вспомогательный фонд Приморского краевого объединенного музея им. В. К. Арсеньева.
- ¹¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Л. 71 об. – 71а.
- ¹¹¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 68, 71.
- ¹¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Л. 1, 2.
- ¹¹³ Там же. Л. 67 об – 68 об.
- ¹¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1571. Л. 71.
- ¹¹⁵ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 134.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же. С. 134.
- ¹¹⁸ Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством... Приложение, с. 96 – 98.
- ¹¹⁹ Там же. С. 100 – 102.
- ¹²⁰ Карта Южно-Уссурийского и Хабаровского округов... .
- ¹²¹ Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством... Приложение, с. 90.
- ¹²² Крюков Н. А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области. СПб.: б. и., 1893. Приложение, с. 12.
- ¹²³ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. – М.: Мысль, 1993. С. 50.
- ¹²⁴ Дегтярёв А. Я. И др. Академик М. К. Любавский и его наследие // Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А. Я. Дегтярёв. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 47.
- ¹²⁵ Меньшиков А. Очерк заселения низового Амура // Журнал предварительного междведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. Б. м. Б. г. Приложение №3. С. 1.
- ¹²⁶ Там же. С. 5.
- ¹²⁷ Аргудяева Ю. В. Переселение русских крестьян в Приамурье (50 – 60-е гг. XIX в.) // Первые Муравьевские чтения. – Владивосток: б. и., 1999. С. 36 – 37.
- ¹²⁸ Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. / Под ред. П. П. Семенова. – СПб.: б. и., 1894. С. 415.
- ¹²⁹ Там же. С. 421.
- ¹³⁰ Буссе Ф. Ф. Переселение морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. С. 109.
- ¹³¹ Там же. С. 25.
- ¹³² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 118 об.

- ¹³³ Кабузан В. М. Дальневосточный край. С. 59 – 60.
- ¹³⁴ Там же. С. 60.
- ¹³⁵ Есть иной взгляд на периодизацию вольного вселения – принудительное переселение продолжается до 1878 г.: Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858 – 1917 гг.) // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XV. – Владивосток: ДВКИ, 1966. С. 64.
- ¹³⁶ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 115 об., 118 – 118 об.
- ¹³⁷ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. VIII. Ч. II-я. – Иркутск: б. и., 1884. С. 192.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же. С. 195.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Там же. С. 196.
- ¹⁴² Там же. С. 193 – 194.
- ¹⁴³ Там же. С. 194.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 192 – 193.
- ¹⁴⁵ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Л. 8.
- ¹⁴⁷ Существовали и расчётные данные, по которым посемейная норма наделения землёй колебалась от 63 до 106 дес. См.: Надаров И. Второй Хабаровский съезд 1886 года. – Владивосток: б. и., 1886. С. 31.
- ¹⁴⁸ Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. – М.: б. и., 1896. С. 12 – 13.
- ¹⁴⁹ Меньщиков А. Указ. соч. С. 2.
- ¹⁵⁰ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 87.
- ¹⁵² Там же. Д. 745. Л. 227 – 227 об.
- ¹⁵³ Там же. Д. 320. Л. 187 – 187 об.
- ¹⁵⁴ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. С. 91.
- ¹⁵⁵ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁵⁶ Меньщиков А. А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятичники. Том IV. (Описание селений). – Саратов: б. и., 1912. С. 533.
- ¹⁵⁷ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁵⁸ Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 23.
- ¹⁵⁹ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. С. 32.
- ¹⁶⁰ Меньщиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятичники. Том III (текст). С. 79.
- ¹⁶¹ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. С. 42.
- ¹⁶² Надаров Ив. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. IV, вып. IV. – Хабаровск, 1898. С. 39 – 71. С. 63 – 64.
- ¹⁶³ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Том II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. III. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край и устройстве там 1^й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1882 году. – Иркутск: б. и., 1884. С. 58 – 59, 117, 219, 318.
- ¹⁶⁴ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 857. Л. 72 – 91 об.
- ¹⁶⁶ См. например: Там же. Л. 87; Там же. Д. 637. Л. 22 об – 23; ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 4А. Л. 2.
- ¹⁶⁷ Там же. Д. 3. Л. 11 – 12.
- ¹⁶⁸ Михайлов Г. Существующая организация надзора за переселенческим делом в Уссурийском крае и желательныя в ней изменения // Труды IV Хабаровского съезда / Под ред. Н. В. Слюнина. Хабаровск: б. и., 1903. Доклады и материалы. С. 100 – 101.
- ¹⁶⁹ Там же. Л. 27.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 14.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 44.
- ¹⁷² Там же. Л. 9.
- ¹⁷³ Там же. Л. 27.
- ¹⁷⁴ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁷⁵ Крюков Н. А. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁷⁶ ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1.. Д. 1. Л. 3 об.; там же. Д. 2. Л. 96 об. – 97.
- ¹⁷⁷ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁷⁸ ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 3. Л. 18 об.

- ¹⁷⁹ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁸⁰ ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный), по. 1. Д. 2. Л. 7.
- ¹⁸¹ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁸² Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 112.
- ¹⁸³ Там же. С. 133, 136 – 140.
- ¹⁸⁴ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁸⁵ Населённые места Приморской области в 1896 году. С. 21.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 22.
- ¹⁸⁷ См. например: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 857. Л. 84.
- ¹⁸⁸ Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. С. 21. Кроме того, в литературе описан случай крестьянской семьи Худяковых, строившей настоящие укрепления против хунхузов на своих заимках, располагавшихся в бассейне нижнего течения р. Суйфун. См.: Stephan J. J. The Russian Far East. A History. – Stanford: Stanford University Press, 1994. Pp. 64 – 65.
- ¹⁸⁹ Шелудько В. О. и др. Органы внутренних дел Приморья (1860 – 1917 годы). – Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 40.
- ¹⁹⁰ ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 3. Л. 48 – 48 об.
- ¹⁹¹ Там же. Д. 2. Л. 71 об.
- ¹⁹² Крюков Н. А. Указ. соч. С 6 – 7, 13.
- ¹⁹³ Любатович Б. С. Посьетский район // Из истории сёл Посьетского района: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2004. С. 53.
- ¹⁹⁴ ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 2. Л. 11; д. 3. Л. 37.
- ¹⁹⁵ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С34.
- ¹⁹⁶ РГИА ДВ. Ф. 1.. Оп. 4. Д. 1083. Л. 20 – 20 об.
- ¹⁹⁷ Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. С. 69 – 71.

Глава 3. Расселение и водворение русского крестьянства в Приморской области второй половины XIX в.

3.1. Периодизация расселения

Колонизация Приамурья Россией в XIX веке протекала в сложных внутренних и внешних условиях: периодически правительство обращало своё внимание на состояние дел в далёкой окраине империи, но эти периоды перемежались временем своеобразного «затишья» столичного интереса¹. Также и расселение крестьян, завися, в силу экстремальной удалённости от центра России, от отношения власти к Дальнему Востоку, имеет дифференцированную историю, распадающуюся на периоды и этапы. В рамках данного исследования периодизация расселения играет и самостоятельную, и подчинённую роль. Во-первых, периодизация исторического процесса как таковая имеет собственную ценность, раскрывая особенности протекания расселения во времени. Во-вторых, периодизация есть инструмент исследования, позволяющий с большей точностью оценить расселение в контексте поставленных задач. В предыдущих разделах диссертации была продемонстрирована пространственная неоднородность и даже сложность юга Приморской области: таким образом было описано «место» расселения крестьян. Периодизация – попытка описать «время» крестьянского расселения, учитывая имеющееся знание о природных и социальных условиях крестьянского расселения в Приморье.

Изначальная основа распределения лет по периодам – визуальная оценка интенсивности возникновения крестьянских селений (см. диаграмму на рис. III.1). Возникает вопрос: на каких основаниях критерий возникновения новых поселений может служить надёжным индикатором процесса вселения, ведь множество переселенцев приписывались к уже существующим селениям? Показатель образования новых селений важен тем, что он демонстрирует собственно занятие территории. Не отрицая факта важности учёта приселения к существующим обществам как показателя заселения области, отмечу, что расчёт душевого распределения населения всех крестьянских сёл и деревень на протя-

жении всего изучаемого периода – задача маловыполнимая в силу состояния источниковой базы. Что касается показательности возникновения селений, то в пользу такого подхода говорит следующее: по свидетельству Ф. Ф. Буссе, администрация стремилась к тому, чтобы размер крестьянских селений не превышал 25 дворов². Кроме того, можно полагать, что стодесятинный надел, положенный семье переселенцев, превратившийся из максимального в стандартный³, также служил определённым целям местных властей.

Суть очерченной политики сводилась к тому, чтобы расселить русских достаточно крупными селениями на наибольшей площади в противовес широко распространяющимся по области китайцам и другим инородцам. Таким образом, переселенцы, прибывая в область, не скапливались в одном месте, но расселялись по просторам пустынного края. Это не исключает концентрацию русского населения в некоторых частях области, но важно то, что крестьяне распределялись по селениям более равномерно, чем, возможно, в условиях совершенно стихийного переселения и вселения.

Итак, периодизация процесса расселения крестьян в южной части Приморской области выглядит следующим образом:

- заселение преимущественно северных районов, связанное с проникновением русских на Амур, 1855 – 1867 гг.;
- спад вселения, связанный с существенным сокращением притока переселенцев, 1868 – 1882 гг.;
- массовое заселение преимущественно южных районов, связанное с морским переселением, 1883 – 1897 гг.;
- массовое заселение Северо-Уссурийского края, связанное с завершением строительства Уссурийской железной дороги, 1898 – 1900 гг.

Выявленные этапы можно сгруппировать в два периода – начального (1855 – 1882 гг.) и массового (1883 – 1900 гг.) заселения. Основное содержание периода начального заселения состоит в занятии пространства, очерчивании границ русской крестьянской колонизации. Содержание второго периода – заполнение пространства, расселение по области. Хронологическая граница меж-

ду периодами, 1882 – 1883 гг., стандартна для периодизации истории Дальнего Востока в целом. Особо следует остановиться на границах между периодами в рамках этапов.

Границей первого и второго этапов избраны 1867 и 1868 гг. Дело в том, что на 1867 г. приходится последнее основание нескольких селений, начиная со следующего года больше, чем одним селением в год Приморская область не прирастала. 1867 г. последний, когда были основаны селения на Амуре, ещё три деревни по Амуру в пределах Приморской области будут основаны только через 30 лет и то вблизи устья Усури – в окрестностях Хабаровки. Таким образом, первый этап является временем занятия русскими крестьянами долины Нижнего Амура, это одна из специфических черт данного этапа. Начиная со следующего, 1868, года селения основываются только в Южно-Уссурийском крае и длится это до начала 90-х гг. Наконец, 1868 г. – последний за десятилетие, когда селения основываются ежегодно, что также служит, хотя и косвенно, в пользу выявленных хронологических границ внутри первого периода⁴.

Границей третьего и четвёртого этапов были избраны 1897 и 1898 гг.⁵ Суть подхода состоит в том, что, как показало подробное рассмотрение, заселение Северно-Уссурийского края начинается всерьёз только с вводом в строй всей длины Уссурийской железной дороги в 1897 г. Северно-Уссурийский край начинает обживаться крестьянами ещё с начала 90-х гг., однако происходит это только в районах, примыкающих к Южно-Уссурийскому краю, достаточно обеспеченному дорогами. Подлинное заселение долины среднего и нижнего течения Усури начинается с последних лет XIX в., в связи, как отмечалось, с постройкой железной дороги. Наконец, немаловажен скачок в количестве новых селений, возникающих, начиная с 1898 г., существенно превосходящий показатели предшествующих лет.

Подводя итоги первого периода заселения (см. табл. 3.1), можно отметить примерно одинаковое количество крестьянских селений в каждом из заселяемых регионов при том, что они имеют существенные отличия в условиях заселения и проживания. Такое совпадение количества селений может показаться

неслучайным, и в этом видится рука администрации, хотя ни прямых, ни косвенных свидетельств этого не обнаружено. Вместе с тем следует помнить о существенной разнице в площадях рассматриваемых районов⁶, а это заметно меняет «расстановку сил».

Таблица 3.1. Интенсивность процесса заселения.

Этап / Период	Лет	Количество основанных селений				
		Всего	Николаевская/ Удская округа	Софийская/ Ха- баровская округа по Амуру ⁷	Северно- Уссурийский край и район Хабаровки ⁶	Южно- Уссурийский край
I	13	55	21	19	1	14
II	15	8	0	0	0	8
I	28	63	21	19	1	22
III	15	97	1	1	12	83
IV	3	65	0	0	35	30
II	18	162	1	1	47	113
Всего	46	225	22	20	48	135

Составлено по: Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк – М.: Наука, 1985. С. 243 – 254.

В рамках первого этапа преимущественному заселению подлежат амурские территории, что связано с «информационной обеспеченностью» этих мест, в силу чего и администрация, и переселенцы ориентированы именно сюда. Характерно, что заселению сначала подвергались места, прилежащие к устью Амура, в чём видится именно политический, если не сказать военно-стратегический, расчёт властей. После занятия устья Амура ставится задача контроля его течения, что и претворяется в начале 60-х гг.: заселяются внутренние амурские территории. Второй период являет господство южного направления крестьянского заселения Приморской области. Это связано со своеобразным «информационным прорывом» в отношении Южно-Уссурийского края: здешние природные условия, более благоприятные, чем амурские, притягивают к себе большую часть переселенцев⁸. Именно поэтому на Амуре в рамках данного этапа не было основано ни одного крестьянского селения.

Первое, что можно отметить при обзоре результатов второго периода – отсутствие новых селений в Амурском крае. Вероятно, это связано с продолжением тенденции второго этапа заселения, связанной со сравнительным неудобством поселения на Амуре в сопоставлении с более южными территориями.

Можно сказать, что конец XIX в. – это время заселения Уссурийского края, сначала преимущественно его южной части, а впоследствии – и северной. Собственно, именно по линии «преимущественное заселение юга – преимущественное заселение севера» и проходит разграничение периодов внутри второго периода. Тем не менее, следует отметить, что южная окраина области – Южно-Уссурийский край – это единственный район, постоянно пополнявшийся достаточно крупными группами переселенцев: настолько, что здесь регулярно возникали новые селения. Это можно объяснить с одной стороны выгодными климатическими условиями, а с другой – удобством географического, или лучше сказать территориального, положения, легкодоступностью. Для большей наглядности распределения селений по этапам и регионам материал табл. 3.1 рассчитан в процентах и помещён в табл. 3.2.

Таблица 3.2. Интенсивность процесса заселения, %.

Этап / Период	Лет	Количество основанных селений				
		Всего	Николаевская/ Удская округа	Софийская/ Хабаровская округа по Амуру	Северно- Уссурийский край и район Хабаровки	Южно- Уссурийский край
I	28,3	24,4	9,4	8,4	0,4	6,2
II	32,6	3,6	0	0	0	3,6
I	60,9	28	9,4	8,4	0,4	9,8
III	32,6	43,1	0,4	0,4	5,3	37
IV	6,5	28,9	0	0	15,6	13,3
II	39,1	72	0,4	0,4	20,9	50,3
Всего	100	100	9,8	8,8	21,3	60,1

Составлено по: табл. 3.1.

Как видно из табл. 3.2, на Южно-Уссурийский край приходится чуть менее двух третей крестьянских селений, причём на второй период заселения приходится больше половины всех основанных в изучаемый период селений. С серьёзным отрывом на втором месте находится Северно-Уссурийский край, который имеет лидерство в последнем периоде заселения. Это можно объяснить (имея ввиду и другие, уже отчасти упоминавшиеся в разных местах данной работы, причины) незаселённостью, пустынной среднеуссурийских территорий, что имеет немаловажное значение для оценки темпов первоначального заселения и обустройства здесь хозяйства⁹. Малопривлекательные для крестьян

на фоне юга амурские территории остаются полупустынными на всём протяжении изучаемого периода.

Обобщая материалы приведённых таблиц, можно заключить, что в Приморской области в пределах XIX в. система крестьянского расселения на Амуре уже сложилась в рамках первого периода заселения и более не изменялась. Сложение системы крестьянского расселения в Уссурийском крае, в рамках изучаемого отрезка времени, относится ко второму периоду – определяется география размещения сёл и деревень. Если Южно-Уссурийский край был уже достаточно широко заселён в рамках третьего этапа и именно на него приходится закладка структуры крестьянского расселения, то Северно-Уссурийский край даже к концу XIX в. оставался страной малонаселённой, с прерывистой цепочкой крестьянских селений по правому берегу Усури. Этим данный район напоминал амурский край, однако учитывая высокий потенциал вселения уссурийских территорий, можно полагать, что крестьянское заселение этих мест продолжится и в XX в.

Дальнейший шаг исследования – выявление интенсивности процесса заселения через скорость образования селений в заданный отрезок времени – один год, см. табл. 3.3.

Таблица 3.3. Интенсивность процесса заселения, (селений в год).

Этап / Период	Лет	Основано селений в год				
		Всего	Николаевская/ Удская округа	Софийская/ Хабаровская округа по Амуру	Северно- Уссурийский край и район Хабаровки	Южно- Уссурийский край
I	13	4,23	1,61	1,46	0,07	1,07
II	15	0,53	0	0	0	0,53
I	28	2,25	0,75	0,67	0,03	0,78
III	15	6,47	0,07	0,07	0,80	5,53
IV	3	21,66	0	0	11,67	10
II	18	9	0,05	0,05	2,61	6,27
Всего	46	4,90	0,47	0,43	1,04	2,93

Составлено по: табл. 3.1.

Табл. 3.3 представляет материал в преобразованной форме и ориентирована на выявление соотношения динамики образования крестьянских селений от периода к периоду и от района к району. Характеризуя хронологическую

сторону процесса, следует отметить более чем трёхкратное превосходство интенсивности заселения в рамках второго периода над первым. Это без затруднений можно объяснить использованием новых видов транспорта для доставки переселенцев в область и расселения их по землям отдельных округов и волостей. Точно так же можно объяснить и более чем трёхкратную разницу в показателях третьего и четвёртого этапов: сравнительная эффективность железной дороги и просёлочных дорог в излишних комментариях не нуждается. Сравнивая показатели первого и второго этапов, необходимо помнить о колебаниях в притоке переселенцев в область в годы, относящиеся к обсуждаемым отрезкам времени.

Обращаясь к территориально-хронологической составляющей анализа, можно сделать следующие наблюдения. Привлекает внимание факт преимущественного заселения уссурийских территорий и главным образом в рамках второго периода (особенно – четвёртого этапа). Заселение амурских территорий приходится на первый период и только, объяснить это можно, во-первых, порядком проникновения русских на территории будущей Приморской области – Амур, раньше, чем Уссури присоединённый к России, раньше и подвергся заселению, во-вторых, соображениями военной и административной необходимости – даже после присоединения Уссурийского края администрация некоторое время предпочитала укреплять коммуникации именно на Амуре, поскольку последний рассматривался как более потенциальный объект в политическом и экономическом отношениях¹⁰.

Кризис заселения Амура на протяжении последующих периодов также связан не менее чем с двумя причинами; первая из них – природно-географическая, а именно климатическая суровость края, бедность почв и критически малое количество удобных для распашки мест; вторую причину можно обозначить как «бюрократическую» – большинство новооснованных крестьянских поселений на Амуре (главным образом) в 50-е гг. не удовлетворяли переселенцев, поскольку выбор мест производился чиновниками, – гражданскими, а чаще военными – которые имели ввиду только интересы сообщения на Амуре,

интересы крестьян в их планы не входили. Естественно, что неудобное расположение селений – вдали от угодий, на затапливаемых местах и т. д. не могло привлечь новых засельщиков и вообще создавало неблагоприятный образ территории. Для амурских территорий характерна близость показателей интенсивности заселения – 1,61 для Николаевской округи и 1,46 для Софийской; при этом перевес Николаевской округи можно (и нужно) объяснять её «столичностью» – как известно, местности по Амуру, прилегающие к Николаевску, подлежали заселению в первую очередь¹¹.

Отсутствие крестьянских селений в Северно-Уссурийском крае на протяжении первого этапа заселения можно объяснить его удалённостью от основных магистралей переселенцев – Амура и Японского моря, но главным образом – в незаинтересованности администрации в крестьянском заселении этих мест, отведённых казакам. В связи с уплотнением населения соседнего Южно-Уссурийского, прокладки в нём колёсных дорог возникают возможности для заселения южных окраин Северно-Уссурийского края, соседствующих с Южно-Уссурийским. При этом следует отметить близость показателей интенсивности заселения Северно-Уссурийского края для третьего периода и показателей Южно-Уссурийского края для первого и второго этапов – 0,75, 0,67 и 0,78 соответственно. Такую близость показателей можно объяснить сходством условий первоначального заселения: неразвитостью коммуникаций, отсутствием живой заинтересованности администрации (но при её стандартной поддержке), стихийностью продвижения крестьян на новые территории из собственных соображений. Наконец, последний этап заселения Северно-Уссурийского края даёт феноменальный показатель интенсивности – 11,67, что связано как с существованием удобного пути – железной дороги, так и с выгодными природными условиями, а также с пустынным характером территории – в том смысле, что начальный рост кажется очень интенсивным, поскольку отсчёт начинается от малых величин.

Наиболее представителен в отношении как сроков, так и интенсивности заселения Южно-Уссурийский край. Это можно объяснить его выгодным поло-

жением в климатическом и территориальном отношении, а также вниманием администрации к судьбам его населения с некоторых времён. Как отмечалось выше в связи с заселением Северо-Уссурийского края (III этап), интенсивность возникновения новых селений в Южно-Уссурийском на фоне остальных показателей сопоставима на I и II этапах. Это наводит на мысль о сходных условиях и механизмах начального вселения на Уссурийские территории в целом. Кроме того, результаты первого этапа по амурским и южно-уссурийским территориям также близки, что свидетельствует в пользу избранного варианта периодизации. Наконец, характеризуя второй период заселения как массовый, в первую очередь имеешь в виду опыт Южно-Уссурийского края, который в рамках данного этапа вмещает почти половину всех крестьянских селений, основанных в Приморской области во второй половине XIX в.

Такой скачок объясняется достаточно просто – местная и центральная администрация не только разрешают и поощряют переселение в Приморскую область, но принимают в этом процессе непосредственное участие как организатор и помощник. Отсюда вытекают и переброска переселенцев на Дальний Восток и организация их содержания в пути, и строительство дорог в Южно-Уссурийском крае, способствующее широкому рассеянию крестьян по округе, и учреждение Переселенческого управления (и далее – института крестьянских начальников), координирующего действия администрации и помогающего крестьянам устраиваться на местах. Помимо этого, немалое значение (но только в рамках рассматриваемого региона в целом) имеют выгодные природные условия, которые выступают, скорее, в роли предпосылки. При этом очевидна связь открытия Уссурийской железной дороги и существенного роста количества (или интенсивности возникновения) селений; этот пример иллюстрирует критический характер такого фактора заселения как транспортная обеспеченность, за которой стоит элементарная доступность заселяемых земель.

Представленный вариант периодизации крестьянского заселения южной части Приморской области второй половины XIX в. раскрывает территориально-хронологические черты процесса распространения русского крестьянства на

указанных территориях. Проведённый анализ позволил выявить сходные черты заселения различных регионов Приморской области, а именно: этап начального заселения, для Амурского и Южно-Уссурийского краёв, приходящийся на 50 – 60-е гг., для Северно-Уссурийского – на 80 – 90-е гг., этап массового заселения, приходящийся для Южно-Уссурийского края на 80-е и последующие годы, для Северно-Уссурийского – на рубежные годы XIX и XX вв. Такой вариант периодизации крестьянского заселения Приморской области близок, по понятным причинам, периодизации истории Дальнего Востока в целом и переселенческого движения в частности¹², однако имеет и специфику, которая выражается, в основном, в границах выделенных этапов. Выявленные этапы сочетаются с краевым делением области, что позволяет с большей эффективностью использовать представленную периодизацию для изучения истории русской колонизации Дальнего Востока.

3.2. Размещение крестьянства

При осмыслении опыта крестьянского заселения Амура в 50-х гг., приходится мириться с феноменом насильственного водворения, который своими специфическими чертами «смазывает» влияние природного фактора на расселение крестьян. Однако такое противоречие не проходит для последних (и в конечном итоге для власти) даром – переселенцы терпят неурожаи, убытки и неоднократно меняют как место размещения угодий, так и место поселения, хотя при этом расположение поселений изменяется непринципиально. Данное обстоятельство позволяет хотя бы «задним числом» оценить факт поселения на определённой территории.

Водворение русских крестьян на Амуре начиналось с самых его низовьев – от оз. Кизи и ниже в направлении устья, причём, спускаясь по течению, можно видеть общее ухудшение показателей местности, отвечающих за её удобства к водворению крестьян (см. рис. I.8). Данный отрезок течения Амура, здесь размещалась Удская округа, был занят преимущественно в период 1855 – 1860 гг., селения располагаются вдоль русла реки достаточно равномерно (см.

рис. III.3). Это обстоятельство можно толковать по-разному: как следствие естественных условий расселения, как следствие давления властей. Поскольку последнее неоспоримо¹³, то остаётся отметить, что преимущественно гористый характер местности, в которой протекает Амур, и болотистость долин его притоков заставляют селения колонистов жаться к руслу главной реки (см., например, рис. I.1). Это обстоятельство серьёзно сокращает потенциал вселения указанных территорий, в первую очередь по причине недостатка мест и площадей для вселения. Кроме этого, необходимо иметь в виду и климатический фактор, который для данной местности не благоприятствует возделыванию хлебов (см. стр. 49)¹⁴. Всё вышеперечисленное объясняет, почему заселение территорий Николаевской (Удской) округа занимает такой короткий промежуток времени (см. периодизацию крестьянского расселения, стр. 142 и след.; табл. III.1.).

Всё дальнейшее пространство по Амуру, от оз. Кизи вверх до устья Уссури, то есть Софийская (позднее – Хабаровская) округа, заселялось в течение 1860 – 1864 гг. (см. табл. III.1, рис. III.4), в сущности ещё меньше, чем округа Удская. При этом, климатические и почвенные условия здесь несравненно лучше, поскольку позволяют вести пашенное зерновое хозяйство, что и требовалось русским колонистам. Правда, необходимо отметить специфическую черту строения поверхности части Софийской округа, примыкающей к руслу Амура. Как видно на схеме (рис. I.7), северная часть округа находится в узкой долине, что сокращает возможности размещения пашенных угодий, сенокосов и проч., следовательно – и самих селений (см. рис. 3.1). Кроме того, условия поверхности Софийской округа, также как и Удской, оставляют желать лучшего, по большей части находясь на уровне I и IIa категорий (рис. I.6, I.7).

Учитывая, что природные основания водворения в Софийской округе всё-таки более благоприятны¹⁵, а упоминавшийся выше административный фактор действует в той же степени, как и в Удской, необходимо найти причину, укоротившую период занятия крестьянскими селениями Софийской округа. Такой причиной можно назвать «открытие» крестьянами Южно-Уссурийского края (вернее его сельскохозяйственных возможностей, весомо превосходящих соот-

ветствующие возможности Софийской округи) в период заселения участка Амура от устья Уссури до оз. Кизи. Так, во второй половине 60-х гг. в Софийской округе не основывается ни одного селения, зато ежегодно появляются деревни в Южно-Уссурийской округе (табл. III.1). Подобный «перехват» переселенцев вызван не только лучшими природными условиями, но и более либеральной политикой властей по отношению к размещению крестьян в Южно-Уссурийском округе по сравнению с Софийским и Удским¹⁶.

Возвращаясь к особенностям расселения в Софийском округе, отмечу, что указанная выше черта поверхности северной половины округа, а именно узкая долина Амура, имеет не отрицательное, как можно подумать изначально, а положительное значение. Видно это по плотности заполнения селениями данного отрезка (рис. III.3) по сравнению с более южными районами (рис. III.4). Объясняется это просто – высокие берега не подвергались постоянным амурским разливам и не страдали избытком влаги, чего так недоставало соседним амурским территориям. Однако за это положительное обстоятельство крестьяне заплатили вполне, поскольку в данном районе высокие и гористые берега покрыты густым лесом¹⁷, расчистка площадей от которого – тяжёлый труд, который подчас ведёт к нарушению на используемых участках природного равновесия, что в условиях покатых мест ведёт к стремительной деградации почв и скорой необходимости новых расчисток¹⁸.

Выходом из такого положения было оставление крестьянами земледельческих занятий, по крайней мере в качестве основных, и переключение на заработок, даваемый дровяной торговлей и почтовой гоньбой¹⁹. Данные основы крестьянского (если амурских жителей крестьянского происхождения, в массовом порядке занимающихся профессионально торговлей и извозом, можно назвать полноценными крестьянами) хозяйства ограничивали потенциальные возможности Низового Амура как зоны массового расселения²⁰. Рост амурского крестьянского населения возобновляется только в 90-е гг., что связано с возникновением нового вида масштабных промыслов: рыбного²¹. По-видимому, он давал достаточно средств к существованию для большего числа людей, чем прожива-

ло на Нижнем Амуре к началу 90-х. Однако следует отметить, что возобновление крестьянского заселения Амура в конце века не привело к изменению географии расселения, но только к некоторому росту количества жителей в селениях.

Итак, период формирования сетки крестьянского расселения по Амуру в пределах Приморской области продолжался всего десять лет: 1855 – 1864 гг. За это время русским удалось занять долину Амура, однако на разных её участках плотность расселения различна, что связано с причинами как естественного, так и исторического характера. Если в северной Удской округе, территория которой занималась гражданским населением с военно-стратегической целью, имеется достаточно плотное размещение сёл, расстояние между которыми редко превышает 20 км, то в Софийской округе, начавшей заселяться крестьянами несколько позже, расстояние между селениями, особенно в южной части (Троицкая волость), может достигать сотни километров. Это возможно связано с изменением политического климата вокруг этих территорий в период образования здесь селений (начало 60-х гг.). Также не стоит забывать об экологическом факторе – неудобстве расселения земледельческого населения по берегам Амура, в низменной части ежегодно заливаемым рекой, в гористой неудачным для возделывания хлебов.

Большие расстояния между селениями в данном районе служили источником недоразумений между властью и населением. Так, в 1893 г. в связи с переносом волостного центра из с. Вятского в с. Троицкое от большинства жителей волости поступило ходатайство о возврате волостного правления на прежнее место. Мотив – удалённость нового местоположения правления от «густонаселённой» части волости: «При вводимой же вновь организации напротив, управление это значительно удаляется от более населенных частей волости <...> В один конец от этаго селения (Троицкого – Б. Я.) до Хабаровки считается 188 верст расстояния, а в другой конец, до Иннокентьевскаго селения, – только 54 версты»²².

Заселение крестьянами Южно-Уссурийского края начинается в 1861 г. С

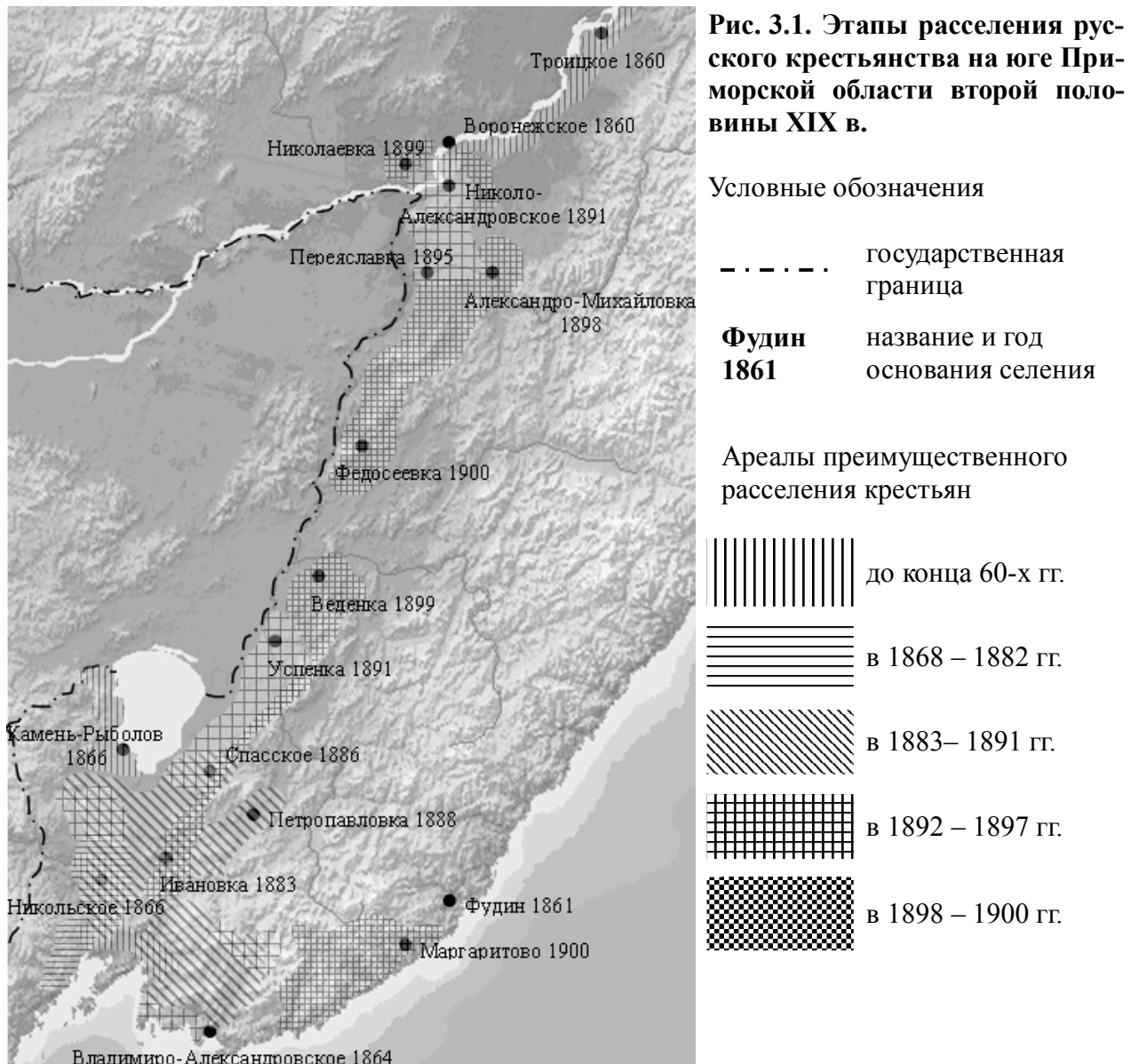
этого года открывается новый период в переселении на Дальний Восток, хотя необходимость свободного расселения по области администрация осознала раньше – например, первое крестьянское селение в Южно-Уссурийском крае, Фудин, фактически было основано в 1860 г. в процессе осмотра местности ходоками²³. В дальнейшем расселение крестьян по краю протекало свободно, ограничиваясь только советами и вполне необязательными наставлениями чинов администрации (см. стр. 121). Осложняющим фактором рассмотрения процесса крестьянского расселения в Южно-Уссурийском крае является его географическая неоднородность, причём таковая превосходит неоднородность северных округ, но сопоставима с неоднородностью Амурского края (см. рис. 3.1).

Первая половина 60-х гг. для южного края прошла под знаком занятия крестьянскими селениями окраин: ключевых пунктов на побережье Японского моря (Фудин, 1861; Владимировка и Александровка, 1864; Шкотово, 1865), оз. Ханка (Турий Рог, 1863). Очевидна привязка русского гражданского населения к размещению военных постов в этом новом, неизвестном и потенциально опасном крае²⁴. Вторая половина 60-х гг. для Южно-Уссурийского края – это время расселения крестьян по его внутренней низменной части. Точнее говоря, это местность, лежащая между оз. Ханка и зал. Петра Великого; именно здесь возникает первая колёсная дорога в крае (и области), неудивительно, что «вторая очередь» заселения приходится именно на указанную местность. Следует только отметить, что селения в данном регионе располагались двумя группами: в районе Ханки – Троицкое, Астраханка, Камень-Рыболов, в районе среднего и нижнего течения Суйфуна – Раздольное, Никольское, Красный Яр (рис. III.5). Эти группы лягут позже в основу начальной системы самоуправления крестьян в Южно-Уссурийском крае²⁵. На 70-е – начало 80-х гг. приходится занятие Суйфунско-Ханкайской низменности и побережья зал. Петра Великого²⁶ (рис. III.6, рис. 3.1).

К завершению первого периода русского крестьянского расселения по Приморской области картина распределения крестьянских селений в Южно-Уссурийском крае была такова: занятию подлежали все удобные для того вре-

мени места, а именно – Ханкайско-Суйфунская низменность, морское побережье, особенно вблизи портовых пунктов. Не отрицая выгоды и «справедливости» такой конфигурации расселения, можно задаться вопросом: почему переселенцы оставляют без внимания восточное побережье Ханки и прилегающие к нему территории, вполне выгодные для расселения (см. рис. 1.3)? Думается, что объяснить это можно сочетанием двух факторов: во-первых, конфигурация путей сообщения, обходивших обсуждаемую местность стороной (пути шли либо по линии Никольское – Ханка – Сунгач – Уссури, либо по линии Никольское – Даубихэ – Уссури, причём основным был первый путь, по нему и перевозили крестьян²⁷), таким образом, крестьяне не имели возможности осмотреть местность, находясь в пути; во-вторых, переизбыток земель в пределах тогдашней крестьянской ойкумены в данном крае. Всерьёз изменить географию крестьянского расселения в таких условиях могут приток большого количества переселенцев (устранение земельной избыточности) и изыскательские работы (вывод новых удобных для земледелия территорий из неведения). Всё это будет реализовано на следующем этапе расселения.

Третий этап расселения (1883 – 1897 гг.) закладывает основу, каркас крестьянского расселения в крае. Именно в рамках этого периода можно видеть радикальное расширение географии расселения. Однако первые годы третьего этапа демонстрируют продолжение прежнего вектора: селения, основанные в 1883 и 1884 гг. не выходят за границы ареала, очерченного ещё в прошлом десятилетии. Однако это полностью справедливо только в отношении 1883 года, следующий же оставляет селения в верховьях Даубихэ, на восточном берегу Уссурийского залива и (после двадцатилетнего перерыва!) в Сучанской долине (см. рис. 3.1).

Анализируя погодную динамику возникновения селений в Южно-Уссурийском крае во второй половине 80-х гг., можно увидеть своеобразные волны расселения, центром которых была местность, прилегающая к Никольскому. Так, «волна» 1885 года двигалась в южном и северо-восточном направлении, заселялись а) побережье Петра Великого и Сучанская долина (линия Монгугай – Нежино – Фроловка), б) местность от водораздела Мо и Лефу в районе среднего течения Мо через среднее течение Лефу до среднего течения Даубихэ (линия Поповка – Кремово – Ново-Васильково). «Волна» 1886 года, очень широкая, распространяется от устья р. Мо до нижнего течения р. Суйфун (линия Девица – Спасское – Екатериновка); следующая «волна» 1887 года разворачивается в восточном направлении, захватывая местность от низовьев Лефу

до восточного берега Уссурийского залива (по линии Дмитриевка – Тереховка – Царёвка). 1888 год даёт малую волну северо-восточного направления от «центра» по линии Прохоры – Петропавловка, 1889, – имея также небольшое количество селений, волну в восточном направлении по линии Алтыновка (Приханкайская низменность) – Новолитовка (р. Таудими); 1890 год имеет слабую волну на северном окончании края на границе Спасской и Зеньковской волостей. Формирование к середине 80-х гг. дорожной сети в крае (стр. 90) заметно повлияло на рассеяние русских селений: как уже указывалось, с 1886 г. география расселения существенно меняется, сдвигаясь на периферию края.

90-е гг. также можно рассматривать с точки зрения «волн расселения», в таком случае 1891 год имеет слабый резонанс в виде 3 селений в окрестностях Ханки и на южном побережье, 1892-й также имеет рассредоточенную конфигурацию новых селений – на севере группа деревень в районе Спасской и на юге в районе Сучанской долины. Группа селений, основанных в 1893 г., пересекает Южно-Уссурийский край (и Суйфунскую низменность с горными окрестностями) по диагонали по линии Прилуки – Новороссия. В 1895 году продолжается преимущественное заполнение периферии – территорий, примыкающих к восточной окраине зал. Петра Великого. Только следующий год даёт внушительную группу селений, пересекающих край по линии, параллельной строящейся Уссурийской железной дороге (Кугуки – Константиновка). Наконец, 1897 г. оставляет селения, расположенные в восточной половине Ханкайской низменности по линии Бильмановка – Духовское.

Обобщая опыт занятия русскими крестьянскими селениями Южно-Уссурийского края в пределах третьего этапа заселения (рис. III.8), можно сделать следующие выводы. На данном отрезке достаточно плотно заселяется центр рассматриваемого района²⁸, это видно по тому факту, что уже в 90-х гг. преимущественной зоной расселения становится периферия – преимущественно северные приханкайские и южные приморские территории (см. рис. 3.1). Кроме того, была преодолена инерция предыдущего периода: расселение заливат новые земли, уже упомянутые северные – пространство между Ханкой и

Даубихинским (Синим) хребтом.

Практика следующего этапа, 1898 – 1900 гг. (рис. III.11), является продолжением опыта предшествующего – заселение окраин, в первую очередь Восточного Приханковья, южных пределов Раздольнинской волости, восточных горных областей, в том числе и приморских (см. рис. 3.1). Каждый из лет заселения имеет свой рисунок размещения селений, однако, если в 1898 году селений было основано относительно немного и они оказываются разбросанными по просторам края, то в 1899 и 1900 гг. было основано около двух десятков селений, которые размещались преимущественно в пределах Зеньковской, Спасской, Ивановской, Цемухинской, Сучанской и Ольгинской волостей – за немногими исключениями территорий позднего массового заселения.

Итак, заселение Южно-Уссурийского края – самое длительное и сложное для всех территорий Приморской области. Протекало оно со своими трудностями и особенностями. Если трудности расселения в данном случае общие с такими для всей области, то особенности следует отметить отдельно. Пространственная специфика Южно-Уссурийского края сказалась в существовании на определённом отрезке времени «волн», или «фронтов» расселения, последовательное рассмотрение которых может дать картину постепенного занятия южно-уссурийских земель. Опыт «волнового» расселения связан в свою очередь со спецификой пространства Южно-Уссурийского края – существованием больших площадей, способных вместить крестьян, по сравнению с соседними северными территориями области (см. стр. 61). Кроме того, западная часть Приханкайской низменности оказывается заполненной гораздо меньше, чем восточная, что, однако, можно объяснить невыгодными природными условиями – избыточной влажностью бассейнов Мо и Лефу, последней в меньшей степени (стр. 222 и след.; рис. I.2, I.3).

Заселение Северно-Уссурийского края продолжалось с начала 90-х гг. и нарастало из двух центров – северного и южного²⁹ (см. рис. 3.1). В качестве первого можно условно принять район устья Усури, Хабаровку; в качестве второго – Успенскую волость, в административном плане относящуюся к Юж-

но-Уссурийской округе. 1891 год открывает заселение Северно-Уссурийского края: в районе низовьев Уссури были основаны селения Владимировка, Покровка и Владимиро-Александровское, а в районе выхода Уссури на Приханкайскую низменность – Успенка и Бельцово. Таким образом было положено основание крестьянскому расселению в Северно-Уссурийском крае, самому необычному для всей области.

Первоначальное крестьянское расселение в Северно-Уссурийском крае (рис. III.7, III.8), как уже отмечалось (см. стр. 146), напоминает по интенсивности начальное расселение как на Амуре, так и в южном крае. В этом можно убедиться на следующих данных. После 1891 года расселение в Северно-Уссурийском крае возобновляется только в 1894 году и только одним селением, Лутковкой, на южном направлении. Следующий, 1895-й, год, подобно 1891-му, оставил несколько селений на периферии края: Переяславка, Сергие-Михайловка и Екатеринославка в долине Хора и Авдеевка и Тихменево в долине Уссури. 1896 и 1897 гг. принесли по одному селению: под Хабаровском и в районе выхода Уссури из гор.

Новый этап заселения (рис. III.9, III.10, III.11) открывается, 1898 год, широким расселением на севере, в районе Хабаровска и в долине Хора. 1899 год открывает мощное движение на юге: если в районе Хабаровска было основано всего 2 селения, то в среднем течении Уссури – 7; при этом география среднеуссурийских новопоселений весьма обширна: самые северные Веденка и Тихоновка удалены от Лутковки, ближайшего к ним крестьянского селения, на 60 и 102 км соответственно. Наконец, в 1900 году география крестьянской колонизации захватывает просторы Северно-Уссурийского края максимально широко, простираясь от Даубихинского хребта на юге до долины р. Хор на севере, таким образом, крестьянское расселение в Уссурийском крае в целом действительно становится системой, то есть единым целым, хотя «связь» северной и южной частей ещё является очень непрочной (см. рис. 3.1). Надо полагать, что движение переселенцев наблюдалось с юга, поскольку на севере от Амура до Хора ни одного селения основано не было. Ещё одной характерной чертой этого года за-

селения является то, что впервые после Хорской долины осваивается долина притока Уссури, в данном случае это Иманская долина: к Веденке присоединились Гондатыно, Гоголевка и Звенигородка.

Обобщая опыт заселения Северно-Уссурийского края, можно отметить такие его характерные черты, как занятие его территории из двух центров, «полюсов», размещение селений преимущественно вдоль русла главной реки, что выдаёт начальный характер расселения, наконец – движение основного потока колонистов в направлении с юга на север, то есть долина Уссури заселялась морскими переселенцами, добравшимися на места водворения из Владивостока по железной дороге. Это же обстоятельство объясняет тот факт, что северный ареал заселения был неактивным (возможно, также по причине малочисленности переселенцев³⁰), и южнее Хора колонисты, шедшие через Хабаровку, не расселялись.

Итак, завершая обзор процесса расселения крестьян по Приморской области как распространения по ней селений, можно отметить в данном движении следующие характерные черты. Во-первых, явно наблюдаются волны, или потоки, заселения, или занятия, территории, идущие с общих полюсов освоения – Николаевска, Хабаровки и Владивостока (Никольского): сначала была занята территория Удской округи, затем Софийской, затем Южно-Уссурийской, затем Северно-Уссурийского края. Это хорошо видно по диаграмме «Интенсивность образования крестьянских селений по районам» (рис. III.1), схеме «Этапы расселения русского крестьянства на юге Приморской области второй половины XIX в.» (рис. 3.1), а также в общем отмечено в исследовательской традиции³¹. К характеристике центров колонизации следует отметить то, что они не генерировали волны переселенцев, но служили перевалочными базами, были, так сказать, географическими (и административными) центрами.

Во-вторых, следует указать на привязку размещаемых селений к таким пространственным доминантам, как реки; предварительно уже отмечалось, что это вполне естественное поведение русских как таковых (то есть со своей традицией расселения) на Дальнем Востоке как таковом (то есть речной стране).

В-третьих, на примере расселения можно видеть соотношение разных факторов, влияющих на процесс колонизации. Очевидно в целом негативное влияние административного фактора, который приходит в противоречие как интересам крестьян (хозяйственным, социально-психологическим), так и природным условиям. Там, где бюрократия умеряет свой пыл, расселение идёт своим чередом, крестьяне нуждаются в чиновниках главным образом для разрешения земельных споров. В целом, опираясь на опыт §2.3, «Политика водворения крестьянства» (см. стр. 130), и на материал данного раздела, можно сказать, что только тогда отношения администрации и переселенцев становятся нормальными, когда первая видит собственные интересы через призму интересов крестьянства. Для территорий нового освоения особое значение имеет экологический фактор. Из изученного материала видно, что русское крестьянское расселение в XIX в. стремилось вписаться в природные условия как данность; по источникам, мелиорация носила локальный характер³², в случае неблагоприятных условий переселенцы стремились оставить неудобные земли в надежде найти подходящее место для нового водворения. Наконец, фактор доступности, транспортной обеспеченности, играет в расселении, даже крестьянском, очень заметную роль. Если Амурский край, привязанный к судоходной реке, заселялся крестьянами под нажимом администрации прямо сказать – стремительно, то образование новых селений в Южно-Уссурийском, а тем более в Северно-Уссурийском чётко зависело от обеспеченности территорий дорогами.

Выявленные черты расселения позволяют уточнить имеющийся в науке взгляд на пространственную организацию крестьянского расселения в Приморской области к концу XIX в.³³ Представляется нецелесообразным разрывать череду селений по Амуру (в пределах Приморской области) на два района расселения, поскольку складывание амурского района в целом проходило в один период расселения и на одних принципах. Плотность расселения в данном случае не является принципиальным моментом. Кроме того, следует помнить о существовании Северно-Уссурийского края как одного из районов крестьянского расселения в Приморской области и отнести его к Уссурийскому краю в качест-

ве подрайона. Сделать это позволяет история складывания Северно-Уссурийского подрайона расселения – его постепенное вырастание из южного соседа в течение 90-х годов.

Современники не видели связи в процессах основания новых селений и приселения к уже существующим (Н. А. Крюков). В это же время Ф. Ф. Буссе указывает на необходимость контроля этой ситуации; впрочем, у него нет указаний на то, каким образом изложенные им самим нормы расселения могли претворяться в жизнь. Всё это подводит к необходимости подробного рассмотрения этого вопроса, тем более что существуют показатели, по которым можно это сделать. Это погодные данные о прибытии и водворении в конкретные населенные пункты Южно-Уссурийской округи переселенцев в период 1883 – 1892 гг.³⁴, которые раскрыты в нижеследующей таблице 3.4.

Материалы приведенной таблицы составлены по опыту Южно-Уссурийского края – территории к началу 80-х гг. достаточно (для Дальнего Востока того времени) освоенной, заселённой русскими, здесь имелись русские селения, т. е. готовые места, куда переселенцы могли водворяться. Таким образом, приезжающие в край крестьяне имели возможность выбора между приселением к какому-либо обществу и основанием своего селения и нового общества. Это отличает Южно-Уссурийский край от других частей Приморской области – в период массового заселения крестьянами Приморской области на Амур переселенцы шли неохотно и новые селения там не образуются, а по Уссури долгое время крестьянских селений не было вовсе – т. е. все деревни здесь были бы новыми. Это говорит о представительности опыта Южно-Уссурийского края в заселении территорий Приморской области, в основании селений на фоне уже существующих, в выборе переселенцами мест водворения – освоенных или неосвоенных.

Таблица 3.4. Сравнение потоков переселенцев, прибывающих в основываемые и уже существующие селения Южно-Уссурийской округи по годам за период 1883 – 1892 гг.

Год	Семей, вселившихся в уже существующие селения		Семей, вселившихся в новооснованные селения	
	Σ	%	Σ	%
1883	47	15	271	85
1884	38	13	258	87
1885	235	57	177	43
1886	369	76	127	24
1887	169	82	36	18
1888	83	100	0	0
1889	342	85	62	15
1890	116	76	36	24
1891	102	86	17	14
1892	248	87	37	13

Рассчитано по: Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. С. 34 – 39.

Каким же образом можно интерпретировать результаты сопоставления потоков переселенцев в «новые» и «старые» селения? В соответствии с данными табл. 3.4, первые годы наблюдается всплеск интереса крестьян к основанию новых селений и, соответственно, приселение на новые места, в обход уже существующих селений. Объяснить это можно, судя по всему, стараниями администрации, указывающей переселенцам подходящие места для потенциального вселения, а также редкой заселённостью и обилием удобных мест для водворения. Однако с 1886 г. соотношение потоков меняется в неблагоприятном для новоосновываемых селений – их становится год от года меньше и также меньше сюда направляется семей. Критическим оказался 1888 г., когда все переселенцы разместились в уже имеющихся в Южно-Уссурийском крае селениях и ни одного нового не было основано. Характерно, что процент, присущий показателю существующих селений (13 – 15) на первых порах, впоследствии переходит к показателю новооснованных селений – т. е. за десятилетие 1883 – 1892 гг. соотношение потоков вселяющихся семей полностью меняется на обратное. Объяснить это можно, пожалуй, ёмкостью наделов обществ, а также привлекательностью стабильной жизни в уже существующих селениях. Кроме того, немаловажное значение имеет общая ёмкость земель Южно-Уссурийского края – со временем она уменьшается и соответственно падает количество новых селений

и стремящихся на новые места переселенцев. Изменить эту тенденцию может только открытие новых территорий для заселения (в практике Приморской области изучаемого периода это «открытие» для водворения Северо-Уссурийского края) и изменение нормы наделения землёй (на опыте Приморской области это изменение нормы наделения землёй, последовавшее с 1901 г.), что поможет обойти нехватку угодий для поселенцев.

Больше информации можно извлечь, если ближе рассмотреть группу существующих селений, поскольку она весьма неоднородна – сюда включаются как старожильческие селения, так и новосельческие, возникающие начиная с 1883 г. (см. табл. 3.5).

В соответствии с материалами табл. 3.5, структурно ситуация с соотношением потоков в данном случае сопоставима с предыдущей таблицей: сначала большинство находится на одной стороне, а затем переходит на другую. Привлекательность старожильческих селений изменяется с 79% в 1884 г. до 2 в 1890, новосельческих же – с 21% в 1884 г. до 98 в 1890. Объяснить эту ситуацию могут ёмкость наделов, быстро уменьшающаяся в старожильческих наделах, а также политика администрации, канализирующая переселенцев в новозаселяемые районы.

Таблица 3.5. Сравнение потоков переселенцев, прибывающих в старожильческие и новосельческие селения Южно-Уссурийской округи по годам за период 1883 – 1892 гг.

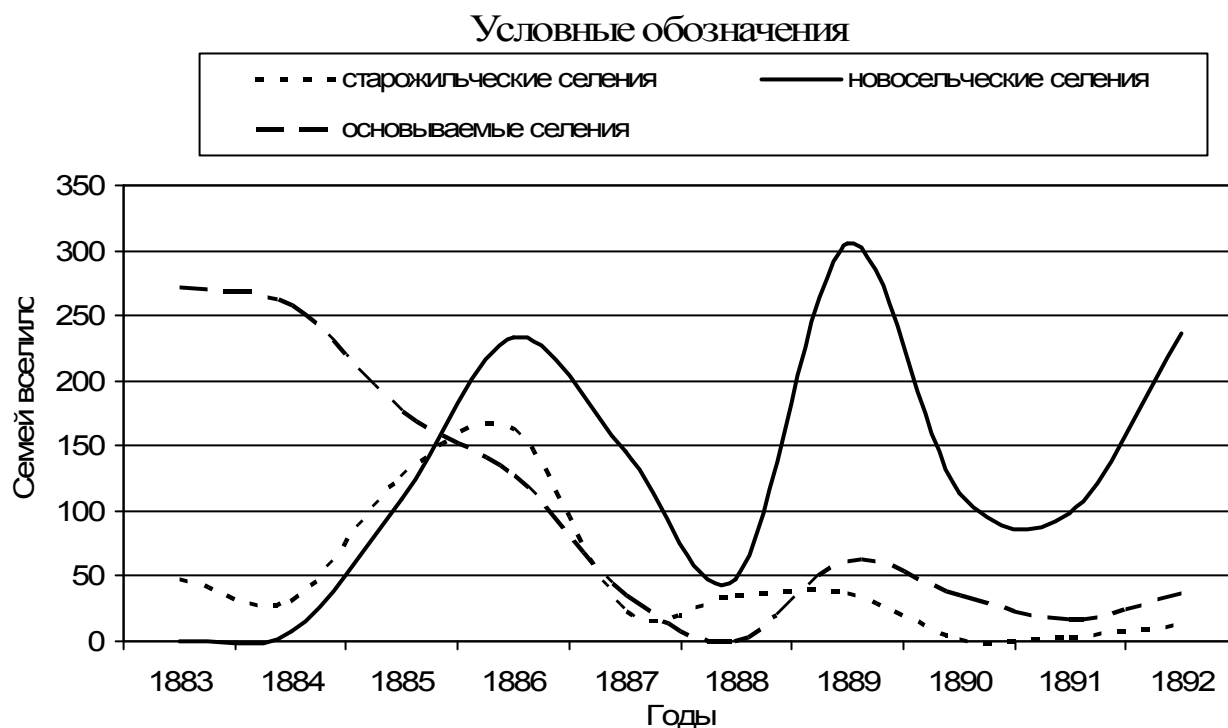
Год	Семей, вселившихся в старожильческие селения		Семей, вселившихся в новосельческие селения	
	Σ	%	Σ	%
1883	47	100	0	0
1884	30	79	8	21
1885	126	54	109	46
1886	163	41	233	59
1887	23	14	146	86
1888	36	43	47	57
1889	37	11	305	89
1890	2	2	114	98
1891	3	3	99	97
1892	12	5	236	95

Рассчитано по: Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. С. 34 – 39.

Сопоставление всех трёх групп семей, стремящихся в а) старожильческие

селения, б) новосельческие селения, в) недавно основанные новосельческие селения приведено на рис. 3.2. Бесспорный лидер первого времени – основываемые селения – с 1886 г. уступает своё место новосельческим селениям, которые уверенно лидируют на остальном протяжении рассматриваемого периода. При сопоставлении распределения потоков переселенцев по селениям разных типов на отрезке 1883 – 1892 гг. в Южно-Уссурийском крае, можно отметить следующую закономерность: наиболее привлекательными для переселенцев были уже существующие новосельческие деревни.

Рис. 3.2. Распределение потоков переселенцев по селениям разного времени основания в Южно-Уссурийской округе по годам за период 1883 – 1892 гг.

Причины тому очевидны и уже не раз назывались: во-первых, это высокий потенциал водворения селений лидирующего типа – недавно основанные селения имели большие поселенные наделы, рассчитываемые из ёмкости местности, а не из числа наличных семей; во-вторых, это поощрение администрации, ориентированной на заполнение новых пространств; в-третьих, это притяжение существующего поселя, существующего общества – особенно важным это обстоятельство является для отдельных семей, стремящихся приписаться к

какому-либо обществу. Первый из указанных моментов есть преимущество новосельских селений перед старожильческими, второй – преимущество новосельских и основываемых перед старожильческими, третий – преимущество новосельских перед основываемыми.

Сделанные выводы корректируют данные, приводимые в «Истории Сибири в пяти томах», суть которых заключается в том, что новосёлы в восточном секторе России – в Сибири и на Дальнем Востоке – в принципе стремились разместиться в старожильческих селениях, в условиях же слабонаселённой Приморской области им ничего не оставалось, как основывать собственные селения³⁵. В целом полученные в нашем исследовании результаты не противоречат сведениям, приводимым в «Истории Сибири», однако следует отметить, что основание совершенно нового поселения было шагом вынужденным, свидетельством того, что уже существующие селения новосёлов не устраивают.

Русская колонизация Средней Азии начинается в 80-х годах XIX в., специфической её чертой является плотная заселённость этих территорий коренными жителями при ограниченном запасе земель, нуждающихся в мелиорации. При размещении переселенцев русская администрация стремилась согласовывать этот процесс с местной аристократией, либо искала пустынные, неосвоенные места³⁶. Русские поселения концентрировались вблизи рек, что соответствует русской традиции, но связано главным образом с засушливым характером местности, с проведением Среднеазиатской железной дороги, система расселения оказалась привязана к ней³⁷. Интересна история возникновения многих переселенческих сёл, изначально бывших посёлками землекопов, занятых на строительстве дорог и оросительных систем, и только через некоторое время превратившихся в поселения земледельцев. Некоторая часть поселений возникла без санкции властей, однако легализация самовольческих сёл в общем проходила без затруднений³⁸.

Таким образом, крестьянское расселение в Приамурье, на юге Приморской области, имело специфические черты, отличающие его от расселения крестьян в других колонизируемых районах на востоке страны – в Сибири и Сред-

ней Азии. Относительно Сибири специфика заключается в большом стремлении новосёлов к совместному проживанию, в осторожности в вопросе образования новых селений, в позднем возникновении заимок, что можно объяснить страхом переселенцев перед дикой природой края и хунхузами. Относительно Средней Азии можно отметить более традиционный способ возникновения крестьянских селений, а также факт изъятия у китайцев земель в пользу русских переселенцев. Впрочем, китайцы в Приморской области за «коренное население» и не считались. В целом же, переселение и расселение русских во всех колонизируемых районах строилось на одних основаниях, и существующая специфика отдельных регионов имеет частный характер.

Возвращаясь к «спору» Крюкова и Буссе о соотношении приселения переселенцев к существующим селениям и основании ими новых, следует отметить: нам удалось выявить некоторые принципы порядка вселения крестьян, при этом имеются основания «подозревать» администрацию в прямом управлении процессом размещения крестьян-переселенцев, хотя однозначных указаний на такую политику пока не имеется³⁹.

3.3. Водворение крестьянских хозяйств

Нижеследующий материал построен главным образом на данных обследования старожильческих хозяйств, проведённого А. Меньшиковым в 1910 г. Данные, изложенные в этой работе, не имеют погодной привязки, а сгруппированы по периодам. Периодизация «водворения» крестьянских хозяйств Меньшикова⁴⁰ выглядит следующим образом: 1) по 1882 г., 2) 1883 – 1895 гг., 3) 1896 – 1900 гг., 4) 1901 – 1905 гг., 5) 1906 – 1910 гг.⁴¹ Представленная периодизация обладает несколькими чертами, определяющими её облик и вносящими некоторые ограничения на её использование. Во-первых, она носит обобщающий (или даже универсальный) характер по отношению к прошлому и настоящему (на 1910 / 1911 гг.) крестьянских хозяйств: распределение прибывших крестьян по национальности, вероисповеданию, признаки и причины переселения, сроки водворения и др.⁴² Разумеется, что корректно обобщить все эти раз-

нообразные характеристики во всеобщей периодизации очень непросто. Во-вторых, распределение 90-х годов на периоды связано с, так сказать, арифметическими надобностями проводимого сто лет назад обследования: «чтобы нагляднее представить рост хозяйства старожилов, в зависимости от времени пребывания их на участке, мы выделили из второго периода последние пять лет»⁴³. Можно сказать, что 90-е годы были разделены произвольно.

Возвращаясь к разработанной в данной диссертации периодизации вселения, можно отметить некоторое её сходство с вариантом Меньщикова, что позволяет, правда с ограничениями, использовать данные обследования 1910 г. для настоящего исследования. Так, общим для обеих раскладок является рубеж 1882 / 1883 гг., его особенное положение в истории приморского крестьянства уже обсуждалось в разделе работы, посвящённом периодизации. Также сходство двух периодизаций наблюдается в рассмотрении 90-х гг.: близкими рубежами являются переходы 1895 / 1896 гг. у Меньщикова и 1897 / 1898 гг. в данном сочинении. Окончательное сближение обеих периодизаций осложняет тот факт, что на 1895 и 1896 гг. приходится рост количества прибывших семей переселенцев и рост количества основываемых ежегодно селений (табл. III.1, рис. III.2). Это ведёт к тому, что заметное количество хозяйств «дрейфует» между периодами при заимствовании материалов из работы с особенной (хотя и близкой) периодизацией.

Совмещение указанных периодизаций в форме заимствования материалов из работы Меньщикова для целей проводимого исследования, на мой взгляд, вполне допустимо по следующим причинам: 1) отсутствие лучшего источника информации, 2) близость сравниваемых вариантов периодизации, 3) относительно незначительное на общем фоне количество «дрейфующих» хозяйств. Кроме того, заимствуемые из источника данные необходимы текущей разработке, пожалуй, только для выявления тенденции, что также вполне позволяет использовать данные Меньщикова в той форме, которая приводится в его публикации.

В литературе начала XX века уже имеются оценки сроков водворения.

Так, «водворение» новосёла, подразумевающее обзаведение хозяйством, включая инвентарь и распашку, рассматривается ответственными за переселение как желательное на второй год пребывания на месте жительства, когда новосёлы уже несколько освоятся с местными условиями⁴⁴. Примерно такой же срок водворения можно определить, исходя из освобождения новосёлов во многих крестьянских участках от мирских повинностей на первый год⁴⁵. Также к прямым указаниям на темпы хозяйственного обустройства можно отнести фиксацию сроков стабилизации хозяйств новосёлов: «...переселенцы материально обеспечивали себя не ранее 2х, 3х лет...» (Верхне-Уссурийский участок), «...на третий год новоселы обычно уже в состоянии продать часть своего хлеба» (Ханкайский участок)⁴⁶. Несколько более длительные сроки приводятся в источнике начала XX века: «...через 3 года, или через пять, устраиваются хорошо...»⁴⁷. Однако следует помнить, что приведённые мнения относятся к тому времени, когда южная оконечность области была относительно плотно заселена, а территория и администрация располагали инфраструктурой, достаточной для успешного хозяйственного обустройства. Такая ситуация сложилась в Уссурийском крае не ранее начала-середины 90-х годов, до этих же времён условия водворения, особенно вне пределов освоенной Ханкайско-Суифунской долины⁴⁸, были гораздо острее.

Используемый в источник имеет такую раскладку сроков водворения: до 1 мес., 1 – 2 мес., до 1 года, 1 – 2 года, более 2 лет. Каким образом следует понимать именно такой подход в акцентировании сроков? Задача переселенцев-новосёлов – устроиться, водвориться уже в первый сезон, причём таким образом, чтобы иметь собственные (т. е. выращенные своими руками на своей земле) запасы продовольствия на зиму⁴⁹. Таким образом, заготовки на следующий сезон – один из принципиальных моментов водворения. Можно вспомнить испытания, которые пришлось на долю русских пионеров в районе зал. Ольги, оставшихся без пищи на зиму⁵⁰. Каким образом крестьянин будет обеспечивать себя продовольствием? Распахивая и засевая землю. Так, можно уточнить обсуждаемый аспект водворения – не просто обеспечить себя едой, но поднять

целину и засеять её или засеять уже имеющуюся пашню, но обязательно в первый же сезон, сразу по приезде. Опыт первопоселенцев, например, в селении Турий Рог это блестяще подтверждает: возвращаясь из разведки, ходоки по пути заготовили сено для скота, а весной, вернувшись на Ханку, они сразу приступили к обработке земли⁵¹.

Те, кто опоздал с распашкой, рискуют задержаться в нужде, более того, их второй сезон устройства как успешный – под вопросом. В этом смысле характерен опыт оседания переселенцев в лесистом Северно-Уссурийском крае: «...будь обеспечена семья в первый год хотя бы одной десятиной огорода, вся бы 3^x летняя энергия этой семьи была бы использована на другую десятину и уже к концу 3^x летнего периода она бы была обеспечена, хотя частью и хлебом, не потеряв при этом своих сил на предварительную раскорчевку усадьбы»⁵². Подобного рода сложности имели и осенние партии морских переселенцев в Южно-Уссурийский край, не имевших возможности сразу по прибытии на место завести распашку⁵³.

Таким образом, из общего списка сроков могут быть признаны положительными первые два, поскольку, учитывая предпочтительное время начала водворения (середина – конец весны), только они позволяют организовать дальнейшее развитие хозяйства таким образом, чтобы переселенцы могли войти в ближайшую зиму со своим хлебом. Предварительно можно отметить, что распашанная в области первое время практика снабжения переселенцев казённым продовольствием уже неблагоприятно характеризует как ход, так и сроки водворения.

Срок до 1 года позволяет переселенцам организовать нормальное (или с тенденцией) к норме хозяйство только на второй сезон пребывания в данной местности. То есть, несмотря на задержку, такое хозяйство ещё имеет возможность сохранить должную динамику развития (о чём говорит опыт начального заселения), а сам срок может быть признан удовлетворительным.

Сроки в 1 – 2 года и более 2 лет являются очень неблагоприятными показателями, поскольку период задержки нормального развития хозяйств в таких

условиях может равняться 2 годам и более, что есть однозначно негативная и опасная ситуация, поскольку таким образом ставится под вопрос крестьянский земледельческий характер самого водворяющегося хозяйства. Разумеется, речь не идёт о том, что двухлетний срок однозначно ведёт к раскрестьяниванию. Местная администрация выражала в своё время глубокую обеспокоенность действительной опасностью раскрестьянивания тех семей и хозяйств, которые, долгое время находясь в пути на Дальний Восток, теряли навыки и стремление к крестьянскому труду и приобретали навыки бродяжничества, пропадая, таким образом, для области как земледельцы-кормильцы⁵⁴. Учитывая сопоставимые в обоих случаях сроки, а также помощь провиантом со стороны властей, естественные (в условиях таких длительных сроков водворения) неудачи в закреплении на земле, а также возможность неземледельческого заработка (достаточного для пропитания и проживания), опасность раскрестьянивания и гибели для хозяйств, водворяющихся в срок более 1 года и более 2 лет вполне реальная. Таким образом, данные сроки должны быть признаны неудовлетворительным и крайне неудовлетворительным.

Заканчивая обзор особенностей различных сроков водворения, необходимо сказать несколько слов о неблагоприятных сроках. Смягчая акценты, рассмотренные абзацем выше, замечу, что склонность крестьян к земледельческому труду была достаточно высока, чему есть подтверждения в опыте Приморской области. Так, крестьяне с. Раздольное, до начала 80-х гг. зарабатывавшие на жизнь преимущественно извозом, под влиянием рачительного земледельца Леонтия Худякова вновь обратились к пашне⁵⁵. Этот случай говорит с одной стороны о том, что переселенцы в Приморской области могли найти применение своим силам помимо земли и они вполне готовы были при подходящих условиях отказаться от пашни как кормилицы; с другой стороны – успешный опыт земледелия не может оставить душу крестьянина в покое, и всегда имеется часть потенциально готовых вернуться к земле, что и случилось в данном случае в связи с Худяковым.

Перейдём к рассмотрению подробностей водворения, начав с областных

показателей (табл. 3.6).

Таблица 3.6. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	7	9	45	11	23	40	135
%	0,08	0,11	0,55	0,13	0,28	0,49	1,64
II	1274	870	878	140	138	612	3912
%	15,49	10,58	10,67	1,70	1,68	7,44	47,56
III	1152	1139	1193	102	184	409	4179
%	14,00	13,85	14,50	1,24	2,24	4,97	50,80
∑	2433	2018	2116	253	345	1061	8226
%	29,58	24,53	25,72	3,07	4,19	12,90	100
∑ _{известных}	2433	2018	2116	253	345	0	7165
% _{известных}	33,96	28,16	29,52	3,53	4,81	0	100

Составлено по: Приложение IV, таблицы 1 – 3.

Около 80% опрошенных хозяйств водворялись в течение нескольких месяцев (срок «до 1 года»). Данное обстоятельство говорит о достаточно благоприятных условиях водворения – как возможностях транспортной системы, так и качествах земель, предназначенных для переселенцев. Тех, кто водворился в срок более 1 года немного – около 3 и 4% соответственно. Последние цифры оттеняют величину первой группы, однако средние областные показатели слишком абстрактны, особенно если учесть существенную разницу в условиях заселения частей области, поэтому необходимо обратиться к подробностям вселения на отдельные территории.

Нижнеамурский край. Поскольку Нижнеамурский край представлен в используемых данных очень слабо, то и рассмотрение его возможно только на обобщённом уровне, уровень волостей непредставителен. Итак, на фоне общеобластных показателей опыт Нижнеамурского края является нетипичным, поскольку в целом баланс сроков водворения смещается в сторону увеличения длительности (см. табл. 3.7).

Если учесть относительно высокий индекс транспортной обеспеченности данного региона, следует признать, что скорее всего негативную роль сыграли сложные географические условия (относительно холодный климат, бедные почвы и недостаток удобных мест для угодий, постоянная опасность затоплений;

последние три обстоятельства были особенно заметны, причём на протяжении всего изучаемого периода: к 1900 г. относится свидетельство недостатка пашенной земли у крестьянских хозяйств Удской округи⁵⁶), а также нелояльная политика власти в период преимущественного заселения данного региона (навязывание мест вселения, ограничения передвижения, контроль хозяйства – см. стр. 116 и след.). Так, более 70% хозяйств утверждались на местах в пределах года (что вполне допускает один или даже два переезда), а более 10% водворялись в срок более 2 лет (что подразумевает неоднократные переезды с целью поиска более благоприятных мест). Следствием является факт самообеспечения крестьянских хозяйств Нижнего Амура хлебом только со второй половины – конца 60-х годов⁵⁷, т. е. для некоторых хозяйств «подвешенное состояние» затянулось на десяток лет. Похожие сроки для переселенцев 1855 г. приводит Г. Муров: «Стали поправляться только лет через 8 – 10, когда мало-мальски применились к местным климатическим условиям края и обжились»⁵⁸.

Таблица 3.7. Сроки водворения крестьян-переселенцев на Нижнем Амуре, Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	0	0	11	1	1	1	14
%	0	0	57,89	5,26	5,26	5,26	73,68
II	0	0	2	0	0	0	2
%	0	0	10,53	0	0	0	10,53
III	0	1	1	0	1	0	3
%	0	5,26	5,26	0	5,26	0	15,79
Σ	0	1	14	1	2	1	19
%	0	5,26	73,68	5,26	10,53	5,26	100

Составлено по: Приложение IV, таблица 1.

Комментируя особенности приселения русских крестьян на Нижний Амур, наблюдатели отмечают такую причину невысоких успехов водворения, как «свойственная русским лень и беззаботность»⁵⁹, которая, однако, имеет не только историко-психологические, но и прагматические причины: первое – обескураженное состояние крестьян от столкновения с необычайно суровыми условиями хозяйства на Амуре в пределах Приморской области⁶⁰; второе – возможность относительно лёгкого заработка неземледельческим трудом⁶¹. При-

знаявая обе трактовки, следует отметить существование похожей практики и в Южно-Уссурийском крае (см. стр. 169).

Северно-Уссурийский край. Эта местность начинает осваиваться достаточно поздно – с 80-х годов, то есть со II периода расселения. По сравнению с уже рассмотренным регионом, показатели Северно-Уссурийского края демонстрируют более благоприятные условия заселения (табл. 3.8): приоритет перемещается на следующие сроки водворения – 1 – 2 мес. (30,01%) и до 1 года (29,82%). Показатели более длительных сроков водворения незначительны и в сумме не дают и 8%, зато самый короткий срок, до 1 мес., – который ассоциируется с однократным успешным водворением – перетянул на себя 21,85% всех опрошенных. По данным начала XX века, хозяйства, водворяющиеся в лесной местности, уже в сезон приселения имеют рощисты и участки площадью в 0,25 десятины⁶².

Таблица 3.8. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Северно-Уссурийском крае, Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	0	0	0	0	0	0	0
%	0	0	0	0	0	0	0
II	32	45	66	15	22	17	197
%	1,95	2,74	4,02	0,91	1,33	1,03	11,98
III	327	448	424	49	43	155	1446
%	19,90	27,27	25,81	2,98	2,62	9,43	88,01
Σ	359	493	490	64	65	172	1643
%	21,85	30,01	29,82	3,89	3,96	10,47	100

Составлено по: Приложение IV, таблица 2.

Большой интерес представляет рассмотрение представленных данных в динамике – по периодам. Так, для II периода, наиболее характерным является срок водворения до 1 года (4,02%), затем – 1 – 2 мес. (2,74%), затем – до 1 мес. (1,95%), более 2 лет (1,33%), наконец – 1 – 2 года (0,91%). Показатели следующего периода сопоставимы с региональными (в силу массовости заселения на III этапе): упор – на срок в 1 – 2 мес. (27,27%), далее – до 1 года (25,81%), до 1 мес. (19,90%), 1 – 2 года (2,98%), более 2 лет (2,62%). Налицо тенденция к сокращению сроков водворения: около половины хозяйств имели возможность за-

крепиться на избранном месте в течение одного сезона, т. е. в первое же лето получить урожай, способный поддержать семью в зимние месяцы. Вторая тенденция – стремительный рост успешно и быстро устраивающихся хозяйств: если на втором этапе разница в количестве хозяйств успешно (до 1 года) и не успешно (более 1 года) водворяющихся составляла 3 – 4 раза, то на третьем она составляет порядок. Думается, что для данного региона в большей степени, чем для остальных в качестве причины данного факта можно предположить высокую транспортную доступность в рамках III периода (в связи с введением в эксплуатацию Уссурийской железной дороги).

Обобщая вышесказанное, можно отметить общее облегчение условий водворения и как следствие – сокращение сроков и рост эффективности водворения в Северно-Уссурийском крае. Думается, это оказало влияние и на рост количества новых селений в данном районе (табл. 3.1), поскольку длительность («трудность») водворения есть весомый аргумент при выборе места поселения.

Рассматривая ситуацию по отдельным волостям, можно заключить, что отмеченная для всего края тенденция характерна не для всех территорий. Например, очень интересны показатели Тунгусской волости – хозяйств, водворившихся в срок до 1 года здесь насчитывается 0,55% от общего количества хозяйств в крае, а в срок более 2 лет – 0,54%, и это самые высокие показатели в волости! Отсюда естественно вытекает вывод о невысоких колониционных качествах Тунгусской волости. Также малоблагоприятны показатели Николо-Александровской волости: если на срок водворения до 1 года (максимальный показатель) здесь приходится 1,83%, то на срок более 2 лет – 1,82% хозяйств. Соседняя с ними Киинская волость располагает такими данными: максимальный показатель – 1 – 2 мес., 8,82%, за ним – до 1 мес. – 5,23%, далее – до 1 года, 4,56%, причём идут указанные сроки с большим отрывом от остальных. Это позволяет охарактеризовать возможности Киинской волости как весьма привлекательные. Такой вывод обладает большим значением, поскольку для Киинской волости характерно переувлажнение и речные разливы, которые, однако, не могут повлиять на привлекательность этих мест⁶³!

Для Лутковской волости характерно большинство водворящихся, выпадающее на срок до 1 года (2,07%), далее – по убывающей на уменьшение сроков водворения. Следует отметить – по мнению наблюдателей для селений этой волости характерен срок 1 – 2 года, когда в первый сезон возводятся временки и начинается предварительная обработка огородов и пашни⁶⁴. Введенская волость имеет другое сочетание – первенствует срок до 1 года (2,07%), далее – до 1 мес. (0,61%). Тихоновская волость имеет свою раскладку: лидер – срок от 1 до 2 мес. (2,31%), затем – до 1 мес. (1,94%), затем – до 1 года (1,70%). Как уже указывалось на примере Лутковской волости, субъективно сроки водворения и для некоторых селений Тихоновской могут быть увеличены до срока 1 – 2 года⁶⁵. Успенская волость характеризуется такими показателями: на срок до 1 года приходится 14,42% хозяйств, на срок 1 – 2 мес. – 13,51%, на срок до 1 мес. – 11,02%. При том, что для данного блока волостей «опорным» сроком водворения является показатель до 1 года, наблюдается, а лучше сказать – закрепляется, тенденция к сокращению сроков вселения, из чего можно сделать вывод об улучшении колонизационных качеств заселяемых территорий, что вполне укладывается в канву улучшения условий переселения сюда, которые выражаются в росте транспортного обеспечения, увеличения жителей (обжитости территорий) и т. д.⁶⁶

Обозревая весь Северно-Уссурийский край, можно отметить следующие общие черты в темпах закрепления здесь крестьянского населения. Во-первых, при движении к югу наблюдается сокращение сроков водворения, особенно заметно это на примере двух северных волостей – Тунгусской и Николо-Александровской. Во-вторых, общая тенденция к сокращению сроков водворения в течение II и III периодов – как это можно наблюдать на итоговых цифрах по краю – на опыте отдельных волостей не так очевидна: пример Николо-Александровской и Киинской волостей хорошо подтверждает указанную тенденцию, а Успенская ей несколько противоречит. Наконец, в отношении второй из отмеченных в начале очерка о Северно-Уссурийском крае тенденций можно сказать то же, что о предыдущей – не все волости однозначно укладываются в

общий поток развития: если Николо-Александровская и Киинская волости могут служить примером нарастающего от периода к периоду успешного водворения, то Успенская – нет (здесь рост идёт параллельный). Неоднозначности общей картине придаёт и то, что Лутковская, Введенская и Тихоновская волости для II периода непредставительны – почти не заселялись, – почему и не могут быть использованы в сравнении.

Южно-Уссурийский край. По сравнению с другими регионами Приморской области, Южно-Уссурийский край обеспечен данными в наибольшей степени, как по географическому, так и по хронологическому охвату (табл. 3.9). Рассматривая суммарные данные по краю, можно отметить решительное преобладание сжатых сроков водворения – на первом месте находится показатель до 1 мес. (31,60%), затем – до 1 года (24,56%), затем с существенным отрывом – от 1 до 2 мес. (23,22%). Остальные сроки представлены незначительно. Такое соотношение сроков водворения заставляет говорить о Южно-Уссурийском крае как о самом благоприятном районе крестьянской колонизации в Приморской области.

Таблица 3.9. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Южно-Уссурийском крае, Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	7	9	34	10	22	39	121
%	0,11	0,14	0,52	0,15	0,33	0,59	1,84
II	1242	825	810	125	116	595	3713
%	18,92	12,57	12,34	1,90	1,77	9,06	56,56
III	825	690	768	53	140	254	2730
%	12,57	10,51	11,70	0,81	2,13	3,87	41,59
Σ	2074	1524	1612	188	278	888	6564
%	31,60	23,22	24,56	2,86	4,23	13,53	100

Составлено по: Приложение IV, таблица 3.

Динамика водворения в целом по краю представляет большой интерес. Так, на I этапе расстановка сроков выглядит следующим образом: максимальное количество хозяйств приходится на срок до 1 года (0,52%), за ним по количеству – более 2 лет (0,33%), 1 – 2 года (0,15%), далее с небольшим отрывом – 1 – 2 мес. И до 1 мес. (0,14 и 0,11% соответственно). Такие показатели в большей

степени характерны для северных округ, что подталкивает к мысли: в процессе водворения кроме природных существенное значение имеют и социальные факторы. В частности, можно указать на социальную принадлежность водворяющихся на I этапе: отставные нижние чины, бывшие ссыльные. Многие из них не имели семьи или взрослых сыновей, могущих помочь на пашне; это настолько серьёзно осложняло хозяйственное положение таких колонистов, что наблюдатели сомневались в их так сказать «потенциале сельскохозяйственного освоения»⁶⁷. Кроме того, можно указать и на иные социальные факторы – политика администрации, экономические условия водворения, степень освоенности, обжитости территорий. Это подтверждается данными следующих периодов. На II (втором) лидерство переходит к показателю до 1 мес. (18,92%), затем идут сроки от 1 до 2 мес. (12,57%), и до 1 года (12,34%); похожая картина складывается в рамках III периода – лидирует показатель до 1 мес. (12,57%), ему наследует срок до 1 года (11,70%), далее – от 1 до 2 мес. (10,51%).

На данном примере видна непоследовательность развития процесса изменения сроков водворения: сокращение на переходе от I ко II периоду сменяется некоторым ростом от II к III. Наверное отчасти это можно объяснить расширением географии водворения на относительно неудобные земли (а также возможным изменением в социальном составе переселенцев). Ещё одна существенная черта, близкая уже однажды отмеченной на примере Северно-Уссурийского края – относительная стабильность доли хозяйств, устраивающихся с трудностями и стремительный рост доли хозяйств, водворяющихся в благоприятных условиях. Достаточно снова обратиться к цифрам: по периодам водворившихся в течение 1 – 2 мес. приходилось 0,14, 12,57, 10,51%, а на срок 1 – 2 лет – 0,15, 1,90, 0,81%. Очевидны совместные колебания количества хозяйств внутри каждой временной группы, однако масштаб этих колебаний существенно различается.

Приступая к описанию процесса водворения в Южно-Уссурийском крае, необходимо сделать одно замечание. В силу существенной дифференцированности поверхности и итоговой высокой плотности крестьянского населения в Южно-Уссурийском крае, есть весомые основания для группировки здешних

волостей, в результате чего в дальнейшем в описании будут фигурировать такие группы волостей, как Южная (в составе приморских волостей), Западная (волости, располагающиеся по оси Суйфун – Мо – западный берег оз. Ханка), Восточная (внутренние волости, прилегающие к бассейну Даубихэ), Северная (волости, находящиеся в треугольнике Ханка – Сунгача – Даубихинский хребет). Такая группировка позволит сравнить территории, сходные по естественным условиям, а также сопоставимые по срокам начала русской крестьянской колонизации.

Южный район. В состав данной группы входят территории Ольгинской, Сучанской, Цемухинской и Раздольнинской волостей (см. табл. 3.10).

Таблица 3.10. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Южном районе Южно-Уссурийского края Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	0	0	1	1	6	13	21
%	0	0	0,01	0,01	0,09	0,20	0,32
II	99	53	133	5	49	97	436
%	1,51	0,81	2,02	0,08	0,75	1,48	6,64
III	40	49	67	18	70	15	259
%	0,61	0,75	1,02	0,27	1,07	0,23	3,94
Σ	139	102	201	24	125	125	716
%	2,11	1,55	3,06	0,36	1,90	1,90	10,91

Составлено по: таблица VI.3.

В целом показатели Ольгинской волости сопоставимы с результатами северных регионов – Амура и Северно-Уссурийского края, но при этом сильно дифференцированы: самый распространённый срок водворения 1 – 2 мес. (0,96%), далее – до 1 года (0,46%), на остальные сроки приходится совсем незначительное число хозяйств. Динамика даёт более сложную картину: для I периода характерны только самые длительные сроки (от 1 года), на II подавляющее большинство (0,44 из 0,66%) закрепляется в срок 1 – 2 мес., III период в целом похож по расстановке на итоговый результат. Такая расстановка результатов говорит о тенденции улучшения условий водворения: заброшенные судьбой на край земли и незнакомые с местными условиями хозяйствования, крестьяне первое время терпели серьёзные убытки. Так, катастрофическое наводнение ле-

та 1868 г. уничтожило посеы крестьян Аввакумовского округа⁶⁸. Известно, что поселенцы на первом этапе сильно страдали от болезней и умирали целыми семьями, кроме того, большие убытки несли ежегодные разливы рек⁶⁹. Однако следует указать на то, что пионеры Ветки получили в пользование наделы живших здесь до них китайцев и самих китайцев как работников и арендаторов⁷⁰.

Показатели Сучанской волости значительно отличаются от показателей Ольгинской – с большим отрывом (1,99%) лидирует срок до 1 года, следующий по частоте показатель – до 1 мес. (1,83%), остальные показатели в сумме не могут конкурировать ни с одним из указанных. Процесс водворения отличается от итоговых показателей несущественно (при том, что I этап не представлен как следует): на II этапе лидируют сроки до 1 мес. и до 1 года, а на III – до 1 года. Следует отметить высокое количество хозяйств, водворявшихся в длительные сроки (на срок более 2 лет приходится около десятой части волостных показателей). Это косвенно подтверждается данными Н. М. Пржевальского, нашедшего в конце 60-х гг. жителей Владимировки и Александровки «в самом незавидном положении»⁷¹.

Цемухинская волость представлена очень слабо, в целом её показатели неблагоприятны – на срок водворения до 1 мес. приходится 0,09%, более 2 лет – 0,08%, 1 – 2 мес. – 0,03%, до 1 года – 0,01%. Таким образом, хотя большая часть хозяйств закрепляется в течение одного сезона, четверть, а это достаточно много, не может устроиться долгое время.

Раздольнинская волость также не может похвастаться хорошими условиями водворения. Большая часть опрошенных хозяйств по волости (1,03% от края) закреплялась на земле более 2 лет. Далее с большим отставанием (0,59%) располагается группа, на водворение хозяйств которой ушло около 1 года, остальные группы по количеству незначительны. Первый этап заселения, представленный очень слабо, демонстрирует преобладание высоких (более 2 лет) сроков водворения. Второй этап выдвигает более мягкие сроки – до 1 года (0,58%), а длительные сроки уходят на второе место (0,36%). Третий этап возвращает ситуацию в исходное состояние – абсолютное большинство хозяйств

закрепляется в максимальные сроки. Всё указанное имеет своим выражением то, что даже в 80-х гг. жители Раздольного не считали удобным для себя вести земледельческое хозяйство по причине отсутствия надлежащих природных условий, хотя дело было не только в этом, но и в возможности неземледельческих заработков посредством извоза⁷².

Рассматривая Южный район в целом (табл. 3.10), следует отметить такие его специфические черты, как а) большой количественный отрыв группы водворяющихся в течение 1 года и б) сопоставимое количество хозяйств, вселявшихся в другие сроки: на втором месте по числу – водворявшиеся в срок до 1 мес. (2,11%), затем водворявшихся от 1 до 2 лет и более 2 лет (по 1,90%), затем – водворявшихся от 1 до 2 мес. (1,55%). Таким образом, исходя из группировки хозяйств по срокам водворения, Южный район можно охарактеризовать как в целом благоприятный для водворения. Однако следует помнить, что приведённые показатели – следствие агрегирования противоречивых данных отдельных волостей.

Западный район есть один из самых населённых и представительных в хронологическом отношении, поскольку большинство первых поселений русских крестьян в Южно-Уссурийском крае разместилось именно здесь. В данную группу входят волости Суйфунская, Покровская, Борисовская, Григорьевская, Ханкайская (табл. 3.11).

Таблица 3.11. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Западном районе Южно-Уссурийского края Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	7	8	28	8	15	23	89
%	0,11	0,12	0,43	0,12	0,23	0,35	1,35
II	374	203	196	55	26	218	1072
%	5,70	3,09	2,98	0,84	0,40	3,32	16,33
III	198	192	172	19	30	127	738
%	3,02	2,92	2,62	0,29	0,46	1,93	11,24
∑	579	403	396	82	71	368	1899
%	8,82	6,14	6,03	1,25	1,08	5,61	28,93

Составлено по: таблица IV.3.

Большинство хозяйств Суйфунской волости (0,55%) разместились в крат-

чайшие сроки. Эта цифра принадлежит II периоду и, при взгляде на таблицу, стоит несколько особняком от остальных результатов данной волости, а они неутешительны – все остальные хозяйства размещались в срок, превышающий 2 мес. (0,20%), 1 год (0,09%) и 2 года (0,23%). При этом в рамках I и III периодов большинство хозяйств размещаются в срок, превышающий 2 года. Так, основатели с. Раковки (1884 г.) получали казённый хлеб в течение 2 лет⁷³.

Показатели Покровской волости более позитивны, поскольку основное количество водворившихся хозяйств приходится на короткие сроки. Суммарные данные распределяются следующим образом: на срок до 1 мес. приходится 1,69% водворившихся, 1 – 2 мес. – 0,99%, до 1 года – 0,82%, 1 – 2 года – 0,41%, более 2 лет – 0,17%; при этом показатели минимального срока на порядок превышает показатель срока максимального по длительности. Временная перспектива даёт похожую картину, однако баланс, идентичный итоговому, имеет только II период, в то время как I и III имеют некоторое смещение в сторону увеличения сроков водворения. Для первого периода характерен такой пример: первые 1,5 года основатели с. Покровка и с. Струговка пользовались казённым хлебом⁷⁴, а также безвозмездно получили скот и инвентарь. Первое обстоятельство даёт особенно яркую картину условий водворения первопоселенцев.

На фоне предыдущей Борисовская волость может показаться суровым краем, поскольку абсолютное большинство хозяйств во все периоды смогло закрепиться здесь в срок до 1 года, а на минимальный срок не приходится ни одного свидетельства.

Тенденции, которые можно наблюдать в Григорьевской волости, сопоставимы отчасти с вектором развития процесса вселения в Покровской: как по итоговому, так и по текущим показателям, лидерство последовательно принадлежит малым срокам водворения – в целом на срок до 1 мес. приходится 5,44%, далее «по списку» – 2,57, 2,22, 0,38, 0,24%. Единственно, следует указать на непредставительность I периода – положительных данных об этом времени просто нет.

Наконец, Ханкайская волость. Её показатели несколько смещены в сторону увеличения сроков, однако существует разрыв между сроками до 1 года и

более 1 года. Максимальное количество хозяйств (2,39%) устроились в течение 1 – 2 мес., до года устроилось несколько меньшее количество хозяйств (1,80%), до 1 мес. – ещё несколько менее (1,14%), на сроки до 2 лет и более 2 лет приходится одинаково малое количество хозяйств (0,32%). Водворение в Ханкайскую волость развивалось следующим образом: на I этапе более половины хозяйств смогло устроиться в течение года, на II этапе показатели менее дифференцированы, но с преобладанием позитивных сроков, то же можно отметить и для III периода. В качестве комментария к условиям водворения можно привести свидетельство начальника Ханкайского округа относящееся к 1873 г.: «почти все крестьяне Ханкайского округа подвергались по разным причинам значительным убыткам»⁷⁵, которые связаны главным образом с неблагоприятными или незнакомыми природными условиями – повышенной влажностью климата и наводнениями, неожиданными заморозками, занесёнными из сопредельных государств эпизоотиями и т. д.

Итак, в целом составляющие Западный район волости (табл. 3.11) имеют сопоставимые профили водворения с тенденцией к малым и средним малым срокам закрепления хозяйств. Итоговые показатели по району весьма любопытны. В целом по мере роста сроков водворения, количество хозяйств, к ним относящееся, падает скачкообразно: на срок до 1 мес. приходится 8,82% хозяйств, на сроки в 1 – 2 мес. и до 1 года – 6,14 и 6,63% соответственно, а на сроки 1 – 2 года и более 2 лет – 1,25 и 1,08% соответственно. Очевидна своеобразная группировка сроков, каждый из периодов водворения имеет свою внутреннюю конфигурацию сроков. I период можно назвать не вполне удачным для водворения, преобладают сроки до 1 года (0,43%) и свыше 2 лет (0,23%). II период по структуре сроков водворения полностью повторяет итоговые значения. Наконец – III имеет некую тенденцию к сглаживанию показателей внутри благоприятных сроков (последовательно – 3,02, 2,92, 2,62%). На переходе от I ко II периоду следует отметить тенденцию к сокращению сроков водворения, а при переходе от II к III периоду – так сказать «коррекцию»: некоторое сокращение разрыва внутри группы лидирующих сроков.

Восточный район представлен всего двумя волостями – Осиновской и Ивановской (табл. 3.12). Для первой характерно «правильное» распределение сроков – по мере нарастания длительности сроков убывает количество хозяйств, к ним относящееся, причём благоприятные сроки имеют большой отрыв от неблагоприятных: 1,80% – до 1 мес., по 1,08% на срок от 1 до 2 мес. и до 1 года и только по 0,21 и 0,14% на сроки 1 – 2 года и более 2 лет соответственно. Распределение по периодам практически совпадает с итоговым: показатели II периода симметричны итоговому, а III период имеет акценты на сроках до 1 мес. и до 1 года (по 0,29%). Следует отметить, что для селений Осиновской волости нет свидетельств о снабжении их казённым хлебом, что косвенно подтверждает короткие сроки водворения (то есть благодаря быстрому оседанию на землю хозяйства имели возможность в рамках первого же сельскохозяйственного сезона запастись собственным хлебом).

С другой стороны известно, что к моменту опроса, на котором построен данный сюжет исследования, в Осиновке проживало так сказать «второе поколение» жителей – первое, старообрядцы, жили здесь с 1879 по 1888 гг.⁷⁶ Пионеры оставили вновь прибывшим свои угодья⁷⁷, что положительно сказалось на успехах водворения, его коротких сроках. В это же время данная партия старообрядцев, зная водный режим местных рек, успешно водворяется в новооснованной Петропавловке на месте неудачного поселения в 1886 г. переселенцев из России, основавших в ином месте д. Гордеевка⁷⁸.

Таблица 3.12. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Восточном районе Южно-Уссурийского края Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	0	0	0	0	0	3	3
%	0	0	0	0	0	0,03	0,03
II	157	182	82	28	17	48	514
%	2,39	2,77	1,25	0,43	0,26	0,73	7,83
III	107	76	145	5	19	18	370
%	1,63	1,16	2,21	0,08	0,29	0,27	5,64
∑	264	258	227	33	36	69	887
%	4,02	3,93	3,46	0,50	0,55	1,05	13,51

Составлено по: таблица IV.3.

Ивановская волость слабо представлена в рамках I периода, почему последний в расчёт приниматься не будет. Итоговое распределение имеет следующий вид: наибольшее количество хозяйств (2,85%) водворяется в срок 1 – 2 мес., в менее благоприятных условиях, до 1 года, оказывается несколько меньшее число хозяйств (2,38%), в срок до 1 мес. водворяется почти такое же количество (2,22%). На фоне представленных, остальные показатели незначительны по размерам. К специфике отдельных периодов можно отнести несколько меньшую дифференциацию показателей в рамках II периода и различную пропорцию распределения хозяйств по срокам водворения (при том, что в целом ситуация находится в региональной норме): большая часть поселенцев водворялась в рамках II периода на сроки 1 – 2 мес. (1,84%) и до 1 мес. (0,88%), III – до 1 года (1,92%) и до 1 мес. (1,39%). В контексте хороших показателей интересен опыт жителей Сысоевки (основана в 1889 г.), которые изначально сеяли хлеб по увалам и потому не страдали от наводнений⁷⁹, при том, что их многие соседи вполне почувствовали губительную силу наводнений⁸⁰. Это очевидно доказывает передачу опыта от старожилов к заселяющимся переселенцам. Интересный факт – первопоселенцы д. Каменка (1900 г.) имели собственный хлеб на третий год, покупая первое время хлеб у китайцев⁸¹, эти пионеры имели предшествующим местом жительства Амурскую область, то есть у них был опыт переселения и вселения на Дальнем Востоке. Это можно сказать о многих засельщиках Восточного (достаточно сложного по природным и иным условиям) района, возможно, с этим же и связаны его интересные показатели.

Общая картина по району (табл. 3.12), как и в предыдущем случае, может быть определена как «правильная» – убывание числа хозяйств с высокими сроками водворения и существенное отставание небольших сроков (4,02, 3,93, 3,46% против 0,50 и 0,55%). По периодам распределение имеет другой порядок с тенденцией к увеличению сроков водворения от II к III периодам: II период – 1 – 2 мес. (2,77%), до 1 мес. (2,39%), до 1 года (1,25%); III период – до 1 года (2,21%), до 1 мес. (1,63%), 1 – 2 мес. (1,16%). К характеристике можно добавить абсолютный отрыв благоприятных сроков водворения от остальных.

К северному району относятся такие волости, как Черниговская, Спасская, Зеньковская (табл. 3.13).

Таблица 3.13. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Северном районе Южно-Уссурийского края Приморской области

Период	Срок водворения хозяйства						Всего
	До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
I	0	1	1	1	1	0	4
%	0	0,01	0,01	0,01	0,01	0	0,06
II	452	371	306	37	17	214	1397
%	6,89	5,65	4,66	0,56	0,26	3,26	21,28
III	264	358	380	10	18	86	1216
%	5,54	5,45	5,79	0,15	0,27	1,31	18,52
Σ	816	730	687	48	36	300	2617
%	12,43	11,12	10,47	0,73	0,55	4,57	39,87

Составлено по: таблица VI.3.

Черниговская волость имеет уже известное распределение сроков – наибольшее число семей устроилось в срок до 1 мес. (5,39%), затем – до 1 года (3,81%), затем – 1 – 2 мес. (2,74%); остальные сроки имеют незначительное число семей, на порядок уступающих вышеуказанным. Для II периода характерно «правильное» распределение хозяйств по срокам водворения – последовательно от меньших сроков к большим уменьшается количество хозяйств: 3,96%, 1,64%, 1,57%, 0,43%, 0,15%. Налицо дифференциация сроков и серьёзный отрыв «лидера» от «основной группы» (1 – 2 мес., до 1 года) и радикальное отставание длительных сроков. III этап также имеет характерное, можно сказать «типичное» распределение: по количеству семей на первом месте находится срок до 1 года (2,24%), затем – сроки до 1 мес. (1,43%), далее – 1 – 2 мес. (1,10%). Разрыв между показателями соотносим с предыдущим периодом. Данные содержательных опросов подтверждают благоприятную картину водворения. Не считая д. Халкидон, угодья которой страдали от наводнений⁸², селения располагались в довольно удачных местах, что позволяло сразу же взяться за распашку и посевы⁸³. Именно эти обстоятельства, вероятно, легли в основу высоких показателей Черниговской волости.

Спасская волость, в отличие от остальных в данной группе, имеет данные по I этапу, однако состояние их таково, что можно лишь отметить общую ситуа-

цию. Показатели равномерно распределились по всем срокам, кроме первого, то есть можно отметить достаточно благоприятную ситуацию водворения с уклоном в сторону увеличения сроков. На II этапе баланс смещается в корне – всех опережает срок в 1 – 2 мес. (3,52%), далее с существенным отрывом располагаются сроки до 1 мес. и до 1 года (2,50 и 1,83%). III этап даёт несколько менее благоприятную картину – до 1 года (2,60), 1 – 2 мес. (2,57), до 1 мес. (1,84%); особенность данного этапа есть отсутствие дифференциации в группе высоких показателей, то есть более равномерное распределение хозяйств по категориям времени водворения. Несмотря на последний факт ситуация в целом по волости складывается в соответствии с показателями массового II этапа. При этом типично выделяются группы: опережающая (срок 1 – 2 мес., 6,26%), средняя группа (до 1 года, 2,95%; до 1 мес., 2,82%), отстающие (по 0,12%).

Для Спасского, а надо полагать – и для других селений волости тоже, для 80-х гг. существует негативное обстоятельство, могущее отчасти служить препятствием к быстрому и успешному водворению: бездорожье и малолюдье⁸⁴. Это ещё раз заставляет подчеркнуть большое значение социальных и экономических факторов в процессе водворения, заселения новых территорий⁸⁵. Вместе с тем, оно не объясняет, даже при учёте затопляемости угодий многих селений⁸⁶, динамику водворения от II к III периоду. В качестве дополнения, следует указать на то, что в позднейшее время новые селения располагались в предгорьях Даубихинского (Синего) хребта, лесной зоне, что усложняло новосёлам дело утверждения на земле. Так, жители д. Калиновка (1900 г.) почти сразу после вселения на участки (а именно – в 1901 г.) ходатайствовали о прирезке удобных для земледелия открытых земель⁸⁷.

Зеньковская волость имеет «правильное» итоговое распределение хозяйств со слабой дифференциацией в массовой группе и серьёзно отстающими; последовательность – 2,70, 2,27, 2,21, 0,09, 0,09%. Такая картина образуется сочетанием показателей II и III этапов, имеющих разный вектор. Для II этапа характерна обратная последовательность: от срока в 1 год (1,26%) через 1 – 2 мес. (0,49%) к сроку до 1 мес. (0,43%). III этап согласуется в своих пропорциях с

итоговыми волостными показателями. Наибольшая трудность, с которой столкнулись многие первопоселенцы – разработка целины из-под леса⁸⁸. Таким образом становится понятен смысл слабой дифференциации кратких сроков вселения для деревень Зеньковской волости.

Рассматривая результаты Северного района в целом (табл. 3.13), следует отметить «правильное» итоговое распределение с относительно близкими показателями в группе с массовыми результатами: до 1 мес. 12,43%, 1 – 2 мес. 11,12%, до 1 года 10,47%; а также надо указать на серьёзный отрыв длительных сроков – 0,73 и 0,55%. Это позволяет заключить о приемлемых условиях водворения, когда большая часть хозяйств имела возможность выбора мест вселения. Динамика показателей свидетельствует о постепенном ухудшении условий вселения: II этап имеет «правильное» распределение, а III – «типичное» с первенством сроков до 1 года и до 1 мес.

Рассматривая распределение сроков водворения хозяйств по отдельным этапам, в первую очередь следует обратить внимание на особенное для каждого временного отрезка сочетание сроков. Для первого этапа водворения, происходящего на начало 60-х – начало 80-х гг. характерно такое распределение хозяйств по срокам, которое может быть охарактеризовано как неблагоприятное. Большая часть хозяйств (0,55%) водворяется в срок до 1 года, который вполне может захватывать два сельскохозяйственных сезона (разумеется, не полностью). Второй по массовости группой хозяйств являются хозяйства, закрепившиеся в срок более 2 лет (0,28%); это очень неблагоприятный показатель, суть которого заключается в том, что крестьяне могли вовсе не иметь в течение этого срока урожая. Третьей группой являются закрепившиеся в срок 1 – 2 лет (0,13%). Наконец, наиболее благополучные показатели – 1 – 2 мес. и до 1 мес. насчитывают всего 0,11 и 0,08% соответственно. Очевидна «ступенчатая» структура распределения хозяйств по срокам водворения, когда разница между первым по длительности сроком, вторым и третьим составляет около двух крат: 0,55, 0,28 и 0,13%.

Показатели второго этапа имеют существенно иной характер. Во-первых,

изменяется расстановка сроков водворения – лидируют короткие сроки: больше всего хозяйств водворялось в срок до 1 мес. (15,49%), затем – в срок до 1 года (10,67%) и в срок 1 – 2 мес. (10,58%). Неблагоприятные сроки водворения представлены очень слабо и отстают почти на порядок – это вторая существенная черта второго этапа. Чем можно объяснить эти особенности? С одной стороны смещением колонизации на юг, в более благоприятные для сельского хозяйства районы, с другой – большим знакомством с территориями вселения, наконец – с выработкой адекватной политики местной администрации в отношении переселенцев.

Третий этап сохраняет общие черты второго, не считая одного момента – изменение расстановки сроков внутри «группы лидеров». Так, чаще всего на устройство хозяйства затрачивают до 1 года времени (14,50%), чуть менее – до 1 мес. (14,00%), затем – 1 – 2 мес. (13,85%). Налицо три тенденции: во-первых, можно отметить чётко обозначившееся (и существующее со второго этапа) выравнивание распространённых сроков водворения: по порядку – 14,50, 14,00, 13,85%; во-вторых, относительное увеличение сроков водворения; в-третьих, сохраняющийся принципиальный отрыв по количеству хозяйств коротких сроков водворения от сроков длительных. Последнее обстоятельство можно объяснить сохранением достаточно благоприятных условий водворения, причём эти условия лежат как в естественной, так и в социальной плоскости. Вторая тенденция может быть объяснена тем, что фокус заселения во второй половине 90-х годов постепенно смещается в сторону Северно-Уссурийского края, в сущности дикого и неосвоенного. Первая тенденция, надо полагать, является случаем второй, поэтому может быть объяснена теми же доводами.

На уровне волостей и периодов вселения можно рассмотреть общий ход расселения, в качестве дополнительного средства анализа имея специальную группировку сроков вселения. В данном случае весь изучаемый регион разведён на две части: Амурский и Северно-Уссурийский края с одной стороны и Южно-Уссурийский край с другой. Такое деление объясняется, во-первых, близостью многих черт, присущих Амурскому и Северно-Уссурийскому краям, во-вторых,

соображениями экономии – по группам распределено сопоставимое количество волостей в пределах трёх территорий.

Группировка сроков вселения опирается на обзор этих сроков, данный в начале текущего параграфа (стр. 166): к базовой категории благоприятных сроков (А) относятся сроки до 1 мес. и 1 – 2 мес., к базовой категории удовлетворительных сроков (В) относится срок до 1 года, к базовой категории неблагоприятных сроков (С) относятся сроки 1 – 2 года и более 2 лет. Опыт обобщения в такой схеме (табл. IV.4 – IV.6) показывает, что многие волости не имеют однозначной позиции между выявленными базовыми категориями сроков, а возвращение к опыту исходных сроков как категорий неэффективно. Это подталкивает к выделению группы дополнительных сроков, промежуточных относительно базовых (АВ, ВС, СА – табл. 3.14).

В соответствии с данными табл. 3.14, северные и центральные территории юга Приморской области имеют широкий диапазон сроков вселения. При этом амурские волости тяготеют к длительным срокам вселения, а уссурийские – к кратким. Объяснить это можно в целом спецификой природных условий и истории водворения: так сложилось, что чем южнее и континентальнее, тем мягче климат и свободнее политика администрации в отношении переселенцев. Вместе с тем, необходимо отметить интересный факт. Из вышеизложенного материала можно было полагать наличие тенденции (возможно не вполне однозначной и последовательной) к сокращению сроков водворения. Однако пример рассматриваемых территорий убеждает в обратном: от первого периода ко второму и третьему можно наблюдать увеличение сроков водворения, особенно это характерно для северных уссурийских волостей, в то время как южные стабильно держат краткие или удовлетворительные сроки. К объяснению данного феномена вернёмся позже.

Таблица 3.14. Распределение волостей по периодам вселения. Амурский и Северо-Уссурийский край

Период	Сроки вселения					
	А	АВ	В	ВС	С	СА
I		Нижне-Тамбовская Троицкая				
II	Тихоновская Успенская		Троицкая Тунгусская Киинская Лутковская Веденская		Николо-Александровская	
III	Киинская Лутковская Тихоновская Успенская		Веденская		Нижне-Тамбовская	Николо-Александровская Тунгусская
Σ	Киинская Лутковская Тихоновская Успенская		Нижне-Тамбовская, Троицкая, Веденская		Николо-Александровская	Тунгусская

Составлено по: таблицы IV.4, IV.5.

Сопоставляя результаты по северным и южным волостям (табл. 3.15, 3.16 и 3.17), можно отметить следующие расхождения. Во-первых, для южных округ характерна меньшая амплитуда сроков, их так сказать, большая определённость: дополнительные сроки выпали только на Цемухинскую волость в III периоде. Это обстоятельство особым образом раскрывает условия водворения. Во-вторых, в отличие от северных и центральных волостей, южные в большей степени концентрируются в области благоприятных сроков водворения. Однако здесь, как уже отмечалось, следует видеть влияние не только природных, но и социальных факторов.

Интересен факт превосходства северных округ по срокам водворения над южными на первом периоде водворения. Относительно суровые в природном отношении Нижне-Тамбовская и Троицкая волости встречают переселенцев лучшими условиями водворения, чем благодатные Ханкайская и Борисовская, не говоря о Раздольнинской или Ольгинской. В данном случае очевидно, что достаточно высокая степень освоённости может иметь приоритет даже пе-

ред выгодными природными условиями, а в рамках крестьянской колонизации, для которой природный фактор чрезвычайно важен, это примечательный факт.

Таблица 3.15. Распределение волостей по периодам вселения. Южно-Уссурийский край

Период	Сроки вселения					
	А	АВ	В	ВС	С	СА
I			Борисовская Ханкайская		Ольгинская Раздольнинская	
					Суйфунская Спасская	
II	Ольгинская Сучанская Цемухинская Осиновская Ивановская Суйфунская Покровская Григорьевская Ханкайская Черниговская Спасская		Раздольнинская Борисовская Зеньковская			
III	Ольгинская Осиновская Ивановская Покровская Григорьевская Ханкайская Черниговская Спасская Зеньковская		Борисовская Сучанская		Раздольнинская Суйфунская	Цемухинская
Σ	Ольгинская Сучанская Цемухинская Осиновская Ивановская Суйфунская Покровская Григорьевская Ханкайская Спасская Черниговская Зеньковская		Борисовская		Раздольнинская	

Составлено по: таблица IV.6.

Сравнивая регионы в рамках второго периода, можно отметить приоритет

южных районов в плане успехов водворения. Так, южно-уссурийские волости в большей части своей относятся к группе А, в то время, как северно-уссурийские и амурские – к группе В. В данном случае можно заключить о превосходстве южных волостей по большей части параметров сравнения, что и подтверждается фактами: в рамках второго периода юг располагал сопоставимой с Амуром сетью крестьянских селений, основные районы Южно-Уссурийского края были соединены сухопутными дорогами, было развито речное сообщение, власть была вооружена внятной колонизационной политикой, регион привлекал внимание переселенцев больше, чем Амур и тем более неизвестная тогда ещё Уссури.

Выявленная для второго периода тенденция продолжается и в третьем: северные и центральные округа рассредоточены по срокам в большей степени, чем южные. Характеризуя эту ситуацию, однако, следует помнить о том, что северные и центральные волости на всём протяжении изучаемого периода показывают стабильно не вполне благоприятную картину по срокам водворения. В это же время, южно-уссурийские волости в своих показателях оказываются более динамичными: картина в данном регионе от периода к периоду изменяется заметно по сравнению с Северно-Уссурийским и Амурским краями. Помимо уже данных объяснений, которые к данной ситуации также имеют отношение, можно отметить ещё одно обстоятельство: думается, немаловажное значение имеет массовый приток новосёлов, который заставляет изменяться условия водворения и, соответственно, его сроки и некоторые характеристики.

Наконец, итоговые результаты, которые для обоих выделенных ареалов похожи в группировке волостей, сосредотачивающихся, за малым исключением, на базовых сроках – А, В и С (табл. 3.16). Каким же образом, однако, можно объяснить меньший итоговый разброс и чистоту типов? Кстати отметить, похожая картина свойственна и уровню отдельных волостей и их групп – большая разница в значениях показателей водворения.

Таблица 3.16. Распределение регионов по периодам вселения. Приморская область в целом

Период	Сроки вселения					
	А	АВ	В	ВС	С	СА
I			АМ, ПО	ЗЮУ	ЮЮУ, СЮУ	
II	ЮСУ, ЮЮУ, ВЮУ, ЗЮУ, СЮУ, ЮУ, ПО		АМ, ССУ СУ			
III	ССУ, ЮСУ, СУ, ВЮУ, ЗЮУ, СЮУ, ЮУ, ПО	АМ		АМ		АМ ЮЮУ
Σ	ССУ, ЮСУ, СУ, ЮЮУ, ВЮУ, ЗЮУ, СЮУ, ЮУ, ПО		АМ			

Примечание. Используемые аббревиатуры имеют следующее значение: ПО – Приморская область, АМ – Амурский край, СУ – Северо-Уссурийский край, ССУ – северный район Северо-Уссурийского края, ЮСУ – южный район Северо-Уссурийского края, ЮУ – Южно-Уссурийский край, ЮЮУ – южный район Южно-Уссурийского края, ЗЮУ – западный район Южно-Уссурийского края, ВЮУ – восточный район Южно-Уссурийского края, СЮУ – северный район Южно-Уссурийского края.

Составлено по: Приложение IV, таблицы 4 – 7.

Это обстоятельство вполне может быть сродни поляризации, исчерпывающе объяснить такое положение, исходя из имеющихся данных, невозможно. Прояснение сути такого сочетания сроков возможно в результате подключения к исследованию новых данных, а именно – социальный состав и другие социальные характеристики поселенцев, особенности истории и устройства их хозяйства, как на родине, так и в Приморской области. После прояснения подобных обстоятельств картина водворения приобретёт полноту, а история расселения получит ещё одно измерение.

Информация, содержащаяся в табл. 3.17 даёт картину расселения и водворения в сжатом, наглядном виде. Итоговые данные по области за изучаемый период в динамике демонстрируют общее сокращение сроков вселения как по отдельным краям, так и по области в целом. Как уже отмечалось выше, примечательно лидерство Амурского края по срокам на первом этапе, что можно объяснить удалённостью и необжитостью Южно-Уссурийских территорий. Второй и третий этапы показывают достижения колонизации, наилучшим образом характеризуют сроки вселения. «Странное» положение Амурского края на третьем этапе объясняется в сущности недостатком данных (табл. IV.4).

Неожиданным может показаться на третьем этапе положение Южного района Южно-Уссурийского края. Категория СА есть отражение крайне противоречивого сочетания сроков вселения, в соответствии с которым можно наблюдать поляризацию сроков вселения (табл. 3.11, табл. IV.6). Это можно объяснить с одной стороны (А) достаточно выгодными природными условиями (стр. 58), с другой же (С) – сокращением колонизационного земельного фонда в данном районе (как, впрочем, и других в Южно-Уссурийском крае) и необходимостью размещать переселенцев в недостаточно удобных местах – горных, лесных, удалённых, приморских (стр. 156).

Вместе с тем, итоговые показатели распределения регионов по периодам вселения демонстрируют повсеместно успешное вселение, что вполне оправданно, если учесть масштабы переселения в Приморскую область на рубеже XIX – XX вв.

В таблице 3.17 в сжатом виде представлены результаты районирования Приморской области на края (§1.1) и волости (§2.2), исследования транспортной обеспеченности волостей (§2.1), указаны индекс природного потенциала территориальных единиц (Главы 1 и 2), длительность водворения (§3.3). Такие данные, как распределение жителей по волостям, количество селений в волостях, длительность заполнения территории селениями специально рассчитаны для данной таблицы по указанным источникам.

Таблица 3.17. Особенности заселения волостей Приморской области по состоянию на конец XIX в.

Волость	Доля жителей, %*	Количество селений	Заселяется с этапа	Заселяется, лет**	Длительность сроков водворения	Индекс транспортной обеспеченности***	Индекс природного потенциала
Нижний Амур							
Сергиевская	1,01	7	I	37 (11)	-	1	I
Больше-Михайловская	0,99	13	I	12	-	1	I
Мариинско-Успенская	0,81	2	I	1	-	1	I
Нижне-Тамбовская	1,68	13	I	3	B	1	I
Троицкая	1,26	6	I (III)	36 (2)	B	3	IIa

Северно-Уссурийский край							
Николо-Александровская	1,56	6	I	38 (8)	C	4	III
Тунгусская	0,51	4	III	8	CA	1	IIb
Киинская	3,78	11	III	5	A	3	III
Лутковская	3,86	13	III	6	A	4	III
Успенская****	4,06	11	III	9	A	5	III
Тихоновская	1,00	3	IV	2	A	4	III
Южно-Уссурийский край							
Ханкайская	8,16	11	I	23	A	3	IIb
Суйфунская	3,62	5	I	19	A	5	IIb
Раздольнинская	2,56	15	I	34	C	6	IIb
Цимухинская	6,91	19	I	35	A	3	III
Сучанская	5,99	22	I	35	A	3	IIb
Ольгинский участок	0,79	5	I	37	A	2	IIa
Зеньковская	5,27	10	II	10	A	5	IIb
Ивановская	6,17	16	II	28	A	2	IIa
Михайловская	4,92	4	II	25	-	5	IIb
Покровская	4,83	3	II	25	A	2	IIb
Спасская	7,99	12	III	13	A	5	IIb
Черниговская	7,44	8	III	13	A	5	IIb
Осиновская	3,99	4	III	15	A	2	IIb
Григорьевская	9,64	9	III	14	A	3	IIb
Борисовская	1,11	4	III	17	B	2	IIb

* Количество жителей в волостях рассчитано по состоянию на 1.01.1900 г., показатели селений, помеченные **жирным шрифтом**, имеют включённые данные за 1900 г.

** Период заселения считается от основания первого в данной волости селения до основания последнего, для волостей, преимущественное заселение которых приходится только на часть периода, в скобках указано количество лет, на которые приходится преимущественное заселение.

*** Комментарии см. стр. 94.

**** В т. ч. селения будущей Веденской волости.

Составлено по: Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. С. 243 – 254; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений). Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912. С. XIII – XXII; таблица III.2; таблицы 2.6, 3.15, 3.16.

Итак, рассматривая положение волостей Амурского края, можно отметить черты, как сближающие их между собой, так и отличающие их от волостей других местностей области. Самое первое, что обращает на себя внимание, это краткие сроки вселения. Оценка этому явлению была дана выше. Вместе с тем нелишне будет отметить, что волости, относящиеся к Удской округе, имеют относительно длительную историю заселения, что можно связать с запоздавшим «открытием» крестьянами Южно-Уссурийского края; самые северные волости, основанные раньше, имели больше возможностей (то есть времени) к заселению. Ещё одна черта северного региона расселения – малочисленное население, что соотносимо с количеством лет вселения: имея сопоставимое с другими ре-

гионами количество селений на волость, Амурский край не может похвастаться их людностью. Наконец, будучи в уникальной ситуации, северные волости имеют среднюю длительность водворения хозяйств. Сближает северные волости и невысокий индекс транспортной обеспеченности, что естественно в условиях практически полного бездорожья и существовании одного типа путей – водного. Отмеченные невысокие социальные показатели венчаются неудовлетворительными показателями природных условий, вносящими ещё большую определённость в невыгодное положение северных волостей.

Северно-Уссурийский край занимает в общей схеме неоднозначную позицию. С одной стороны, большая часть его территорий находится в крайне благоприятных природных условиях, соответственно располагает краткими сроками водворения, однако уровень заселённости недостаточно высок. Интересна ситуация с транспортной обеспеченностью: железная дорога (вкуче с локальными подъездными путями) придает большую транспортную привлекательность северно-уссурийским волостям, эти волости лежат по берегам достаточно крупных и вполне судоходных, особенно в нижнем течении, рек. С другой стороны, исследование останавливается в отношении Северно-Уссурийского края буквально на взлёте заселения (рис. III.1, III.2). Именно это и может объяснить отставание Приуссурийских территорий от Зауссурийских по количеству селений и жителей.

Земли, составляющие Южно-Уссурийский край, предлагают новосёлам подчас разные условия, что и отражается в данной выше схеме. По причине высокой интенсивности заселения южного края в качестве исходного пункта анализа положения южно-уссурийских волостей следует принять давность существования их селений, а заключительного – природные условия. Волости, селения которых существовали с первого этапа, находятся, пожалуй, на самых разных уровнях развития. Это имеет основания в непохожих условиях: природных, транспортных; вместе с тем, сроки водворения не только в этой группе, но в целом по краю сходны, что можно объяснить начальным, экстенсивным характером освоения. Волости, ведущие свою историю со второго этапа заселения об-

ласти, разнятся между собой главным образом степенью транспортной обеспеченности – наличием или отсутствием железной дороги. Учитывая, что этот фактор относится к достаточно позднему времени, можно вынести его за рамки рассмотрения. Примерно то же самое можно сказать и о волостях третьего этапа – селения, их составляющие, находятся к концу века на сходном уровне развития, несмотря на некоторую разницу в условиях существования. Из всех трёх описываемых регионов Южно-Уссурийский, в указанные сроки, в наибольшей степени реализовал собственный потенциал заселения.

¹ См. например: Речь К. К. Куртеева // Записки Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Т. VII. Вып. II (юбилейный). – Б. м., б. и., 1908. С. 38 — 53.

² Буссе Ф. Ф. Переселение морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. С. 35.

³ Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. – М.: б. и., 1896. С. 13.

⁴ Рыкунова Г. А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50 — 60-е годы XIX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России: Сборник тезисов, докладов и сообщений международной научной конференции. Кн. II. — Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. С. 43.

⁵ Существует похожий вариант периодизации истории заселения: Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. — СПб.: издание Е. Д. Кусковой, 1904. С. 66, 70.

⁶ Площадь Николаевской округи оценивалось в 88902,6 кв. в., Софийской – 186084,6 кв. в., Южно-Уссурийской – 167874,6 кв. в. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVI. Приморская область. Тетрадь 3 (последняя). Б. м., б. и. 1905. С. VI.

⁷ Район Амура близ устья Усури, даже левый берег, отнесен к Северно-Уссурийскому краю, поскольку в случае заселения данный район тяготеет именно к Усури, а селения, основанные в этих местах, продолжают ось заселения, пролегающую вдоль Усури. Кроме того, район устья Усури – это единственное место по Амуру в пределах Приморской области, где в конце XIX в. основывались крестьянские селения; это обстоятельство также привязывает тамошние сёла и деревни к Усури. Подробнее об этом см. стр. 60 и след.

⁸ Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура // Журнал предварительного междведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. Б. м. Б. г. Приложение №3. С. 2.

⁹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае // Библиотека для чтения. – 1869. – Т. VIII – XII. С. 65 – 129. С. 110.

¹⁰ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с. С. 209.

¹¹ Там же.

¹² Мевзос Г. М. Население Дальнего Востока, его состав и изменения // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек / Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 17 – 29. С. 20; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с. С. 231 – 232.

¹³ См., например: Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура. Приложение №3. С. 5; РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 85 об. – 87.

¹⁴ См также представление начальника Удской округи генерал-губернатору, 1900 г., об условиях земледелия в округе: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 103. Л. 57 об. – 58.

¹⁵ Однако недостаточны, судя по отзывам, для комфортного возделывания, см.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 227.

¹⁶ РГИА ДВ Ф. 1.. Оп. 1. Д. 320. Л. 187 – 187 об.

¹⁷ См., например: Маак Р. Путешествие на Амур. С. 58 – 59.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 103. Л. 57 об – 58.

¹⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 17 – 17 об.; ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1а. Л. 33 – 33 об.

²⁰ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Том V. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. Хабаровск: б. и., 1893. С. 42 – 43.

²¹ Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура. С. 3.

²² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 93 об. – 94.

- ²³ Об этом можно судить по: Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений) / Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912. С. 533.
- ²⁴ О размещении военных постов см.: Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858 – 1917 гг.) // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XV. – Владивосток: ДВКИ, 1966. С. 63.
- ²⁵ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 134.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 92.
- ²⁸ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем. С. 135.
- ²⁹ Имеется альтернативный вариант: существование в конце XIX в. двух центров заселения Уссурийского края вообще – Владивостока и Имана. См.: Гусельникова Т. Н., О. В. Кучук, В. В. Совастеев Характерные черты и особенности колонизации Северного Приморья в конце XIX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России. Сборник тезисов... Книга II. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 50. Проводимый в данной работе анализ не подтверждает подобные выводы.
- ³⁰ К началу XX века относится замечание о том, что в области только хабаровский переселенческий пункт (были ещё: владивостокский, иманский, анучинский) не испытывал недостатка в жилых площадях для переселенцев. См.: Отчет М. А. Никольского о командировке в Приморскую область. – Полтава: б. и., 1907. С. 12.
- ³¹ Меньшиков А. Очерк заселения низового Амура. С. 6.
- ³² Т. е. в пределах отдельно взятого хозяйства. Только вырубка леса как преобразование природного ландшафта носила хотя и не организованный, но массовый характер – см. Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 132. Также о стихийности осушения болот в Уссурийском крае см.: Отчет по командировке в Приамурский край летом 1901 г. чиновников Канцелярии Совета Министров Сосновского, Шишкина и графа Апраксина. – СПб.: б. и., 1902. С. 11 – 12.
- ³³ Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России в 1855 – 1917 гг.: постановка проблемы // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века): Материалы международной научной конференции... – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 232.
- ³⁴ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 34 – 39.
- ³⁵ История Сибири с древнейших времён до наших дней. В пяти томах. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л.: Наука, 1968. С. 24.
- ³⁶ Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 240 с. С. 21 – 22.
- ³⁷ Там же. С. 23.
- ³⁸ Там же. С. 25.
- ³⁹ Для 1883 года имеется информация об уклонении от нормы количества семей, размещаемых в новоосновываемом селении, см.: Представление военного губернатора Приморской области Генерал-Губернатору от 24 января 1883 года за №433, о распоряжениях по делу переселения в Южно-Уссурийский край // Сборник главных официальных документов по управлению Восточную Сибирью. Том II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. III. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край и устройстве там 1^й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1882 году. – Иркутск: б. и., 1884. С. 75.
- ⁴⁰ Формально периодизация имеет несколько иной, менее оригинальный, вид, однако в качестве рабочего инструмента исследования составителем используется тот вариант, о котором идёт речь далее в настоящей работе.
- ⁴¹ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III (текст). – Саратов: б. и., 1912. С. XXXII.
- ⁴² Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том I (таблицы). – Саратов: б. и., 1911. С. 44 – 45.
- ⁴³ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Том III (текст). С. XXXII.
- ⁴⁴ Материалы IV Хабаровского съезда / Под ред. Н. В. Слюнина. – Хабаровск: б. и., 1903. Протокол. С. 7.
- ⁴⁵ Гауффе Н. Мирские повинности // Там же. Доклады и материалы. С. 96.
- ⁴⁶ Там же. С. 97, 96.
- ⁴⁷ Сибирское переселение (Дальний Восток). Переселение в Амурскую область и Уссурийский край. – Хабаровск: Редакция газеты «Свободное слово», 1906. С. 5.
- ⁴⁸ Для неё сроки возникновения благоприятных условий водворения можно отнести к началу-середине 80-х гг.
- ⁴⁹ Надаров Ив. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. IV, вып. IV. – Хабаровск, 1898. С. 39 – 71. С. 66 – 67.
- ⁵⁰ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 24.
- ⁵¹ Там же. С. 25.
- ⁵² ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 197 – 197 об.
- ⁵³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 685 об.
- ⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 391.
- ⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 12. Л. 10 об.
- ⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 103. Л. 57 – 58.

- ⁵⁷ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае // Библиотека для чтения. – 1869. – Т. VIII – XII. С. 65 – 129. С. 109.
- ⁵⁸ Муров Г. Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Том. II. – М.: б. и., 1911. С. 296.
- ⁵⁹ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Том V. Вып. 1. С. 42.
- ⁶⁰ Там же. С. 43.
- ⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 19 – 19 об.
- ⁶² ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 197.
- ⁶³ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений). Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева. – Саратов: б. и., 1912. С. 39, 42, 46 и др.
- ⁶⁴ Сильницкий А., Иванов М. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. – Хабаровск: б. и., 1901. С. 66.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ См., например: там же. С. 39 – 56.
- ⁶⁷ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 23 – 24; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 275 об. – 276 об.
- ⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 121. Л. 22 – 22 об.
- ⁶⁹ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений). С. 533, 538.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. С. 168.
- ⁷² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 12. Л. 9 об. – 10.
- ⁷³ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. С. 327.
- ⁷⁴ Там же. С. 317 – 318, 324.
- ⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 286. Л. 37.
- ⁷⁶ Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С. 27. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. С. 241.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 343.
- ⁷⁹ Там же. С. 351.
- ⁸⁰ См. например: Там же. С. 343, 355 и др.
- ⁸¹ Там же. С. 340.
- ⁸² Там же. С. 204.
- ⁸³ Там же. С. 200, 209 и др.
- ⁸⁴ Там же. С. 145.
- ⁸⁵ Об этом в отношении Спасской волости см.: Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. С. 70.
- ⁸⁶ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. С. 159, 163 и др.
- ⁸⁷ ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 4а. Л. 12.
- ⁸⁸ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. С. 122 – 143.

Заключение

На протяжении большей части второй половины XIX века русское Приамурье испытывало недостаток населения, что сказывалось на развитии экономики региона, но наибольшей угрозе по причине незаселённости подвергалась военно-политическая безопасность России на тихоокеанском побережье. Таким образом, крестьянская колонизация Приморской области (и в немалой степени – эффективное расселение крестьян) выступала средством решения многих проблем: уменьшения малоземелья в центральных районах страны за счёт переселения «лишнего» населения, экономического развития окраины государства, обеспечения надёжного тыла России на Дальнем Востоке.

Представленная в работе схема крестьянского расселения по Приморской области позволяет увидеть внутренние механизмы данного процесса, в частности, а) основания порядка занятия отдельных местностей, б) последовательность занятия территорий, в) причины выбора переселенцами для водворения селений разного времени основания. Среди особенностей крестьянского расселения следует указать на «волновой» характер занятия территории: для каждого из периодов заселения этих территорий выявлены центр и периферия процесса.

В рамках изучаемого отрезка времени в контексте крестьянской колонизации южная часть Приморской области имеет особую территориальную структуру, включающую три «края»: Амурский, Северно-Уссурийский, Южно-Уссурийский. Каждый из них имеет специфическую историю колонизации и особенности устройства поверхности, то есть временные и пространственные характеристики. Так, для всех краёв выявлены периоды начального и массового расселения крестьянства. Для Амурского края этап начального заселения (он же – «массового», что обусловлено как спецификой природных условий Нижнего Амура, так и историческими условиями начала русской колонизации Приамурья в середине XIX в.), продолжается с 1855 по 1861 гг., Южно-Уссурийский край начинает осваиваться русскими крестьянами только с 1861 года, а период массового вселения приходится на 1883 – 1897 гг. Для Северно-

Уссурийского края, отстающего от остальных, период начального заселения – 90-е гг., а период массового заселения – 1898 – 1900 гг., в границах изучаемого периода (массовое вселение в край продолжается до 1903 г.).

Причины такого сдвига в заселении близких друг другу районов следует видеть главным образом в социетальных условиях. Самым важным следует назвать порядок проникновения русских на территории Приморской области. Вектор движения был направлен сначала вниз по течению Амура в Амурский край (условно: северное направление), а затем со стороны моря в Южно-Уссурийский край (южное направление), которые и привлекли первых переселенцев. В результате занимающий срединное положение Северно-Уссурийский край надолго остаётся без крестьянского населения. Продвижение крестьян-переселенцев на Нижний Амур и Уссури происходит с запада и севера – по пути русского проникновения на эти территории. Раннее заселение территории Удской округи, в 50 – 60 е гг. (можно сказать – проект восточносибирского генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва), вызвано военно-политической необходимостью, как и занятие казаками западной кромки Северно-Уссурийского края. Южно-Уссурийский край заселяется преимущественно со стороны моря – начальное ядро расселения располагается в среднем течении Суйфуна, в 80-е распространяется на всё суйфуно-ханкайское пространство, а затем вытягивается в северо-восточном направлении, переходя на территорию Северно-Уссурийского края. Данное обстоятельство можно объяснить сочетанием социетальных и естественных условий. На долю последних относится выбор места преимущественного расселения – удобных для земледелия мест. Немалую роль в активизации процесса заселения Приморской области сыграла переселенческая политика 80-х гг., которой покровительствовали на Востоке России восточносибирский генерал-губернатор Д. Г. Анучин, приамурский генерал-губернатор Н. А. Корф, приморский губернатор Г. Ф. Эрдман, П. Ф. Унтербергер и др. Как показывает опыт 1883 – 1892 гг., пришедшихся на время массового заселения Южно-Уссурийского края, наиболее привлекательными пунктами водворения для крестьян-переселенцев были уже существующие новосельческие деревни.

Такой выбор переселенцев, с одной стороны, предоставлял достаточный минимум хозяйственной инфраструктуры, с другой – не сковывал развитие хозяйства, как это могло быть в старожильческих селениях (например, через дорогостоящие приёмные приговоры).

Следующий по важности фактор – система путей сообщения. Безальтернативно привязанный к амурскому водному пути, Амурский край испытывал все сезонные неудобства речного сообщения, что негативно сказывалось на транспортной привлекательности колонизируемого района. Уссурийский водный путь был всего лишь тупиковой веткой амурского, что негативно сказалось на темпах заселения Северно-Уссурийского края. Развитие морского сообщения с начала 80-х годов привело к плотному заселению южной оконечности области – Южно-Уссурийского края. Наконец, после проведения Уссурийской железной дороги – в конце 90-х гг. – для крестьян открывается доступный путь вглубь области – в Северно-Уссурийский край. Между дорожной обеспеченностью Южно-Уссурийского, а тем более Северно-Уссурийского, краёв и размещением крестьянского населения существует очевидная, хотя и несколько противоречивая связь. Уровень развития дорожной сети не поспевал за потребностями расселяющегося по области крестьянства: сухопутные дороги достаточной протяжённости были только в Южно-Уссурийском крае, а в период строительства Уссурийской железной дороги (90-е гг.) просёлочные дороги появились и в Северно-Уссурийском крае. В Амурском крае в XIX в. сквозной сухой путь так и не был организован, это привело к тому, что многие селения долгое время оставались в стороне от дорожной сети, что сдерживало наполнение территорий переселенцами. Массовое размещение населения оказалось возможно только в транспортно обеспеченных районах: в первую очередь, в Южно-Уссурийском крае, а также в местностях Северно-Уссурийского края, примыкающих к железной дороге.

По причине государственного характера морского переселения в 80-е – 90-е годы, в Уссурийском крае большая часть переселенцев шла на места вселения по указаниям Переселенческого управления или по советам старожилков;

это позволяло чиновникам регулировать потоки иммигрантов из России. Однако, как показывает опыт, границы свободы крестьян в выборе мест поселения были очень широкими, вплоть до нарушения буквы закона, регулирующего расселение. Это было обусловлено и слабостью административных органов, и лояльностью Переселенческого управления к крестьянам, особенно в первой половине 80-х гг., – в начале массового заселения Южно-Уссурийского края. Для начального (вторая половина 50-х – начало 60-х гг.) расселения крестьян в Амурском крае административный фактор (в лице военного начальства области) был определяющим, вступая в противоречие с природными условиями и подвергая хозяйство крестьян большим испытаниям, неоднократно приводя некоторые семьи к полному разорению. Заметную роль в истории крестьянского заселения Приморской области в XIX в. сыграло административное устройство области, а именно – занятие в начале 60-х гг. пространств Северно-Уссурийского края уссурийскими казаками, администрация которых, пасуя перед масштабным приселением крестьян на земли, лежащие в непосредственной близости от казачьих наделов, а также под нажимом областной и генерал-губернаторской власти, с 1894 г. уступает в Приуссурье место и гражданскому населению (земельный «отвод Духовского» для УКВ).

Итак, расселение крестьянства по южной части Приморской области во второй половине XIX в. имеет собственную, достаточно сложную времяпространственную структуру. В целом завися от природных условий, расселение испытывало определяющее влияние таких факторов, как политика местной и центральной власти в отношении крестьянства и состояние системы сообщений региона. Совершенствование административной системы и улучшение транспортных условий от одного этапа расселения к другому позитивно сказывались на скорости и географии расселения, позволяя крестьянам с большей эффективностью занимать всё новые, удобные для хозяйствования, территории.

Анализ сроков водворения позволил установить прямую зависимость вселения от административного и природного факторов, а также меру влияния данных сил. Серьёзное влияние на результаты анализа может оказать измене-

ние оценок предпочтительной скорости водворения в сторону удлинения сроков, произошедшее, надо полагать, в конце XIX в. под влиянием наплыва относительно безденежных и экономически маломощных хозяйств, которым требовались дополнительные средства и время для укоренения и подъёма. Главное же обстоятельство, повлиявшее на такой переход, – высокий спрос на рабочие руки: имея возможность к существованию без собственного хозяйства, новосёлы могли освоиться на месте не за один сезон, а за два-три. Для водворения природные факторы играют заметную роль, что связано с высокой чувствительностью хозяйства к условиям становления и начального развития. Только учитывая данное обстоятельство, можно признать косвенное влияние природных условий на расселение. Именно таким образом следует объяснять отлив (иногда – в форме тайного бегства!) крестьянского населения с Амура на юг области в 70-е гг. Природный фактор действует либо на макро-, либо на микроуровне рассмотрения процесса расселения. Макрозависимость выражается в рисунке общей конфигурации расселения, распределении его по краям и т. д. Микрозависимость проявляется в связи с условиями сельского хозяйствования и проживания в определённых местах.

Полученные в ходе исследования данные демонстрируют общее сокращение сроков вселения как по отдельным краям, так и по области в целом. Примечательна относительная краткость сроков водворения в Амурском крае на первом этапе (50 – 60-е гг.), что можно объяснить удалённостью и необязательностью Южно-Уссурийских территорий. Все следующие этапы показывают достижения колонизации, наилучшим образом характеризую динамику сроков вселения. В целом самые короткие сроки водворения, от 1 – 2 мес. до 1 года, свойственны внутренним районам области: территориям вдоль течения р. Уссури, окрестностям оз. Ханка. Избранный масштаб исследования позволяет отметить тенденцию улучшения природных условий, и следовательно – параметров водворения, с севера на юг и от морского побережья вглубь материка. Административный фактор водворения прослеживается слабо, выражаясь главным образом в денежных ссудах правительства. Учитывая, что это был не

единственный и не самый доступный источник дополнительных средств для хозяйств, его роль нельзя оценить сколько-нибудь высоко. Пассивность администрации в вопросах управления водворением связана, во-первых, с недостатком кадров в аппарате управления областью, во-вторых, с высокой степенью автономности крестьянских обществ от администрации, существовавшей до введения института крестьянских начальников в 1901 году. Самоотверженный труд немногих чиновников-подвижников русской колонизации Приамурья (таких, как Ф. Ф. Буссе, П. А. Занадворов, Л. А. Крапоткин и др.) не мог компенсировать недочёты официальной постановки дела.

Водворение, как особый аспект расселения, является показательным примером его особенностей. В данном случае скорость стабилизации хозяйств («водворения») является интегративным показателем системы условий расселения. Большая часть местностей юга Приморской области оказалась вполне благоприятна для водворения в короткие сроки, до 1 года, что является выражением успехов земледельческой колонизации этого региона в XIX в. Если в 50 – 60-х гг. водворение занимало не менее 1 года, а часто более 2-х, то в 80 – 90-х гг. большая часть переселенцев утверждается на новом месте менее чем за год.

Опыт анализа крестьянского расселения на юге Приморской области во второй половине XIX века позволяет отметить зависимость путей движения и мест размещения крестьян-переселенцев в первую очередь от природных факторов и особенностей инфраструктуры региона (например, степени развития системы путей сообщения). По причине отсутствия чёткой политики развития региона, государство как определяющий фактор расселения крестьян выступает эпизодически – во второй половине 50 – начале 60-х годов в период занятия Амура, в начале 80-х годов – в период массового заселения Южно-Уссурийского края. С первых лет XX века, в связи с более внятной колонизационной политикой правительства, введением института крестьянских начальников и учреждением переселенческих участков, государство становится более значимым участником истории крестьянской колонизации Приморской области.

За короткий по историческим меркам период, сорок пять лет, на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX века сформировалась устойчивая сеть осёдлого расселения, заняв собой почти все удобные для этого места. Доля крестьян в данном процессе была определяющей, несмотря на значительные трудности, которые порой существенно затрудняли или делали невозможной жизнь и хозяйствование в тех или иных местностях. В результате крестьянского расселения и водворения крестьянских хозяйств в Уссурийском крае и на Нижнем Амуре Россия получила на крайнем юго-востоке своих владений осёдлое, экономически самостоятельное, а главное – лояльное правительству население. Это явилось существенным фактором экономического и военно-политического закрепления Российской империи на Дальнем Востоке. Учитывая нарастающую международную напряжённость и высокую агрессивность конкурентов России в АТР на рубеже XIX – XX вв., именно заселённость «далёкой окраины» позволила русскому правительству вести активную политику в дальневосточном регионе.

Список использованных источников и литературы

I. Неопубликованные источники

Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ)

Фонд 1 «Приморское областное правление».

Оп. 1. Д. 3, 42, 215, 227, 320, 594, 745, 1153, 1485, 1571.

Оп. 4. Д. 121, 637, 857, 1083.

Фонд 702 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора».

Оп. 5. Д. 3, 12, 103, 112, 238, 736.

Государственный архив Приморского края (ГАПК)

Фонд 1 (дореволюционный) «Заведующий переселенческим делом Приморского района».

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4А.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК)

Фонд И-2 «Приамурский отдел Императорского русского географического общества».

Оп. 1. Д. 1а.

Фонд И-238 «Заведующий водворением переселенцев Хабаровского уезда».

Оп. 1. Д. 1.

Фонд И-6 «Заведующий переселенческим делом в Приморской области».

Оп. 1. Д. 2.

Приморский Государственный объединённый музей им. В. К. Арсеньева (ПГОМ им. В. К. Арсеньева)

1. МПК 2630 «Карта Южно-Уссурийского и Хабаровского округов и территории Уссурийского Казачьего войска. Составлена чинами Уссурийской партии в 1901 году».
2. МПК 3944 а «Карта распределения пахотных угодий по р. Уссури до впадения в неё р. Сунгачи».
3. МПК 4432-2 «План Приморской области, Южно-Уссурийского округа, Верх-

не-Уссурийского участка, обмежеванной дачи из Государственных пустопорожных земель предварительным порядком в пользование крестьян деревни Кремовой».

4. МПК 4433 «План Приморской области Южно-Уссурийского округа Верхне-Уссурийского участка, дачи отведенной в пользование крестьян селения Осинówki (Петропавловское тож)».
5. МПК 15883-32 «Кадастровая карта (с указанием эффективности использования земель)».
6. МПК 15883-34 «Карта обзора местности р. Амура, его притоков окрестностей от устья р. Усури до берегов Восточного Океана, составленная чинами Амурского отделения Лесоустроительной партии в 1860 г.»
7. МПК 15883-36 а, б «План удобных и заселённых земель в Конгоузском районе».
8. МПК 15883-79 «Карта распределения пахотных угодий в долинах р. Лефу и Сунгачи».
9. НВ 1649 «Схема административно-территориального деления Восточной Сибири за 1822 – 1884 гг.»

II. Опубликованные источники

1. Баранов Е. А. На реке Амуре в 1854 – 1855 гг. Воспоминания офицера из отряда Н. Н. Муравьева / Е. А. Баранов // Русская старина. – 1891. – №8. С. 327 – 354.
2. Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае / Ф. Ф. Буссе // Библиотека для чтения. – 1869. – Т. VIII – XII. С. 65 – 135.
3. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах / Ф. Ф. Буссе. – СПб.: б. и., 1896.
4. Гауффе Н. Мирские повинности / Н. Гауффе // Материалы IV Хабаровского съезда / Под ред. Н. В. Слюнина. – Хабаровск: б. и., 1903. С. 95 – 99.
5. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / Г. Е. Грум-Гржимайло. Под ред. П. П. Семенова. – СПб.: б. и., 1894.

6. Доклад экспедиции, командированной в мае – августе 1910 года Управлением Китайской Восточной железной дороги для экономического обследования района Уссурийской железной дороги / К. Р. Скорупский, К. Р. Селецкий, Рубинштейн. – Харбин: б. и., 1911.
7. Закон 13 июля 1889 г. о переселении на казенные земли. Ст. 12, 17 // Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов / Л. Б. Ус, Г. А. Ноздрин, А. К. Кириллов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 64 – 66.
8. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях / В. А. Закревский. – СПб.: б. и., 1911.
9. Изучение климата Приморского района Метеорологическая хрестоматия для Дальнего Востока / Н. В. Кириллов. – Владивосток: б. и., 1914.
10. Кауфман А. А. Материалы по вопросу колонизационной вместимости Приамурского края / А. А. Кауфман. – СПб.: б. и., 1901.
11. Кауфман А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб.: издание журнала «Общественная польза», 1905.
12. Кокшаров М. К. Колонизационная емкость Южно-Уссурийского края и в связи с этим соображения о проложении необходимых дорог. Краткий обзор Северо-Уссурийского края и вопрос о постановке в его пределах широкого исследования / М. К. Кокшаров. // Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским Генерал-Губернатором Д. М. Суботичем. – Хабаровск, б. и., 1903. С. 1 – 4.
13. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. (Труды Амурской экспедиции. Выпуск IV) / С. П. Шликевич. – СПб.: б. и., 1911.
14. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Составил Генеральн. Штаба Подполковник Рагоза / А. Ф. Рагоза. – Хабаровка: б. и., 1891.
15. Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей / Н. А. Крюков. – М.: б. и., 1896.

- 16.Крюков Н. А. Очерк сельского хозяйства в Приморской области / Н. А. Крюков. – СПб.: б. и., 1893.
- 17.Крюков Н. А. Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде / Н. А. Крюков. – Нижний Новгород: б. и., 1896.
- 18.Любатович Б. С. Посыетский район / Б. С. Любатович // Из истории сел Посыетского района: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2004. С. 42 – 46.
- 19.Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, в 1855 году / Р. К. Маак. – СПб.: б. и., 1859.
- 20.Максимов А. Уссурийский край. Очерки и заметки / А. Максимов // Русский Вестник. – 1888 – №8 (197). С. 244 – 275.
- 21.Максимович К. И. Амурский край. Из ботанического сочинения К. И. Максимовича / К. И. Максимович. – СПб.: б. и., 1862.
- 22.Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятичники. Том III (тексты). Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева / А. Меньщиков. – Саратов: б. и., 1912.
- 23.Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятичники. Том IV (описание селений). Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Татищева. / А. Меньщиков. – Саратов: б. и., 1912.
- 24.Михайлов Г. Существующая организация надзора за переселенческим делом в Уссурийском крае и желательныя в ней изменения / Г. Михайлов // Труды IV Хабаровского съезда / Под ред. Н. В. Слюнина. Хабаровск: б. и., 1903. С. 100 – 107.
- 25.Муров Г. Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Том. II / Г. Т. Муров. – М.: б. и., 1911.
- 26.Надаров И. Второй Хабаровский съезд 1886 года / Надаров И. П. – Владивосток: б. и., 1886.
- 27.Надаров И. Очерк современного состояния Северно-Уссурийского края /

- И. И. Надаров. – Владивосток: б. и., 1884.
28. Населенные места Приморской области в 1896 году / И. С. Колбасюк. – Никольск-Уссурийский: б. и., 1899.
29. Невельской Г. Подвиги морских русских офицеров на крайнем востоке России. 1849 – 1855 / Г. И. Невельской. – Владивосток: Примиздат, 1950. – 497 с.
30. Обзор Приморской области за 1890 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1891.
31. Обзор Приморской области за 1891 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1892.
32. Обзор Приморской области за 1892 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. Владивосток: б. и., 1893.
33. Обзор Приморской области за 1893 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1894.
34. Обзор Приморской области за 1894 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1895.
35. Обзор Приморской области за 1895 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1896.
36. Обзор Приморской области за 1896 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1897.
37. Обзор Приморской области за 1898 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1899.
38. Обзор Приморской области за 1899 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1901.
39. Обзор Приморской области за 1900 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1903.
40. Отчет М. А. Никольского о командировке в Приморскую область / М. А. Никольский. – Полтава: б. и., 1907.
41. Отчет по командировке в Приамурский край летом 1901 г. чиновников Канцелярии Совета Министров Сосновского, Шишкина и графа Апраксина / И. Сосновский, С. Шишкин, П. Апраксин. – СПб.: б. и., 1902.

42. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVI. Приморская область. Тетрадь 1 / Под ред. Н. А. Тройницкого. – Б. м., б. и., 1899.
43. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVI. Приморская область. Тетрадь 3 (последняя). – Б. м., б. и. 1905.
44. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. / Н. М. Пржевальский. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. – 336 с.
45. Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае / А. А. Риттих. – СПб.: б. и., 1899.
46. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Том II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. III. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край и устройстве там 1й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1882 году. – Иркутск: б. и., 1884.
47. Сборник официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Том VI. Преобразование общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири. Выпуск I. – Иркутск: б. и., 1883.
48. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Том V. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. – Хабаровск: б. и., 1893.
49. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. VIII. Ч. II-я. – Иркутск: б. и., 1884.
50. Сибирские переселения. Выпуск 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов / Л. Б. Ус, Г. А. Ноздрин, А. К. Кириллов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – 264 с.
51. Сибирское переселение (Дальний Восток). Переселение в Амурскую область и Уссурийский край / П. Архипов. – Хабаровск: Редакция газеты «Свободное слово», 1906.
52. Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Юж-

- но-Уссурийский край / А. П. Сильницкий. – Хабаровск: б. и., 1901.
- 53.Список чиновников канцелярии Приамурского генерал-губернатора / Н. А. Троицкая // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 1999. С. 102 – 206.
- 54.A voyage down the Amoor: With a land journey through Siberia, and incidental notices of Manchooria, Kamschatka, and Japan. By Perry McDonough Collins, United states commercial agent at the Amoor river / McDonough Collins. – P. – NY. – L.: D. Appleton and Company, 1860.

III. Исследования

- 55.Алексеев А. И. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.) / А. И. Алексеев, Б. Н. Морозов. – М.: Наука, 1989. – 224 с.
- 56.Апкаримова Е. Ю. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XIX века / Е. Ю. Апкаримова и др. – М.: Наука, 2003. – 384 с.
- 57.Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.) / Ю. В. Аргудяева. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – 314 с.
- 58.Аргудяева Ю. В. Переселение русских крестьян в Приамурье (50 – 60-е гг. XIX в.) / Ю. В. Аргудяева // Первые Муравьевские чтения. – Владивосток: б. и., 1999. С. 34 – 37.
- 59.Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне / Ю. В. Аргудяева. – Владивосток: ДВО РАН, 2006. – 312 с.
- 60.Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858 – 1917 гг.) / И. И. Барткова. // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XV. – Владивосток: ДВКИ, 1966. С. 63 – 70.
- 61.Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века / О. И. Брусина. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 240 с.

62. Болгурцев Б. Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860 – 1861 гг.): Пекинский договор и Цусимский инцидент / Б. Н. Болгурцев. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 133 с.
63. Болховитинов Л. М. Колонизация Дальнего Востока / Л. М. Болховитинов [Электронный ресурс] URL: http://grandwar.kulichki.net/books/bolhov_01.html.
64. Галлямова Л. И. Транспортное освоение Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века / Л. И. Галлямова, М. А. Ковальчук // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма / Под ред. акад. А. И. Крушанова. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 110 – 122.
65. Галлямова Л. И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. / Л. И. Галлямова. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 222 с.
66. Головачев П. Россия на Дальнем Востоке / П. Головачев. – СПб.: издание Е. Д. Кусковой, 1904.
67. Гусельникова Т. Н. Характерные черты и особенности колонизации Северного Приморья в конце XIX в. / Т. Н. Гусельникова, О. В. Кучук, В. В. Савастеев // Исторический опыт освоения восточных районов России. Сборник тезисов... Книга II. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 50.
68. Данилова Л. В. Экологические условия и особенности пионерного освоения русскими Дальнего Востока / Л. В. Данилова, Е. П. Дятел // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. – М.: Моск. филиал Геогр. об-ва, 1981. С. 131 – 149.
69. Дегтярев А. Я. Академик М. К. Любавский и его наследие / А. Я. Дегтярев, Ю. Ф. Иванов, Д. В. Карев // Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А. Я. Дегтярев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 8 – 72.
70. Забугин Н. П. О судоходстве на русском Дальнем Востоке / Н. П. Забугин. – СПб.: б. и., 1896.
71. Ивашинников Ю. К. Физическая география Дальнего Востока России / Ю. К. Ивашинников. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 324 с.
72. Иконникова Т. Я. Переселенческое движение на Дальний Восток (вторая по-

- ловина XIX – начало XX вв.) / Т. Я. Иконникова // Очерки истории родного края: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Т. Я. Иконникова. – Хабаровск: ХГПИ, 1993. – С. 75 – 91.
73. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917 г.) / А. Р. Артемьев и др. – М.: Наука, 1990. – 471 с.
74. История крестьянства в России до 1917 г. Т. 3. / В. А. Александров и др. – М.: Наука, 1993. – 664 с.
75. История Сибири с древнейших времён до наших дней. В пяти томах. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л.: Наука, 1968. – 538 с.
76. Кабанов Е. И. Почвы Дальнего Востока и их обработка / Е. И. Кабанов. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1928.
77. Кабанов П. И. Амурский вопрос / П. И. Кабанов. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1959. – 255 с.
78. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1985. – 264 с.
79. Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX в.) / В. М. Кабузан. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973. – 192 с.
80. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. Пер. с нем. С. Червонной. – М.: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. – 344 с.
81. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Кн. 1 / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1993. – 572 с.
82. Кононова Н. Н. Эрозионная оценка урочищ сельскохозяйственных районов Приморского края / Н. Н. Кононова, В. И. Ознобихин // Исследование и конструирование ландшафтов Дальнего Востока и Сибири. – Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 77 – 86.
83. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. / Р. Г. Бендюжник и др. Под ред. А. И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 416 с.
84. Кротова М. В. Из истории Добровольного флота / М. В. Кротова // Россий-

- ский флот на Тихом океане: история и современность. Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300 летию Российского флота. Вып. 3. Флот и общество: люди, события, факты. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 148 с. С. 30. – 35.
85. Крылов И. И. Учёт геоморфологического устройства территории в «Схеме развития и размещения производительных сил Приморского края» / И. И. Крылов // Географические исследования на Дальнем Востоке. Материалы научной конференции, посвящённой 150-летию основания Русского Географического общества. – Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 67 – 69.
86. Кукушкин Ю. С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.) / Ю. С. Кукушкин, Н. С. Тимофеев. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 208 с.
87. Мевзос Г. М. Население Дальнего Востока, его состав и изменения / Г. М. Мевзос // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек / Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 17 – 29.
88. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. / Л. А. Нарочницкий и др. – М.: Мысль, 1973. – 324 с.
89. Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура / А. Меньщиков // Журнал предварительного междуведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. – Б. м. Б. г.
90. Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. / Н. А. Миненко. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. – 210 с.
91. Надаров Ив. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край / И. Н. Надаров // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. IV, вып. IV. – Хабаровск, 1898. С. 39 – 71.
92. Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России в 1855 – 1917 гг.: постановка проблемы / Ю. Н. Осипов // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века): Материалы ме-

- ждународной научной конференции... – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 230 – 235.
93. Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855 – 1917: Монография / Ю. Н. Осипов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 196 с.
94. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
95. Писцов П. М. Естественно-исторические предпосылки развития полеводства в Дальне-Восточном крае / П. М. Писцов // Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1927. – №3. С. 17 – 88.
96. Постников А. В. Следовало ли Российской империи присоединять к своим владениям Приамурье и Приморье? / А. В. Постников // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – №1. С. 181 – 187.
97. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.
98. Речь К. К. Куртеева / К. К. Куртеев // Записки Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Т. VII. Вып. II (юбилейный). – Б. м., б. и., 1908. С. 38 – 53.
99. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1990. – 170 с.
100. Рыкунова Г. А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50 – 60-е годы XIX в. / Г. А. Рыкунова // Исторический опыт освоения восточных районов России: Сборник тезисов, докладов и сообщений международной научной конференции. Кн. II. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. С. 41 – 43.
101. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев и др. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
102. Скрыльник Г. П. Своеобразие организации и устойчивости геосистем Дальнего Востока. / Г. П. Скрыльник // Географические исследования на Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 43 – 44.

103. Слабко Ю. И. Программирование урожаев посевных культур в Приморье: текст лекции / Ю. И. Слабко. – Уссурийск: Прим. с.-х. ин-т., 1987. – 50 с.
104. Слюнин Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока / Н. В. Слюнин. – СПб.: б. и., 1908.
105. Степанько А. А. Агрогеографическая оценка земельных ресурсов и их использование в районах Дальнего Востока / А. А. Степанько. – Владивосток: ДВО РАН, 1992. – 116 с.
106. Торопов А. А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока (конец XVI в. – 1917 г.) / А. А. Торопов // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. – Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 1999. С. 11 – 20.
107. Тригуб Г. Я. Влияние региональных особенностей на органы городского на Дальнем Востоке России в последней трети XIX – начале XX века / Г. Я. Тригуб // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Сб. научн. трудов. Том X. – Владивосток: РГИА ДВ, 2007. С. 94 – 107.
108. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная история / В. Г. Тюкавкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с.
109. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг / П. Ф. Унтербергер. – СПб.: б. и., 1900.
110. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906 – 1910 гг. / П. Ф. Унтербергер. – СПб.: б. и., 1912.
111. Урусов В. М. Дальний Восток: природопользование в уникальном ландшафте / В. М. Урусов. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 340 с.
112. Успенский Г. И. Власть земли / Г. И. Успенский // Г. И. Успенский. Власть земли / Сост. А. П. Ланщиков. – М.: Советская Россия, 1988. С. 213 – 218.
113. Шанин Т. Понятие крестьянства / Т. Шанин // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 8 – 20.

114. Шелудько В. О. Органы внутренних дел Приморья (1860 – 1917 годы) / В. О. Шелудько, А. Н. Буяков, В. А. Черномаз. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 386 с.
115. Шиловский М. В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX – начале XX века: к постановке проблемы / М. В. Шиловский // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции / Отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. С. 15 – 25.
116. Южная часть Дальнего Востока / Сер. «Природные условия и естественные ресурсы». – М.: Наука, 1969. – 424 с.
117. Ядринцев Р. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. / Р. М. Ядринцев. – СПб.: издание И. М. Сибирякова, 1892.
118. Stephan J. J. The Russian Far East. A History / J. J. Stephan. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 508 pp.

IV. Справочные издания

119. Агроклиматические ресурсы Приморского края. – Л.: Гидрометеиздат, 1973. – 148 с.
120. Агроклиматические ресурсы Хабаровского края. – Л.: Гидрометеиздат, 1974. – 120 с.
121. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
122. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М.: ООО «БИЗНЕСОФТ», 2004 – 1 CD ROM.
123. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / А. Кириллов. – Благовещенск: б. и., 1894.
124. Примориана. – Владивосток: Приморская государственная публичная

библиотека им. А. М. Горького, 2002. – 1 CD-ROM.

125. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник / Ж. В. Андреева и др. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1997. – 596 с.
126. Соловьев Ф. В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока / Ф. В. Соловьев. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1975. – 224 с.
127. Территория: Приморский край. – Владивосток: Приморская государственная публичная библиотека им. А. М. Горького, 2007. – 1 CD-ROM.
128. Хроника освоения Россией Дальнего Востока и Тихого океана. 1639 – 1989 / А. И. Груздев. – Владивосток: Гидрографическая служба ТОФ, Приморский филиал ГО СССР, 1989. – 42 с.

Приложение I. Распределение земель Приморской области по категориям ценности для первоначального освоения

Описание земель, потенциально удобных для крестьянского расселения

Побережье от устья р. Тетюхэ до м. Поворотного. Из рассматриваемого круга авторов этот район описывается не всеми, что связано с разными причинами. Например, Маак¹ не описывает эти земли, поскольку они не попадают в круг его зрения – он занимается преимущественно внутренними районами края. Буссе² не касается этих земель потому, что они находились на периферии заселения, выступая, скорее, потенциальным, а не реальным районом заселения (в свою очередь это обстоятельство может быть связано со специфическими агрогеографическими условиями). Примерно то же самое можно сказать и об обзоре Крюкова³, который занимается собственно сельскохозяйственными районами: описываемые земли есть далеко не самый удобный участок края в агрогеографическом отношении.

В целом этот район характеризуется как пригодный для заселения. Непосредственным свидетельством тому является относительно густое заселение долин здешних рек⁴. Население этих долин ведёт комплексное хозяйство, совмещающая скотоводство с земледелием⁵. Природные условия этого района характеризуются следующим: комментаторы отмечают относительную разреженность лесов, что упрощает их расчистку, наличие обширных луговых мест⁶. Однако местные луга страдают от частых разливов рек, причём настолько, что полые воды смывают чернозём⁷, что делает невозможным их регулярную распашку. Кроме того, данные территории можно отнести к труднодоступным⁸, несмотря на то, что они находятся на морском побережье. До развития прибреж-

¹ Путешествие по долине реки Уссури. Совершил, по поручению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, Р. Маак. Том 1. – СПб.: б. и., 1861.

² Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 65 – 129.

³ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области.

⁴ Максимович К. И. Амурский край. Из ботанического сочинения К. И. Максимовича / К. И. Максимович. – СПб.: б. и., 1862. С. 31.

⁵ Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, в 1855 году. – СПб.: б. и., 1859 – 531 с. С. 49.

⁶ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 95.

⁷ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области... С. 25.

⁸ По Буссе это не так!

ного морского сообщения крестьяне шли к местам вселения в сущности пешком, даже если они находились недалеко от моря. Именно это обстоятельство позволяет сдержанно оценивать доступность юго-восточного побережья Южно-Уссурийского края для переселенцев по крайней мере до 80-х гг.

Побережье от устья Сучана до устья Тумангана. Побережье от долины р. Сучан до устья р. Туманган представляет немало удобных мест для размещения переселенцев. Наблюдатели отмечают принципиальное однообразие здешних мест: побережье расчленено серией бухт и заливов, в которые впадают небольшие реки⁹. Долины этих рек представляют для крестьян-переселенцев немало выгодных мест, располагающихся, однако, ближе к среднему течению. Дело в том, что верховья этих горных при истоке рек естественным образом неудобны для ведения пашенного хозяйства. Низовья же либо заболочены, как, например, у рек Монгугай¹⁰, Суйфун¹¹, Сучан¹², либо страдают от морских туманов¹³, вредящих растительности.

В целом можно отметить наличие больших открытых площадей – лугов и степей (в терминологии рассматриваемых работ). Причём наблюдатели фиксируют их на всех заметных реках района – Сучан, Таудеми, Сяодеми, Конгоуза, Цимухе, Майхе, Суйфун, Амбабира, Монгугай, Сидими, Янчихе. Недостатком этих рек являются разливы, причём достаточно большие – настолько, что либо смыывают почвенный слой, либо заносят его¹⁴. Однако конкретные данные имеются только для Суйфуна и Сучана¹⁵. Безопасность берегов может быть обеспечена только их высотой, что отмечается на реках Конгоуза, Шитухэ¹⁶, Цимухе, Суйфун¹⁷. Относительно доступности следует указать на то, что приморский характер описываемых местностей делает их относительно доступными, тем более, что многие центры русской колонизации Южно-Уссурийского края лежат

⁹ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области... С. 25.

¹⁰ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 99.

¹¹ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. С. 103.

¹² Там же. С. 167.

¹³ Там же. С. 149 – 150.

¹⁴ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области... С. 25.

¹⁵ Там же, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 155.

¹⁶ План удобных и заселённых земель в Конгоузском районе. Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.

¹⁷ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 100, 98.

именно на побережье. Достаточно отметить пост Новгородский и пост Владивосток. Именно близость к ним позволяет оценить доступность Монгугая и Сидими¹⁸ очень высоко. То же самое можно сказать о долинах Суйфуна¹⁹ и Сучана²⁰.

Территории Суйфунско-Ханкайского района. Этот район состоит преимущественно из равнин, расположенных вокруг оз. Ханка. В нём можно выделить несколько единиц – систем рек Суйфун (до урочища Барановского), Мо, Сиянхе, Усачи, Сунгач, Лефу, а также пространств, лежащих между этими реками.

Долина Суйфуна по оценкам наблюдателей представляет много удобных луговых мест²¹, при этом данная местность практически безопасна в отношении полых вод²², хотя и не избавлена от катастрофических наводнений – Н. А. Крюков наблюдал почвенные наслоения, говорящие о такой возможности²³. Доступность авторами оценивается невысоко, что связано с несудоходностью среднего течения Суйфуна, отсутствием водной связи с Ханкой и её притоками²⁴.

Обозреватели отмечают сходство ландшафтов южных притоков Ханки – Мо и Лефу. В частности, их сближает заболоченность низовьев и высокая вероятность подтопления сезонными разливами²⁵. Это ослабляет хозяйственную ценность открытых луговых пространств, часто встречающихся в долинах Мо и Лефу²⁶. Совершенно негативную оценку этих рек даёт Пржевальский, отмечая однако, что переселенцы могут размещаться не в ложах долин, но по незаливаемым их окраинам, многие из которых покрыты лугами²⁷. Кроме того, верховья Лефу, протекая по достаточно узким долинам, высланы преимущественно

¹⁸ Там же. С. 99 – 100.

¹⁹ Там же. С. 98.

²⁰ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 166.

²¹ Там же. С. 151.

²² Там же. С. 101, Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 98.

²³ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 25.

²⁴ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 98.

²⁵ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 244 – 245, 236.

²⁶ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 97, Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 18, Путешествие по долине реки Усури. С. 57 – 58.

²⁷ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 235, 244 – 245.

сухими открытыми местами²⁸. Характеризуя доступность этих мест, следует указать на её неравномерность для разных местностей одной и той же реки. Суходоходность низовьев сообщает им высокую доступность, а горный характер среднего и нижнего течения затрудняет доступ к соответствующим местам долин²⁹.

Равнинный характер описываемого региона позволяет заселять и междуречья, они обладают, подчас, лучшими характеристиками по сравнению с долинами. В частности – междуречье Мо, Лефу и Суйфуна. Оно являет собой обширную равнину, которая по характеру поверхности может быть разделена на две части – северную (от Мо до р. Сахезы, притока Лефу) и южную (от Сахезы до Суйфуна)³⁰. Северный участок более холмист и вообще более пересечён, кроме того, здесь мало открытых водоёмов. Поверхность покрыта в основном лугами и болотами³¹. Южная часть этих пространств есть остепнённые луга, или, по Буссе, степь³². Близость крупных рек (Суйфун, Лефу) повышает до максимального уровень доступности этих земель³³. Кроме того, большим достоинством «ханкайских степей» является их неподверженность наводнениям, чем они выгодно отличаются от других мест Южно-Уссурийского края³⁴.

Долина р. Сиянхе, впадающей в Ханку с запада, походит на долину соседней Мо. Болота в низовьях³⁵, заливные луга в среднем течении³⁶. Следует отметить разночтения в отношении опасности наводнений – Р. Маак отмечает отсутствие такой опасности³⁷. Для разрешения этого противоречия можно сказать, что Маак посетил эти места мельком, в то время как его заочные оппоненты Пржевальский и Крюков знакомы с ними более основательно. Также нет

²⁸ Кадастровая карта (с указанием эффективности использования земель). Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.

²⁹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 97, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 235 – 236, 244.

³⁰ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 97 – 98.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 98.

³⁴ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 98.

³⁵ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 96, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 229.

³⁶ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 24, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 233.

³⁷ Путешествие по долине реки Уссури. С. 58.

единого мнения и в вопросе о доступности территорий по Сиянхе: Пржевальский говорит о несудоходности реки и характеризует доступность невысоко³⁸, в то же время Буссе обращает внимание на близость опорных центров колонизации³⁹. Как видно, разница принципов оценки породила и разницу самих оценок.

Севернее долины Сиянхе находятся ровные пространства, простирающиеся до китайской границы и перерезанные несколькими реками, самые крупные из которых – Усачи и Тур (пограничная). Наблюдатели отмечают обилие здесь открытых пространств⁴⁰. Опасность подтопления или смыва угодий в половодье здесь велика⁴¹. Доступность этих мест, расположенных у западного и северо-западного побережья Ханки, характеризуется положительно⁴².

Наконец, восточное и юго-восточное побережье Ханки и земли, примыкающие к нему. Наблюдатели включают в этот район территории, лежащие вдоль озера между рр. Лефу и Сунгач, а также площади, примыкающие к западному склону хребта Даубихинского (Синего). На севере этот район определяется стоком Ханки – р. Сунгач, а на юге – р. Лефу. Главный компонент ландшафта первой группы земель, что отмечают все очевидцы, – заливаемые в половодье болота⁴³; вторая группа земель обладает большей притягательностью для освоения, поскольку по мере приближения к хребту уменьшается площадь сенокосов и растёт доля леса⁴⁴. Однозначным достоинством этих территорий является их доступность, поскольку здесь проходит почтовый путь, а сами они лежат вдоль водоёмов, удобных для транспортного освоения⁴⁵.

Территории верховьев Уссури и её притоков до Имана. К описываемым территориям относятся верхнее течение Уссури до слияния с Иманом и её притоки, основные из которых – Даубихэ, Эрльдагоу, Фудзин, Нота-Хуза, Дамгу, Да-Шитуха, Ся-Шитуха и прилегающие к ним территории.

³⁸ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 229.

³⁹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 96.

⁴⁰ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 23.

⁴¹ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 86.

⁴² Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае... С. 96.

⁴³ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 78 – 79, Путешествие по долине реки Уссури. С. 57.

⁴⁴ Карта распределения пахотных угодий в долинах р. Лефу и Сунгачи. Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.

⁴⁵ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 567 – 568 об., Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 81.

Главная особенность этих мест (за немногим исключением) – удалённость от основных коммуникаций и относительная труднодоступность. Здешние земли составляют внутренние районы Уссурийского края, со стороны моря закрытые горами. Вследствие этого увеличиваются время и затраты на достижение этих мест.

Относительно труднодоступности можно отметить следующие факторы. Во-первых, это удалённость, во-вторых, это условия пути. Из всех авторов этому регулярно уделяет внимание, пожалуй, только Пржевальский, который отмечает несудоходность русел Даубихэ и Улахэ⁴⁶. При этом труднодоступность многих районов является относительной, поскольку, по свидетельству Буссе, строительство железной дороги значительно облегчит доступ к землям, прилегающим к течению Улахэ и Лифудзина⁴⁷. Однако следует отметить, что для многих случаев несудоходность горных речек оборачивается хорошей стороной: так, берега Улахэ застрахованы от наводнений именно потому, что река течёт в довольно высоких берегах и переизбыток воды уходит в русле⁴⁸. Также высокие берега отмечаются в среднем течении Даубихэ⁴⁹, что также препятствует большим разливам. Тем не менее, из описываемых рек Даубихэ в плане разливов и наводнений самая неблагоприятная – весной и в конце лета река затопляет окрестные луга и понижения⁵⁰, оставляя небольшие островки сухой земли.

Соответственно характеру самой реки можно наблюдать и характер местности: регулярные большие разливы приводят к заболачиванию низин. Таким образом, заболоченностью долины отличается именно Даубихэ⁵¹. При этом сохраняется возможность размещения переселенцев на откосах долины, не подвергающихся затоплениям и покрытых редким лесом⁵².

Долины Улахэ и её притоков считаются наблюдателями однопорядковыми – узкие верховья, постепенно расширяющиеся долины с особо удобными

⁴⁶ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 187, 185.

⁴⁷ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 568.

⁴⁸ Путешествие по долине реки Усури. С. 28.

⁴⁹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 95.

⁵⁰ Там же. С. 55, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 187.

⁵¹ Там же; Карта распределения пахотных угодий по р. Усури до впадения в неё р. Сунгачи. Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.

⁵² Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 187.

для размещения местами в точках слияния рек. Эти территории богаты луговыми местами и редколесьем⁵³, что, как уже отмечалось, расширяет колонизационные возможности данных земель. Интересно отметить, что ранние авторы, в частности Маак, подчёркивают обилие густых лисов в долине Улахэ⁵⁴, более поздние авторы об этих густых лесах уже не упоминают⁵⁵. Однако это можно связать не столько с деятельностью человека, сколько с авторским отношением к описываемому, поскольку во время пребывания Пржевальского и Буссе в Уссурийском крае (середина-конец 60-х гг.) долина Улахэ оставалась ещё диким и неосвоенным местом.

Долина Уссури от устья Даубихэ до устья Имана. Наиболее распространённый тип поверхности – луга; все комментаторы отмечают это. Долина Уссури представляет собой прибрежные луговые пространства, окаймлённые по откосам лесами, иногда достаточно густыми⁵⁶. Долины притоков Уссури в целом похожи на долину самой Уссури – те же прибрежные луга и редколесье⁵⁷. Нижнее течение рассматриваемого отрезка Уссури по левому берегу, в междуречье Уссури и Сунгача, заболочено⁵⁸, что возможно говорит и о разливах реки. В целом больших пространств, удобных для освоения, не наблюдается, о чём говорят и комментаторы⁵⁹.

Течение Уссури и её левых притоков от устья Имана до Амура. Данная область включает в себя среднее и нижнее течение Уссури, а также её правые притоки, в числе основных из которых можно назвать Иман, Бикин, Хор и реку Чирки. Используемые в данной работе источники очень скупо говорят о степени доступности районов, а также содержат совсем немного

⁵³ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 95, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 72, 185, Путешествие по долине реки Уссури. С. 31, 32, 51; Карта распределения пахотных угодий по р. Уссури до впадения в неё р. Сунгачи. Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.

⁵⁴ Путешествие по долине реки Уссури. С. 28.

⁵⁵ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 95, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 185.

⁵⁶ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 72 – 73, Путешествие по долине реки Уссури. С. 31, 32.

⁵⁷ Путешествие по долине реки Уссури. С. 51; Карта распределения пахотных угодий по р. Уссури до впадения в неё р. Сунгачи. Научно-вспомогательный фонд Приморского Государственного Объединённого музея им. Арсеньева во Владивостоке.

⁵⁸ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 72.

⁵⁹ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 93.

информации об опасности затоплений. В связи с этим можно сделать некоторые предположения. Поскольку речные разливы есть фактор неблагоприятный, то более естественна его фиксация именно в условиях его наличия; соответственно, отсутствие наводнений рассматривается как норма, естественное состояние, не подлежащее специальному освещению. Именно этим, на мой взгляд, можно объяснить молчание авторов в отношении опасности наводнений для многих рек.

Удобные для первоначального освоения луговые и лугово-степные ландшафты залегают по Иману, начиная со среднего течения и ниже⁶⁰. Быстрое течение позволяет заключить о невысокой опасности разливов этой реки⁶¹, хотя, конечно, в низовьях такая опасность наиболее велика. Однако быстрое течение, а также извилистость русла препятствуют нормальному сообщению по реке, что снижает её транспортную ценность⁶², тем не менее, Иман способен принимать в своём русле небольшие пароходы⁶³.

Долина Уссури от устья Имана до устья Бикина преимущественно открытая, изобилующая луговыми и заболоченными местами⁶⁴. Здесь опять же не имеется прямых сведений о разливах, однако упоминаются рёлки – валы, тянущиеся вдоль русла, поросшие подчас деревьями; между этими валами находятся озёра и лагуны⁶⁵. Крюков объясняет наносное происхождение рёлок, которые запруживают собой полую воду, которая и образует вдоль русла реки озёра, мочжины и болота⁶⁶. Однако вместе с тем наблюдатели фиксируют невысокую опасность наводнений⁶⁷, что вероятно, связано именно с рёлками, которые сами не затопляются, но способствуют заболачиванию окрестных низин.

Характеризуя долину Бикина, большинство комментаторов отмечает её открытый характер⁶⁸. Вместе с тем часть течения реки проходит через болоти-

⁶⁰ Путешествие по долине реки Уссури. С. 52.

⁶¹ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 72.

⁶² Там же.

⁶³ Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. С. 4.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Путешествие по долине реки Уссури. С. 37.

⁶⁶ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 11 – 12.

⁶⁷ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 93.

⁶⁸ Там же. С. 94, Путешествие по долине реки Уссури. С. 53.

стые места, что в общем странно, если учесть достаточно большую глубину и быстрое течение реки, страхующие от больших разливов. Кроме того, названные особенности течения Бикина придают реке высокую транспортную ценность⁶⁹.

Разноречивы сведения о течении Уссури от устья Бикина до устья Хора. Можно полагать, что долина Уссури в этих местах также преимущественно открыта, имея и луговые, и лесные площади⁷⁰. Не совсем ясна опасность наводнений в этих местах, поскольку высказываются различные оценки, хотя отсутствие наводнений прямо не указывается, а опасность разливов обозначена чётко⁷¹. Экспедиции конца XIX в. обнаружили высокую заболоченность долины левого притока Хора – Подхорёнка и опасность наводнений⁷².

Последний значительный приток Уссури – Хор. Имея открытую долину, Хор представляет достаточно мест для заселения⁷³. Ни один из авторов чётко не обозначает степень опасности наводнений, Максимович⁷⁴ и Пржевальский⁷⁵ дают представление об отсутствии разливов; вместе с тем Маак⁷⁶ наоборот предупреждает о высокой степени опасности разливов.

Наблюдатели отмечают в низовьях Уссури две небольшие речки, весьма удобные для заселения – это Кия и Чирка. Обе они располагают открытыми луговыми пространствами⁷⁷. Относительно разночтений об опасности разливов можно отметить, что для разных участков реки указанная опасность может быть разной, что сказывается и на оценках этой реки как различными авторами, так и одним автором. И Кия, и Чирка характеризуются комментаторами противоречиво⁷⁸, в целом же можно указать на опасность наводнений⁷⁹.

⁶⁹ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 70.

⁷⁰ Максимович К. И. Амурский край. С. 32, Путешествие по долине реки Уссури. С. 39 – 49.

⁷¹ Там же. С. 44.

⁷² Белькович А. Л. Общий очерк движений 5-ти охотничьих команд 1-й Восточносибирской стрелковой бригады во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 года // ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6 об.

⁷³ Путешествие по долине реки Уссури. С. 54.

⁷⁴ Максимович К. И. Амурский край. С. 32.

⁷⁵ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 69.

⁷⁶ Путешествие по долине реки Уссури. С. 54.

⁷⁷ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 94, Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 26, 29.

⁷⁸ Там же. С. 26 – 27, 29.

⁷⁹ ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6 об.

Низовья Усури, имея богатый набор ландшафтов, всё же оставляют возможным земледельцам-колонистам луговые места⁸⁰ для быстрого утверждения на земле. Вместе с тем отмечается и наличие болот⁸¹, впрочем, судя по всему, их немного. Опасность наводнений также реальна⁸².

Территории от устья Усури до оз. Синда. Самая заметная черта описываемой местности – лесистость. Это характерно для всего течения Нижнего Амура, и при переходе от Уссурийского края к Амурскому залесённость пространств ощущается особенно. Наблюдатели, в частности Максимович⁸³ и Буссе⁸⁴ отмечают густоту амурских лесов, кроме того, «Карта обзора местности р. Амур», составленная чинами Амурского отделения Лесоустроительной партии, даёт такое представление о характере поверхности: вблизи течения распространён т. н. «редкий» лес, а во внутренних районах преобладают «густой» и «очень густой». Если учесть, что путешественники по Амуру удаляются от реки на небольшое расстояние и при этом описывают «редкий» (в терминологии лесоустроителей) лес как густой, то что же надо думать о действительно густых лесах в глубинах Амурского края!

Открытые места располагаются преимущественно по берегу реки либо на переувлажнённых участках – там, где древесная растительность невозможна⁸⁵. При этом несколько выбивается из общего ряда оценок позиция составителей «Карты...», использующих понятие сухого сенокоса; остальные авторы просто не оставляют места для незатопленных открытых участков поверхности, и сенокосы располагаются либо у берегов, либо на затопляемых островах⁸⁶.

Наилучшие места располагаются, судя по всему, в районе слияния Усури и Амура – это довольно возвышенные места, берега Амура в районе хр. Хехцыр крутые⁸⁷, что гарантирует от речных разливов. Вместе с тем поворот Амура к

⁸⁰ Максимович К. И. Амурский край. С. 32, Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 67, Путешествие по долине реки Усури. С. 47.

⁸¹ Путешествие по долине реки Усури. С. 46.

⁸² Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. С. 67, Путешествие по долине реки Усури. С. 46.

⁸³ Максимович К. И. Амурский край. С. 65, 68.

⁸⁴ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 85.

⁸⁵ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 32.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела Императорского Русского

северо-востоку удаляет его от гор: берега становятся низкими и стена долины отдалается от русла порой на значительное расстояние⁸⁸. В целом окрестности оз. Петропавловского в отношении наводнений менее безопасны, чем окрестности Хехцыра, поскольку здесь залегают низменные берега⁸⁹. Леса, характерные для окрестностей Хехцыра, продолжают и здесь, причём большинство авторов указывают на их густоту⁹⁰.

Наконец, окрестности оз. Синда, по данным «Карты...» имеют разнообразный растительный покров, у берега реки это преимущественно луга. Другой источник сообщает о переувлажнённости этих земель⁹¹.

Территории от оз. Синда до оз. Хумми. В силу заметной однообразности берегов Амура немногие источники из используемых дают конкретную информацию о местах, находящихся в фокусе внимания. Те работы, что посвящены общей характеристике региона (а это большинство), просто молчат о рассматриваемых землях, не представляющих собой ничего нового по сравнению с уже виденным. Сведения можно извлечь лишь из, так сказать, тотальных описаний – отчёта Маака и «Карты обзора местности...».

Судя по совпадению оценок, этот участок действительно обладает сравнительно бóльшим числом открытых мест – в частности прибрежная полоса вдоль Амура и его притоков. При этом бóльшая часть лугов квалифицируется составителями «Карты...» как «сенокос сухой», что косвенно говорит о невысокой опасности речных разливов в этих местах. Подтверждением тому служит оценка Маака, который пишет о скалистости и возвышенном характере правого берега в описываемом секторе⁹². Возвышенные берега и береговые откосы, по Мааку, покрыты лесами разной степени густоты⁹³, что же касается лугов, то Маак пишет о прибрежных лугах, образованных с одной стороны руслом реки,

Географического Общества, в 1855 году. С. 49.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Максимович К. И. Амурский край. С. 68 – 69; Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 31, 32.

⁹⁰ Там же. С. 32; A voyage down the Amoor: With a land journey through Siberia, and incidental notices of Manchooria, Kamschatka, and Japan. By Perry McDonough Collins, United states commercial agent at the Amoor river. – P. – NY. – L.: D. Appleton and Company, 1860. P. 252.

⁹¹ ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1а. Л. 24.

⁹² Маак Р. Путешествие на Амур. С. 52 – 53.

⁹³ Там же.

а с другой береговой стеной, возвышающейся над течением Амура⁹⁴. Следует отметить, что такие луга в случае речных разливов однозначно затопляются.

В целом побережье от оз. Синда до оз. Хумми может быть разведено на два отдела, границей которых является течение р. Дондон. Эти части разнятся по своему характеру: южная, располагающаяся выше Дондона, более низменна и болотиста, а северная, что ниже Дондона, изобилует горами и в целом более приподнята, что отражается и на растительности: судя по «Карте...» леса северной части более густы.

Территории от оз. Хумми до оз. Кизи. В целом прибрежные амурские территории на указанном отрезке имеют горный характер, однако горы и возвышенные местности приближаются к руслу на разное расстояние. В результате образуются приречные низменности, частично занятые лугами. Наиболее подробное описание этих мест содержится, естественно, в «Карте...».

Итак, на данном отрезке открытая местность располагается вдоль течения узкой прерывистой полосой почти на всём его протяжении за некоторыми исключениями. Часто прибрежные луга встречаются после устойчивого поворота русла к северо-востоку («Карта...»). Авторы, характеризующие регион в целом, предпочитают говорить о лесах и скалистых берегах⁹⁵. Однако более подробное освещение показывает большее разнообразие прирусловых ландшафтов, являющихся как гористые и лесистые местности, так и открытые луговые места, располагающиеся недалеко от воды⁹⁶. В качестве исключения можно привести мнение Н. М. Ядринцева, опирающегося на оценку Шперка – долина р. Сунгари являет собой открытые луговые пространства, выходящие к Амуру⁹⁷. Впрочем, это согласуется с описанием Максимовичем широкой равнины по обоим берегам Амура при устье Сунгари⁹⁸.

Характеризуя паводковый режим, следует отметить естественную зависимость: плоские низменные места затопляются, возвышенные – нет. Если

⁹⁴ Там же. С. 54.

⁹⁵ Максимович К. И. Амурский край. С. 16, 18; A voyage down the Amoor. P. 360, 361.

⁹⁶ Маак Р. Путешествие на Амур. С. 55 – 59; «Карта...».

⁹⁷ Ядринцев Р. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: издание И. М. Сибирякова, 1892. С. 54.

⁹⁸ Максимович К. И. Амурский край. С. 17.

учесть, что плоские места – луговые, а гористые – лесные, то оказывается, что наиболее удобные (с точки зрения типа местности) в колониационном отношении площади страдают от наводнений – не всякий раз, но тем не менее⁹⁹.

Наконец, северный участок – район оз. Кизи – являет собой открытую луговую местность, покрытую негустым лесом¹⁰⁰, однако здесь общий недостаток амурских территорий проявляет себя вполне – оз. Кизи в случае прибытия воды из Амура широко разливается, подтопляя окрестности¹⁰¹. Тем не менее, существует возможность хуторского размещения населения¹⁰².

Земли по левому берегу Амура от устья р. Тунгуска до оз. Падали. По своему характеру левый берег Амура совсем не похож на правый: если первый на большей части течения являет собой болотистые места с редкой древесной растительностью, то второй – высокий и лесистый. С такой оценкой левого берега согласны все источники, различаясь только в деталях. Так, болотистый характер местности подчёркивается многими свидетелями¹⁰³. «Карта...» непосредственно отмечает сырые места близ р. Тунгуска. В дальнейшем всё протяжении до гор в районе оз. Болонь и Падали характеризуется «Картой...» как «сенокос сухой», что наводит на мысль о степном характере описываемых пространств¹⁰⁴. Кроме того, в некоторых источниках не встречается прямых указаний на заболоченность левого берега¹⁰⁵. Тем не менее, есть прямое указание на то, что эта местность удобнее промысловикам, нежели землеробам¹⁰⁶.

Всё на свои места ставит оценка затопляемости территории: те авторы, что касаются этого вопроса, говорят о постоянной опасности наводнений для левого берега на рассматриваемом отрезке¹⁰⁷. Маак указывает на плоский ха-

⁹⁹ Маак Р. Путешествие на Амур. С. 57, 59.

¹⁰⁰ Невельской Г. Подвиги морских русских офицеров на крайнем востоке России. С. 200 – 201, 214.

¹⁰¹ Там же. С. 200 – 201.

¹⁰² ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 14а.

¹⁰³ Маак Р. Путешествие на Амур. С. 16, 65; Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 84.

¹⁰⁴ См. также Ядринцев Р. М. Сибирь как колония. С. 54.

¹⁰⁵ A voyage down the Amoor. P. 361.

¹⁰⁶ ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 об.

¹⁰⁷ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 84; Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 33.

рактир левого берега¹⁰⁸, также, как и Коллинз¹⁰⁹, – можно наверняка утверждать, что данная местность подлежит затоплению. Что касается «Карты...», то «сенокос сухой», как здесь определяется характер поверхности отрезка, достаточно широкое понятие, точно указывающее только на то, что местность не заболочена, однако возможность её затопления этим не исключается.

Территории по левому берегу Амура от оз. Падали до оз. Черемшаного. Данная часть побережья Амура непохожа на предыдущую – она преимущественно гориста и лесиста. Забегая вперёд, отмечу, что это обстоятельство, имея свои плюсы, сильно ограничивает колониционный потенциал этих мест.

Итак, почти всё протяжении данного отрезка, не считая устья р. Горин – лесистые горы, подходящие прямо к руслу Амура¹¹⁰. При этом наблюдателями отмечается береговая кайма вдоль гористого берега, сплошь поросшая лесом¹¹¹. Таким образом, если не считать устья Горина («Карта...» отмечает в этом месте «сенокос сухой»), то всё протяжении левого берега на обсуждаемом участке заросло лесом. Ещё одно исключение – сырая, возможно болотистая местность в районе проток к юго-востоку от оз. Кизи («Карта...»).

Разумеется, что берега в таком случае должны быть застрахованы от наводнений¹¹² (по крайней мере большинства из них). Среди исключений можно назвать устье Горина¹¹³ и район проток («Карта...»), заливаемый в половодье.

Территории вдоль течения Амура от оз. Кизи до устья по обоим берегам. Данный отрезок течения Нижнего Амура в ландшафтном отношении очень разнообразен, здесь встречаются и лесистые горы, и заболоченные луга. В целом рассматриваемый регион состоит из перемежающихся понижений (области прибрежных низменностей) и повышений (районы прибрежных высот). Это обстоятельство резко сокращает возможности размещения

¹⁰⁸ Маак Р. Путешествие на Амур. С. 82.

¹⁰⁹ A voyage down the Amoor. P. 361.

¹¹⁰ Максимович К. И. Амурский край. С. 18.

¹¹¹ Маак Р. Путешествие на Амур. С. 58 – 59.

¹¹² Максимович К. И. Амурский край. С. 18; Маак Р. Путешествие на Амур. С. 58; Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 85.

¹¹³ Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. С. 33.

сельских хозяйств¹¹⁴.

Самый южный отрезок – районы приречных низменностей и протоков в районе озёр Кизи и Удыль. Наиболее подробное описание этого района находим у Невельского, который говорит о существовании здесь прибрежных лугов, большей частью затопляемых¹¹⁵.

Все комментаторы говорят об обилии болот на отрезке Кизи – устье Амура (правый берег), либо о чрезмерно влажной почве (например, Буссе¹¹⁶). Следующий отрезок от протоки Ухта до низменности устья р. Амгунь. Учитывая горный характер этой реки и нрав Амура, можно предположить, что эта низменность также страдает от разливов. Что касается второго участка, то его берега приподняты и лесисты, оставляют мало места для заселения.

Третий участок продолжается от района слияния Амгуни и Амура до Николаевска по обоим берегам. Для него характерны заливаемые низменности, луговые и лесистые места¹¹⁷. Наконец, последний, четвёртый, участок русла продолжается от района Николаевска до морского побережья амурского лимана. Для этих мест характерны густые леса¹¹⁸. Этот факт и переувлажнённость почвы вкупе с суровым климатом затрудняет земледельческое освоение данной местности¹¹⁹.

Таблица I.1. Оценка качеств потенциально заселяемых территорий

объект	критерии		
	доступность	открытость	незатопляемость
От устья Тетюхэ до устья Сучана			
1. Тетюхе	1	2	0
2. Лифулэ	1	2	0
3. Холуэ	1	2	0
4. Аввакумовка	1	2	0
5. Зал. Ольги	1	1	0
От устья Сучана до устья Тумангана			
6. Сучан	2	2	1
7. Таудеми	2	2	0
8. Сяудеми	2	1	1

¹¹⁴ ГАХК. Ф. И-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.

¹¹⁵ Невельской Г. Подвиги морских русских офицеров. С. 197 – 198, 213 – 214.

¹¹⁶ Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае. С. 85.

¹¹⁷ Максимович К. И. Амурский край. С. 19.

¹¹⁸ A voyage down the Amoor. P. 314.

¹¹⁹ Ibid. P. 315.

53. Конгоуза, Шитухэ	2	2	2
9. Цимухэ	2	2	2
10. Майхэ	2	2	1
11. Суйфун, нижнее течение	2	2	1
12. Амбабира	2	2	1
13. Монгугай	2	1	1
14. Сидими	2	1	1
15. Зал. Посьет	2	2	2
Приханковье			
16. Суйфун, среднее течение	1	2	2
17. Лефу	2	2	1
18. Мо	1	2	1
19. Междуречье Суйфун-Лефу-Мо	1	2	2
20. Сиянхэ	1	1	1
21. Тур	2	2	1
22. Междуречье Лефу-Сучан	2	1	0
52. Западное предгорье хр. Даубихинского	2	1	2
Уссури до устья Имана и притоки верховьев Уссури			
23. Даубихэ	1	2	1
24. Улахэ	1	2	2
25. Сандагоу	1	2	1
26. Эрльдагоу	1	2	1
27. Лифудзин	1	2	2
28. Уссури до Имана	2	2	1
Низовья Уссури от устья Имана до Амура и притоки Уссури			
29. Иман с притоками	2	2	2
30. Уссури от устья Имана до устья Бикина	2	2	2
31. Бикин с притоками	2	2	2
32. Уссури от устья Бикина до устья Хора	2	2	1
33. Хор	2	2	2
34. Уссури от устья Хора до Амура	2	2	1
35. Кия	1	2	1
36. Чирка	1	1	2
От устья Уссури до устья оз. Синда			
37. Устье Уссури и прилегающие земли	2	1	2
38. Петропавловское	2	1	1
39. Петропавловское – Синда	2	1	1
От оз. Синда до оз. Хумми			
40. Синда – Дондон	2	1	1
41. Дондон – Хумми	2	1	2
От оз. Хумми до оз. Кизи			
42. Хумми – совр. Бельго	2	0	1
43. Бельго – Софийск	2	1	1
44. Окрестности Кизи	2	2	0
По левому берегу Амура от устья р. Тунгуска до оз. Падали			
45. Тунгуска – Падали	2	1	0
По левому берегу Амура от оз. Падали до оз. Черемшаного			
46. Падали – Горин	2	1	1

47. Горин – Черемшаное	2	0	2
Низовья Амура			
48. Кизи – Удыль	2	2	0
49. Удыль – Амгунь	2	1	2
50. Амгунь – Николаевск	2	2	0
51. Район устья	2	1	1

Земли, потенциально пригодные для расселения крестьян (рисунки)
 Условные обозначения для рисунков I.1 – I.8.

	Земли I категории
	Земли IIa категории
	Земли IIb категории
	Земли III категории

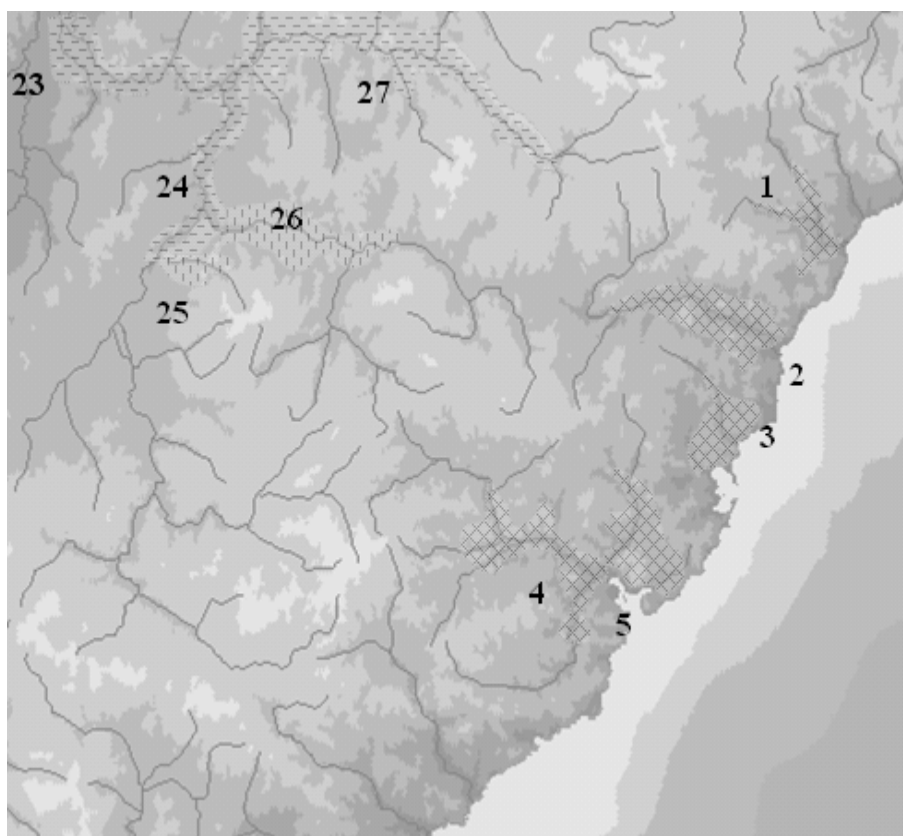

Рис. I.1. Юго-восточное побережье Приморской области. Улахэ и её притоки.

Нумерация объектов на рисунках соответствует нумерации объектов, приведённой в таблице I.1, стр. 234.

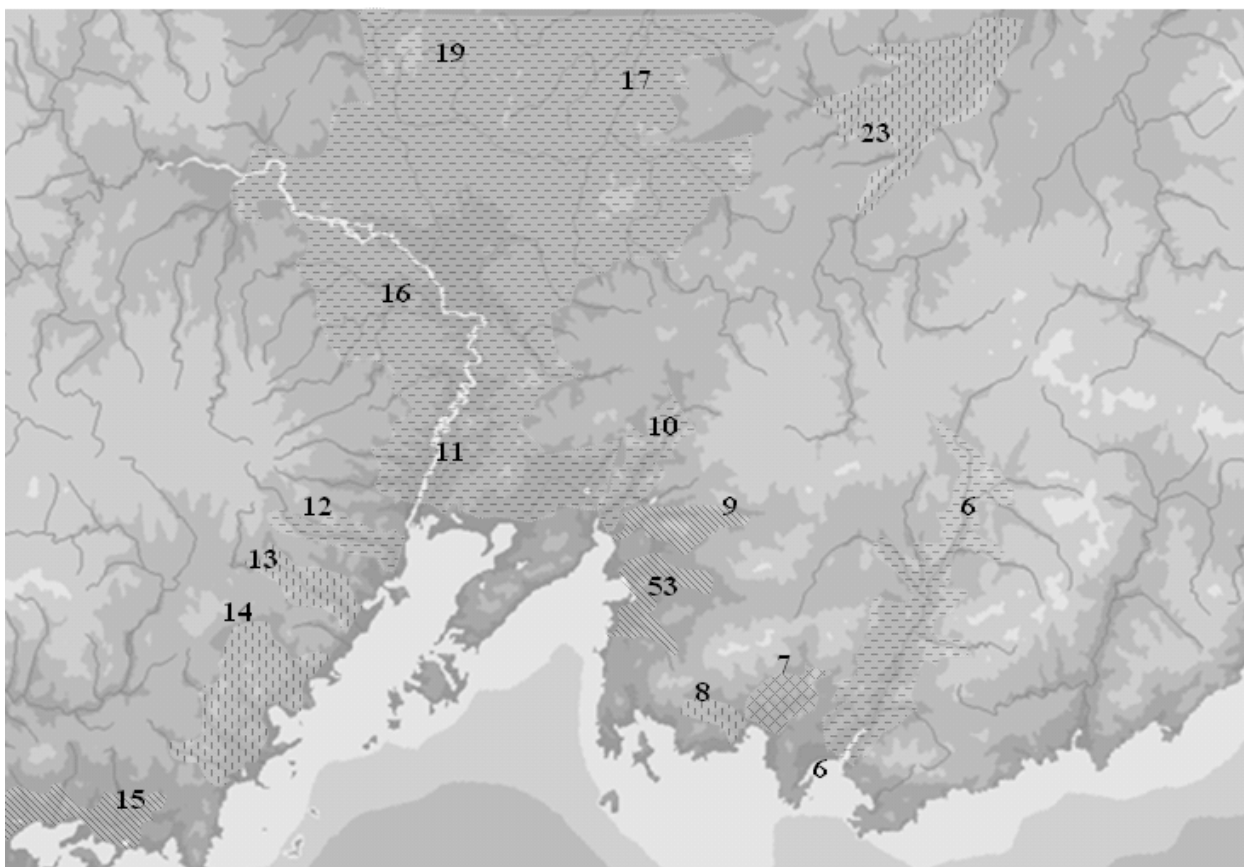

Рис. I.2. Южное побережье Приморской области, верхнее течение Лефу и Даубихэ.

Нумерация объектов на рисунках соответствует нумерации объектов, приведённой в таблице I.1, стр. 234.

Условные обозначения см. на стр. 236.

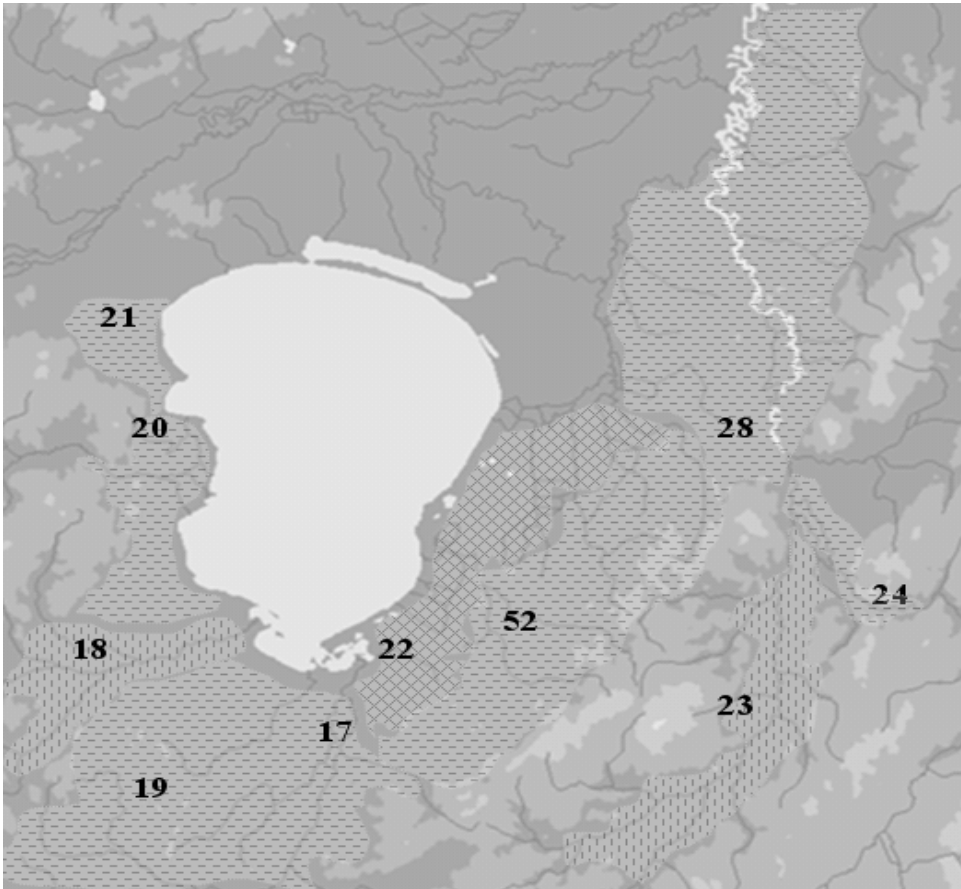

Рис. I.3. Окрестности оз. Ханка, Даубихэ и среднее течение Усури.

Нумерация объектов на рисунках соответствует нумерации объектов, приведённой в таблице I.1, стр. 234.

Условные обозначения см. на стр. 236.

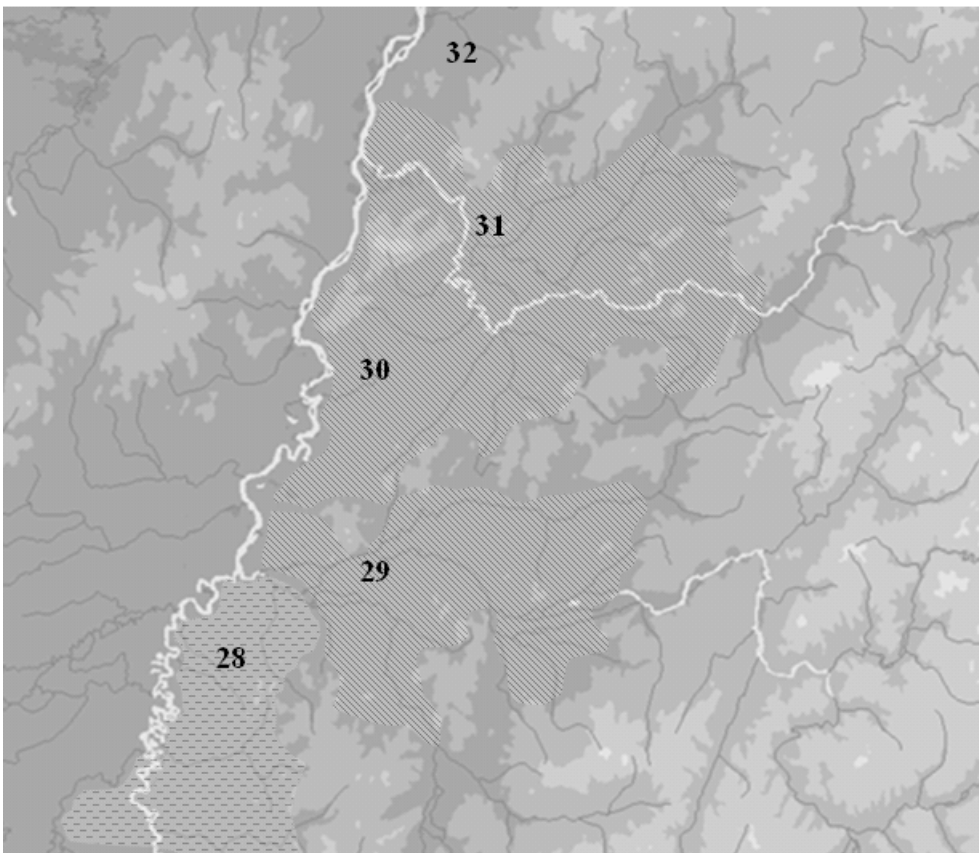

Рис. I.4. Среднее течение Усури, Иман, Бикин.

Нумерация объектов на рисунках соответствует нумерации объектов, приведённой в таблице I.1, стр. 234.

Условные обозначения см. на стр. 236.

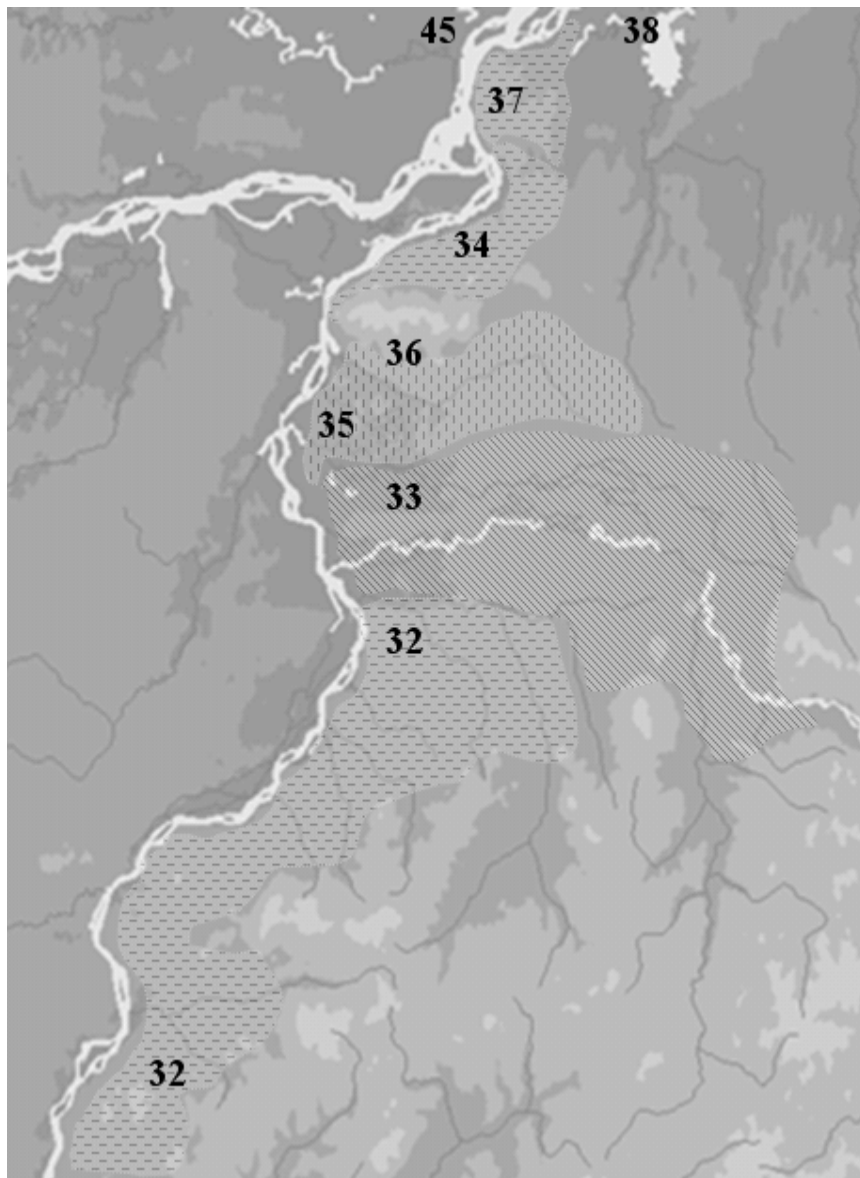

Рис. I. 5. Нижнее течение Усури.

Нумерация объектов на рисунках соответствует нумерации объектов, приведённой в таблице I.1, стр. 234.

Условные обозначения см. на стр. 236.

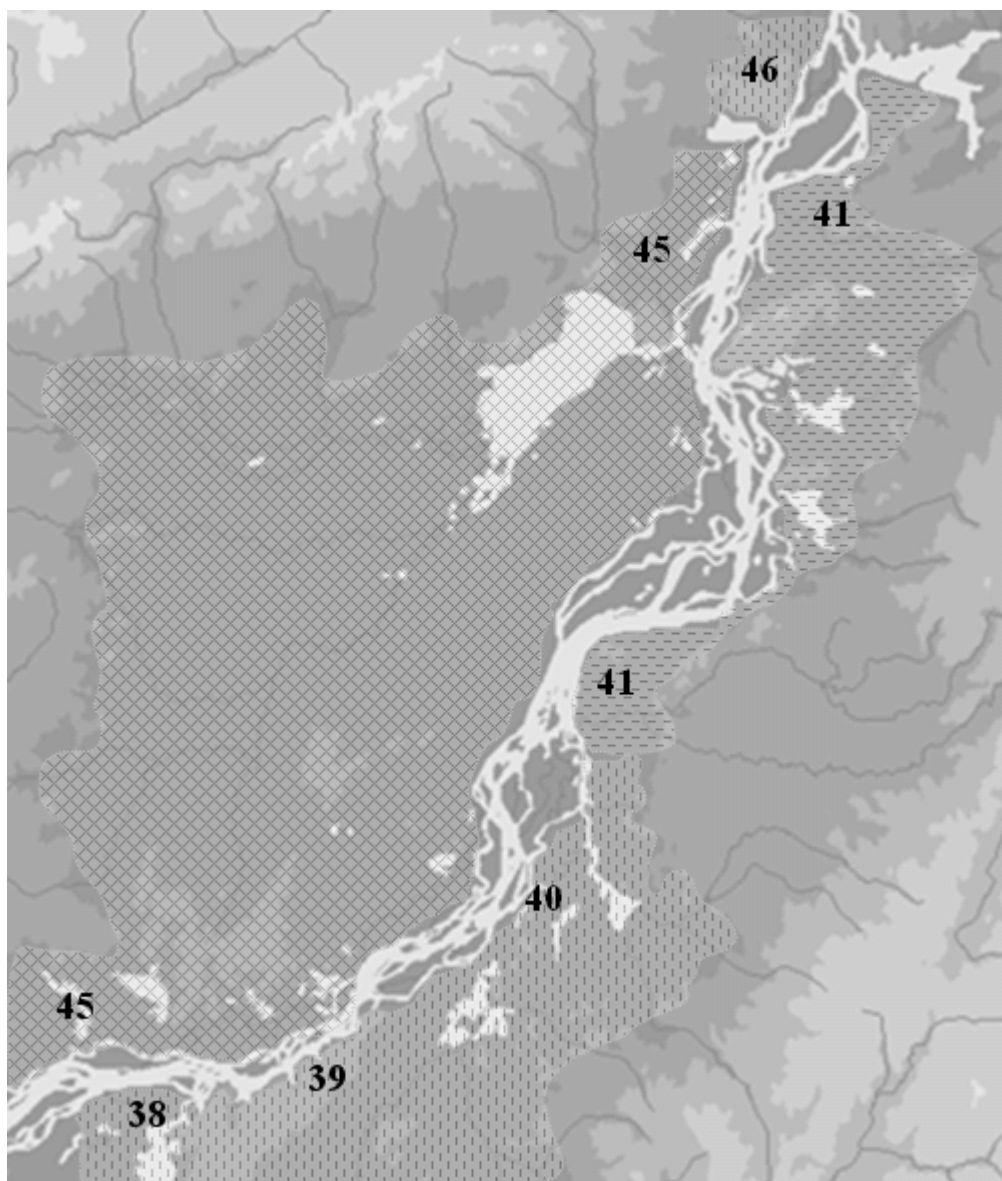

Рис. I.6. Нижний Амур от оз. Петропавловского до оз. Хумми.

Нумерация объектов на рисунках соответствует нумерации объектов, приведённой в таблице I.1, стр. 234.

Условные обозначения см. на стр. 236.

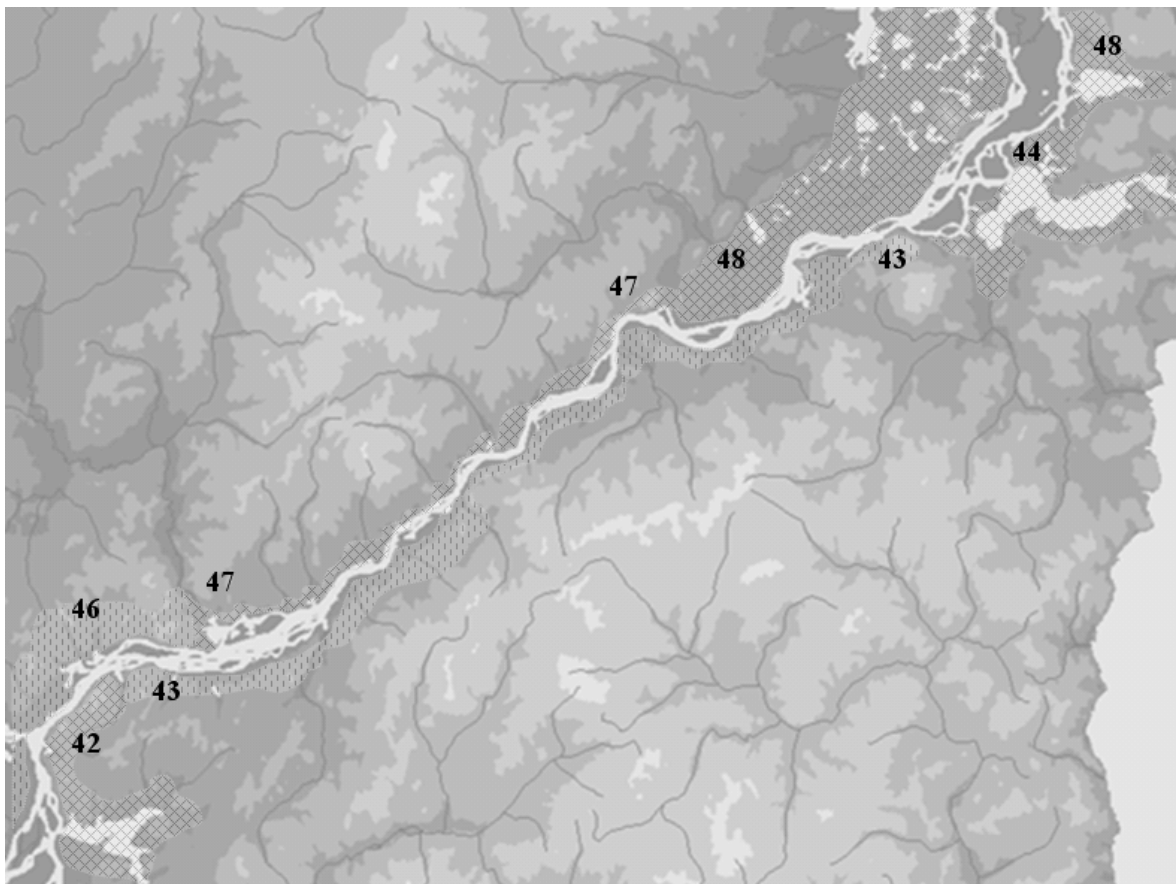

Рис. I.7. Нижний Амур от оз. Хумми до оз. Кизи.

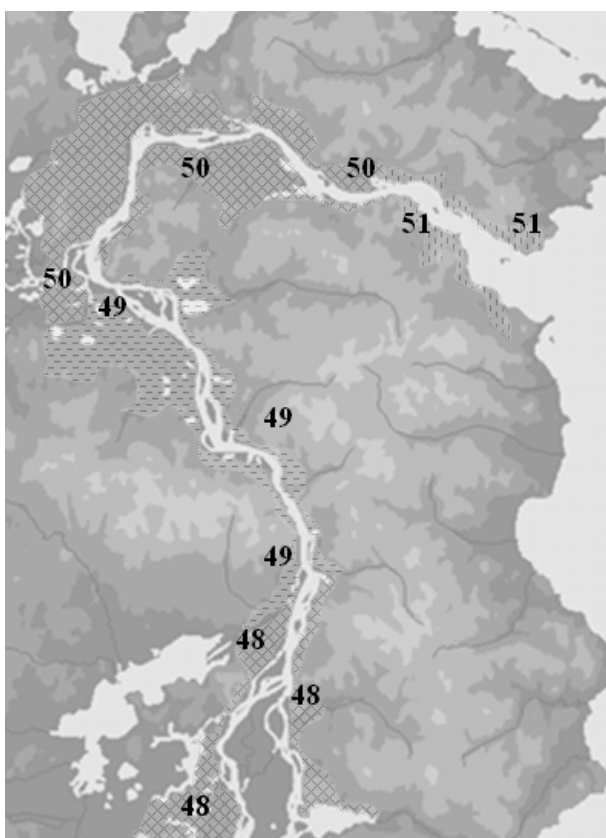

Рис. I.8. Нижний Амур от оз. Кизи до устья.

Нумерация объектов на рисунках соответствует нумерации объектов, приведённой в таблице I.1, стр. 234.

Условные обозначения см. на стр. 236.

Приложение II. Крестьянские волости в Приморской области второй
половины XIX в.

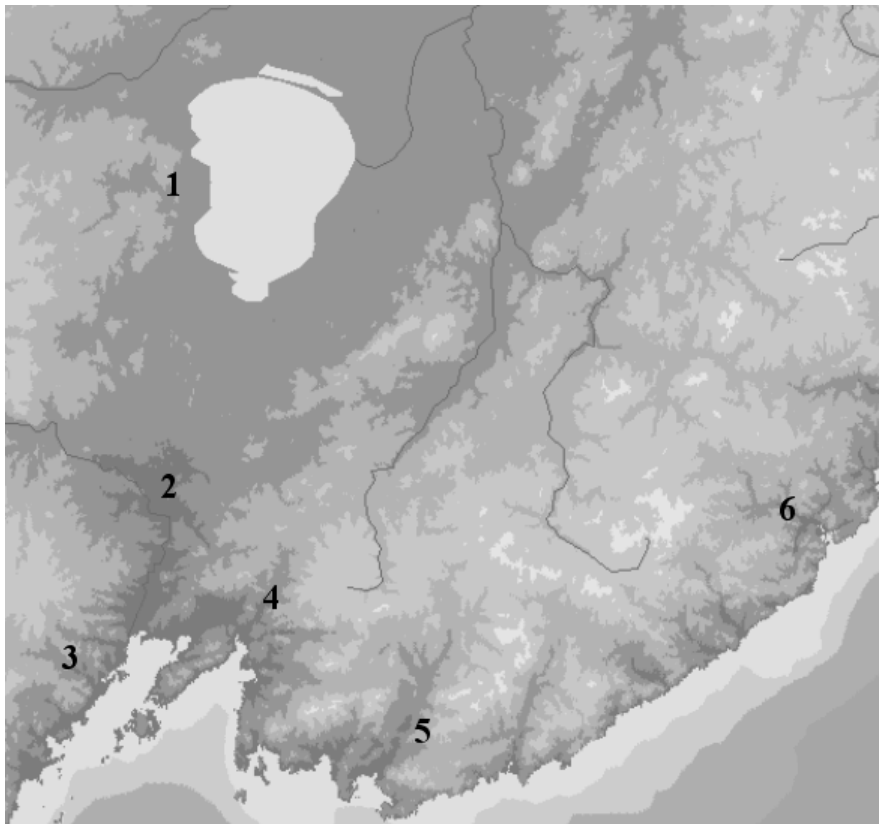

Рисунок II.1. Крестьянские управления в Южно-Уссурийском округе в 60 – 70-х гг. XIX в.

Комментарии к обозначениям см. стр. 108.

Условные обозначения

1 – 6 крестьянские управления

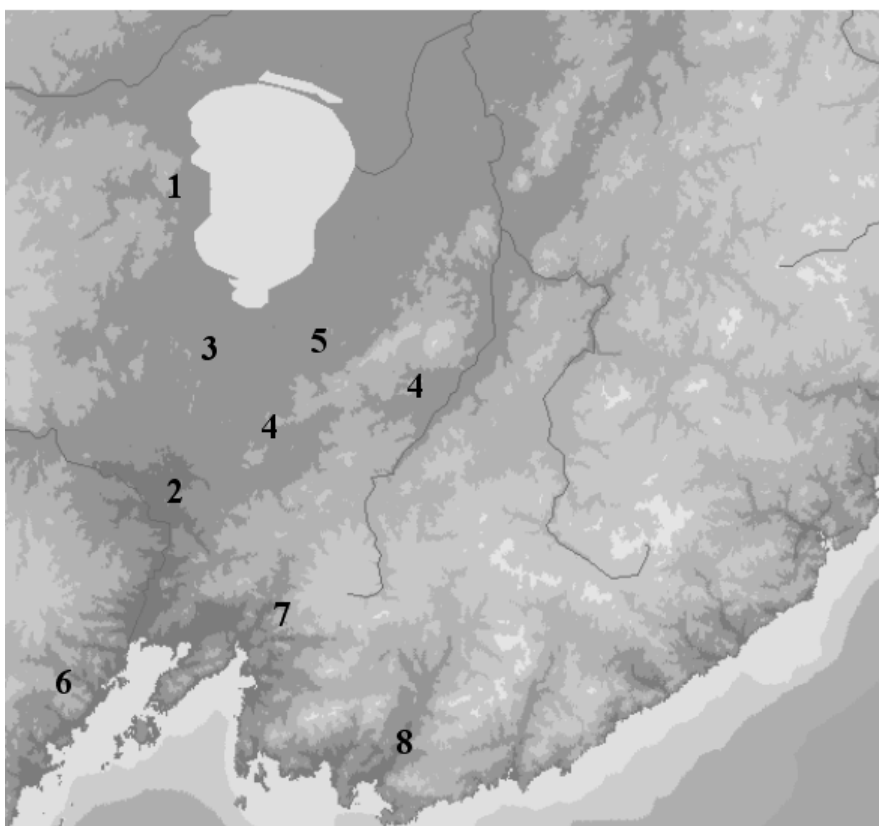

Рисунок II.2. Волостное устройство Южно-Уссурийского округа в 1885 г.

Комментарии к обозначениям см. стр. 108.

Условные обозначения

1 – 8 крестьянские волости

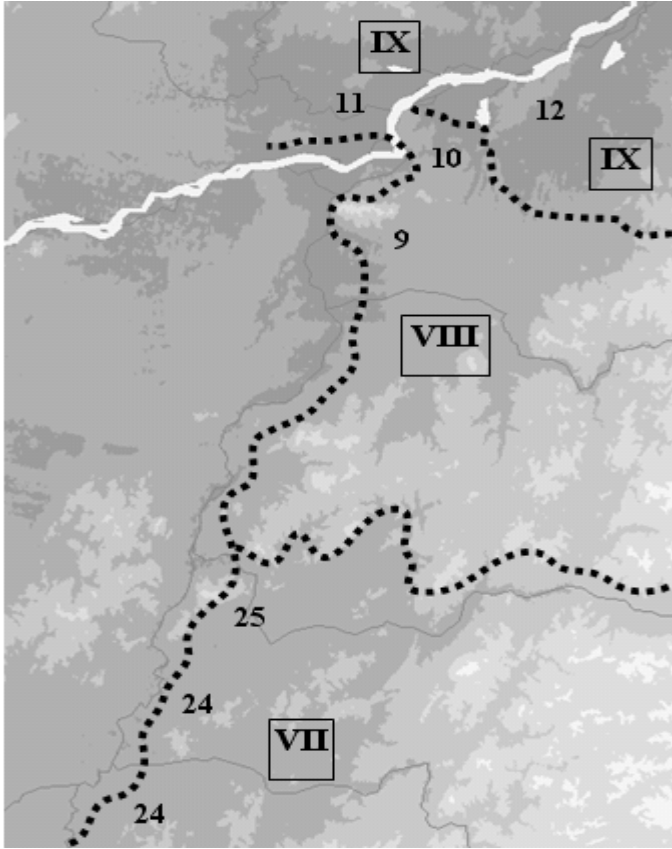

Рисунок П.3. Волостное устройство нижнего и среднего течения Усури и окрестностей Хабаровки и границы крестьянских участков в начале XX века.

Комментарии к обозначениям см. стр. 109.

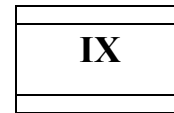
Условные обозначения

9 – 11

крестьянские волости

24, 25

крестьянские волости

крестьянские участки

границы крестьянских участков

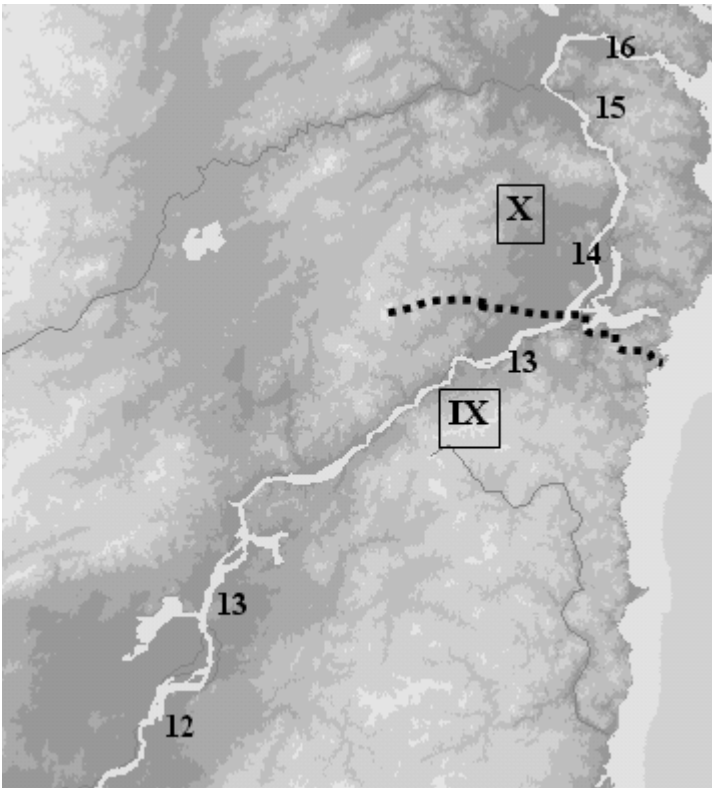

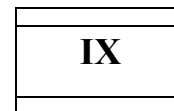
Рисунок П.4. Волостное устройство Нижнего Амура во второй половине XIX в. и крестьянские участки в начале XX в.

Комментарии к изображениям см. стр. 109.

Условные обозначения

12 – 16

крестьянские волости

крестьянские участки

границы крестьянских участков

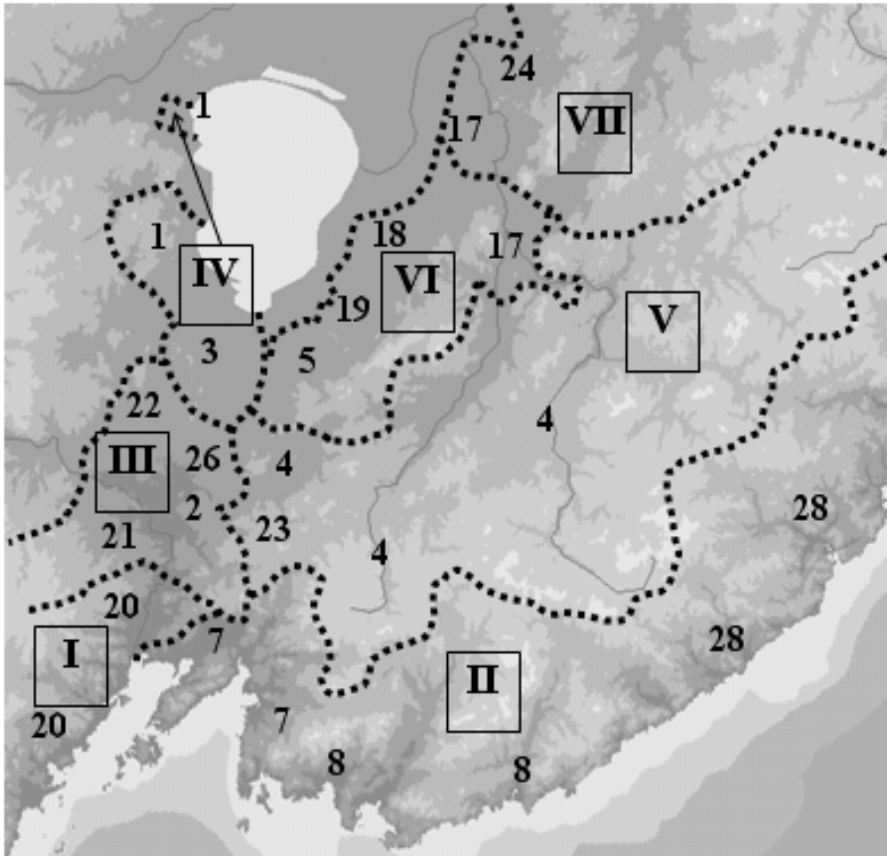

Рисунок П.5. Волостное устройство Южно-Уссурийского округа в 1901 г. и границы крестьянских участков.

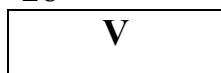
Комментарии к изображениям см. стр. 109.

Условные обозначения

1 – 8

17 – 26 крестьянские волости

28

крестьянские участки

границы крестьянских участков

Приложение III. Соотношение крестьянского расселения и природных условий в Приморской области второй половины XIX в.

Таблица III.1. Хронология образования новых крестьянских селений¹²⁰.

Год	Прибыло в обл., семей	Количество основанных селений, в т. ч.				
		Всего	Николаевская/ Удская округа	Софийская/ Хабаровская округа	Северно-Уссурийский край	Южно-Уссурийский край
1855	11	12	12	0	0	0
1856	0	0	0	0	0	0
1857	0	0	0	0	0	0
1858	0	0	0	0	0	0
1859	3	4	4	0	0	0
1860	8	10	2	8	0	0
1861	7	6	0	5	0	1
1862	5	6	0	6	0	0
1863	2	1	0	0	0	1
1864	4	4	0	1	0	3
1865	1	1	0	0	0	1
1866	7	6	0	0	0	6
1867	6	4	4	0	0	0
1868	2	1	0	0	0	1
1869	0	0	0	0	0	0
1870	2	2	0	0	0	2
1871	0	0	0	0	0	0
1872	0	0	0	0	0	0
1873	1	1	0	0	0	1
1874	0	0	0	0	0	0
1875	0	1	0	0	0	1
1876	1	1	0	0	0	1
1877	1	1	0	0	0	1
1878	0	0	0	0	0	0
1879	0	1	0	0	0	1
1880	1	2	0	0	0	2
1881	0	1	0	0	0	1
1882	0	0	0	0	0	0
1883	9	9	0	0	0	9
1884	15	15	0	0	0	15
1885	14	14	0	0	0	14
1886	7	7	0	0	0	7
1887	3	6	0	0	0	5
1888	4	3	0	0	0	3
1889	2	5	0	0	0	5
1890	8	2	0	0	0	2
1891	10	8	0	0	3	5
1892	4	8	0	0	0	8

¹²⁰ Составлено по: Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. – М.: Наука, 1985. С. 243 – 254.

Продолжение табл. III.1

1893	1	4	0	0	0	4
1894	11	1	0	0	1	0
1895	9	11	0	0	5	6
1896	5	8	0	0	2	6
1897	17	5	0	0	1	4
1898	21	17	0	0	8	9
1899	28	21	0	0	10	11
1900	9	29	0	0	21	8

Рис. III.1. Интенсивность процесса образования крестьянских селений по районам

Таблица III.2. Заселение волостей, в т. ч. селения.

Волость	Селение	Год основания селения	Заселяется с периода	Заселяется лет	Индекс природного потенциала
Нижний Амур					
Сергиевская	Сергиевское	1855	I	37 (11)	I
	Сабах	1855			
	Маго	1859			
	Малый Амурчик	1867			
	Какинская Бухта	1867			
	Денисовское	1867			
	Пальво	1892			
Больше-Михайловская	Тырское	1855	I	12	I
	Больше-Михайловское	1855			
	Богородское	1855			
	Мало-Михайловское	1855			
	Воскресенское	1855			
	Георгиевское	1855			
	Тебах	1855			
	Кальго	1859			
	Койма	1860			
	Када	1860			
	Бровцина	1867			
	Кабач	1867			
	Кальго	1867			
	Мариинско-Успенская	Мариинско-Успенское			
Иркутское		1855			
Нижне-Тамбовская	Пермское	1860	I	3	I
	Жеребцовское	1860			
	Нижне-Тамбовское	1861			
	Малмыжское	1861			
	Циммермановка	1861			
	Софийское	1861			
	Вознесенское	1862			
	Орловское	1862			
	Средне-Тамбовское	1859			
	Верхне-Тамбовское	1862			
	Шелеховское	1862			
	Литвинцевское	1862			
	Зелёный Бор	1863			

Волость	Селение	Год основания селения	Заселяется с периода	Заселяется лет	Индекс природного потенциала				
Троицкая	Троицкое	1860	I	36 (2)	IIa				
	Сарапульское	1860							
	Воронежское	1860							
	Вятское	1860							
	Мальшевское	1861							
	Иннокентьевское	1896							
Северно-Уссурийский край									
Тунгусская	Владимировка	1891	III	8	IIIb				
	Покровка	1891							
	Тунгуска	1898							
	Николаевка	1899							
Николо-Александровская	Хабаровка	1861	I	38 (8)	III				
	Николо-Александровское	1891							
	Берёзовка	1896							
	Матвеевка	1898							
	Ильинка	1898							
	Гаровка	1899							
Киинская	Переяславка	1895	III	5	III				
	Екатеринославка	1895							
	Сергие-Михайловское	1895							
	Гродеково	1898							
	Могилёвка	1898							
	Александро-Михайловское	1898							
	Георгиевское	1898							
	Павленково	1898							
	Дормидонтовка	1900							
	Лермонтова	1900							
	Отрадное	1900							
	Лутковская	Лутковка				1894	III	6	III
		Тихменево				1895			
Глазово		1899							
Тараща		1899							
Веденка		1899							
Пантелеймоновка		1900							
Кабарга		1900							
Ружино		1900							
Елизаветинское		1900							
Тамгинское		1900							
Звенигородка		1900							
Гоголевка		1900							
Гондатыно		1900							

Волость	Селение	Год основания селения	Заселяется с периода	Заселяется лет	Индекс природного потенциала
Тихоновская	Тихоновка	1899	IV	2	III
	Ольгинское	1900			
	Федосьевка	1900			
Успенская	Успенка	1891	III	9	III
	Авдеевка	1895			
	Бельцово	1891			
	Степановка	1897			
	Подгорное	1899			
	Руновка	1899			
	Уссурийское	1899			
	Преображенка	1900			
	Николо-Михайловка	1900			
	Озерное	1900			
	Архангеловка	1900			
Южно-Уссурийский край					
Ольгинский участок	Фудин	1861	I	37	IIa
	Пермская	1864			
	Арзамазовка	1866			
	Милоградова	1898			
	Маргаритово	1900			
Сучанская	Владимировка	1864	I	35	IIb
	Александровка	1864			
	Николаевка	1868			
	Голубовка	1884			
	Унаши	1884			
	Пирятино	1884			
	Новицкая	1884			
	Фроловка	1885			
	Екатериновка	1886			
	Ново-Литовское	1889			
	Хмыловка	1892			
	Казанка	1892			
	Несмеловка	1892			
	Бровничи	1895			
	Душкино	1895			
	Домашлино	1895			
	Сергеевка	1895			
	Засучанское	1898			
	Молчановка	1899			
	Мельники	1899			
Имбиша	1899				
Киев	1899				

Волость	Селение	Год основания селения	Заселяется с периода	Заселяется лет	Индекс природного потенциала
Цимухинская	Андреевка	1864	I	35	III
	Шкотово	1865			
	Майхэ	1883			
	Речица	1884			
	Многоудобное	1884			
	Петровка	1884			
	Романовка	1885			
	Ново-Нежино	1885			
	Новохотуничи	1886			
	Царевка	1887			
	Промысловка	1891			
	Угловое	1891			
	Новороссийское	1893			
	Кролевец	1896			
	Кневичи	1896			
	Ново-Васильково	1899			
	Эстляндское	1899			
	Лифляндское	1899			
	Моленный Мыс	1900			
	Раздольнинская	Раздольное (Суйфунская)			
Богословка		1873			
Або		1876			
Занадворовка		1877			
Попова Гора		1883			
Городечня		1884			
Кедровая Падь		1884			
Нежино		1885			
Монгугай		1885			
Тереховка		1887			
Амба-Бира		1892			
Пеняжино		1898			
Овчинниково		1898			
Кипарисовка		1899			
Новокиевское		1900			
Покровская		Покровка	1880	II	25
	Струговка	1884			
	Голенка	1892			
Михайловская	Михайловка	1870	II	25 (12)	IIIb
	Воздвиженка	1883			
	Дубки	1893			
	Липовцы	1895			

Волость	Селение	Год основания селения	Заселяется с периода	Заселяется лет	Индекс природного потенциала
Суйфунская	Никольское	1866	I	17	Шь
	Новоникольское	1866			
	Красный Яр	1868			
	Раковка	1884			
	Глуховка	1885			
Борисовская	Борисовка	1883	III	17	Шь
	Кугукова	1896			
	Улитиха	1900			
	Линевичево	1900			
Григорьевская	Григорьевка	1883	III	14	Шь
	Вознесенка	1885			
	Новожастково	1885			
	Павловка	1883			
	Поповка	1885			
	Хорольское	1891			
	Абрамовка	1893			
	Прилуки	1893			
	Бильмановка	1897			
Ханкайская	Турий Рог (Воронежское)	1863	I	23	Шь
	Троицкое	1866			
	Астраханка	1866			
	Камень-Рыболов	1866			
	Ильинка	1870			
	Жариково	1883			
	Барабаш-Левада	1884			
	Новоселище	1884			
	Девица	1886			
	Новодевица	1886			
	Даниловка	1885			
Осиновская	Кремово	1885	III	15	Шь
	Ляличи	1885			
	Осиновка	1887			
	Петрушино	1900			

Волость	Селение	Год основания селения	Заселяется с периода	Заселяется лет	Индекс природного потенциала
Ивановская	Николаевка	1883	II	28 (17)	IIa
	Ивановка	1883			
	Варваровка	1884			
	Гордеевка	1884			
	Верхне-Романовка	1885			
	Ширяевка	1885			
	Петропавловка	1888			
	Тарасовка	1889			
	Сысоевка	1889			
	Ображеевка	1896			
	Лефинская	1896			
	Снегуровка	1898			
	Каменка (Судуганская)	1898			
	Гродеково	1898			
	Виноградовка	1900			
	Сандуганка	1900			
Черниговская	Черниговка	1886	III	13	IIb
	Монастырище	1887			
	Дмитровка	1887			
	Халкидон	1888			
	Алтыновка	1889			
	Меркушевка	1896			
	Вассианово (Верхне-Сандугановка)	1899			
Зеньковская	Александровка	1890	II	10	IIb
	Зеньковка	1892			
	Комаровка	1895			
	Константиновка	1896			
	Духовское	1897			
	Анненское	1897			
	Васильково	1899			
	Антоновка	1899			
	Озерное	1900			
	Николо-Михайловка	1900			

Волость	Селение	Год основания селения	Заселяется с периода	Заселяется лет	Индекс природного потенциала
Спасская	Воскресенка	1886	III	13	Пб
	Спасское	1886			
	Прохоры	1888			
	Гайворон	1890			
	Дубовское	1892			
	Красный Кут	1892			
	Хвальинка	1892			
	Буссевка	1897			
	Сосновка	1898			
	Славинское	1898			
	Вишневка	1899			
	Зеленовка	1900			

Условные обозначения для рисунков Ш.3 – Ш.11.

- Селения, основанные в 1855 – 1882 гг.
- Селения, основанные в 1883 – 1897 гг.
- ▲ Селения, основанные в 1898 – 1900 гг.

Рис. Ш.3. Заселение Нижнего Амура от устья Горина, первый период (1855 – 1867)

Комментарии к изображению см. стр. 148.

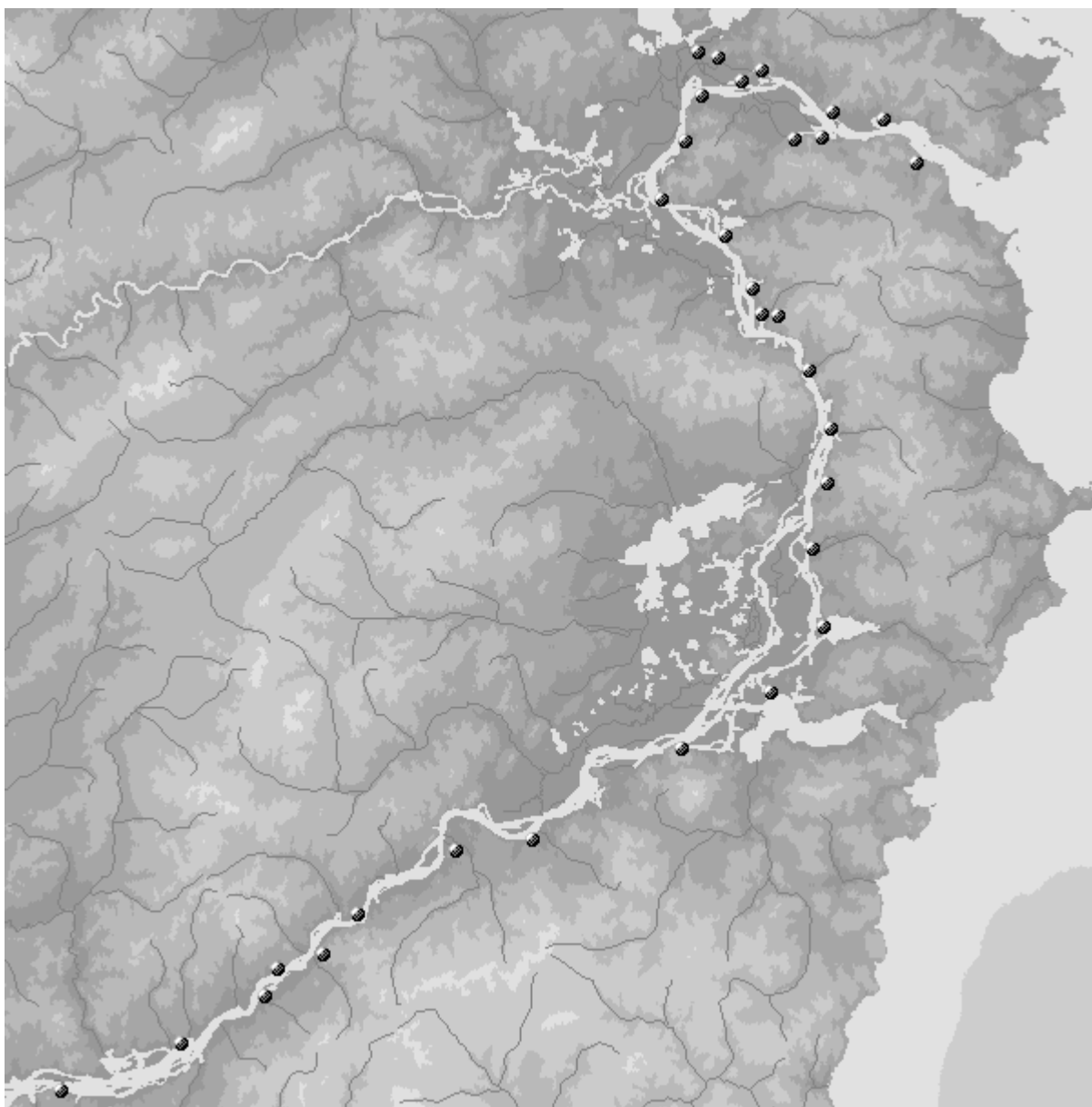

Рис. III.4. Заселение Нижнего Амура от устья Усури до устья Горина, первый период (1855 – 1867).

Комментарии к изображению см. стр. 149.

Условные обозначения см. стр.256.

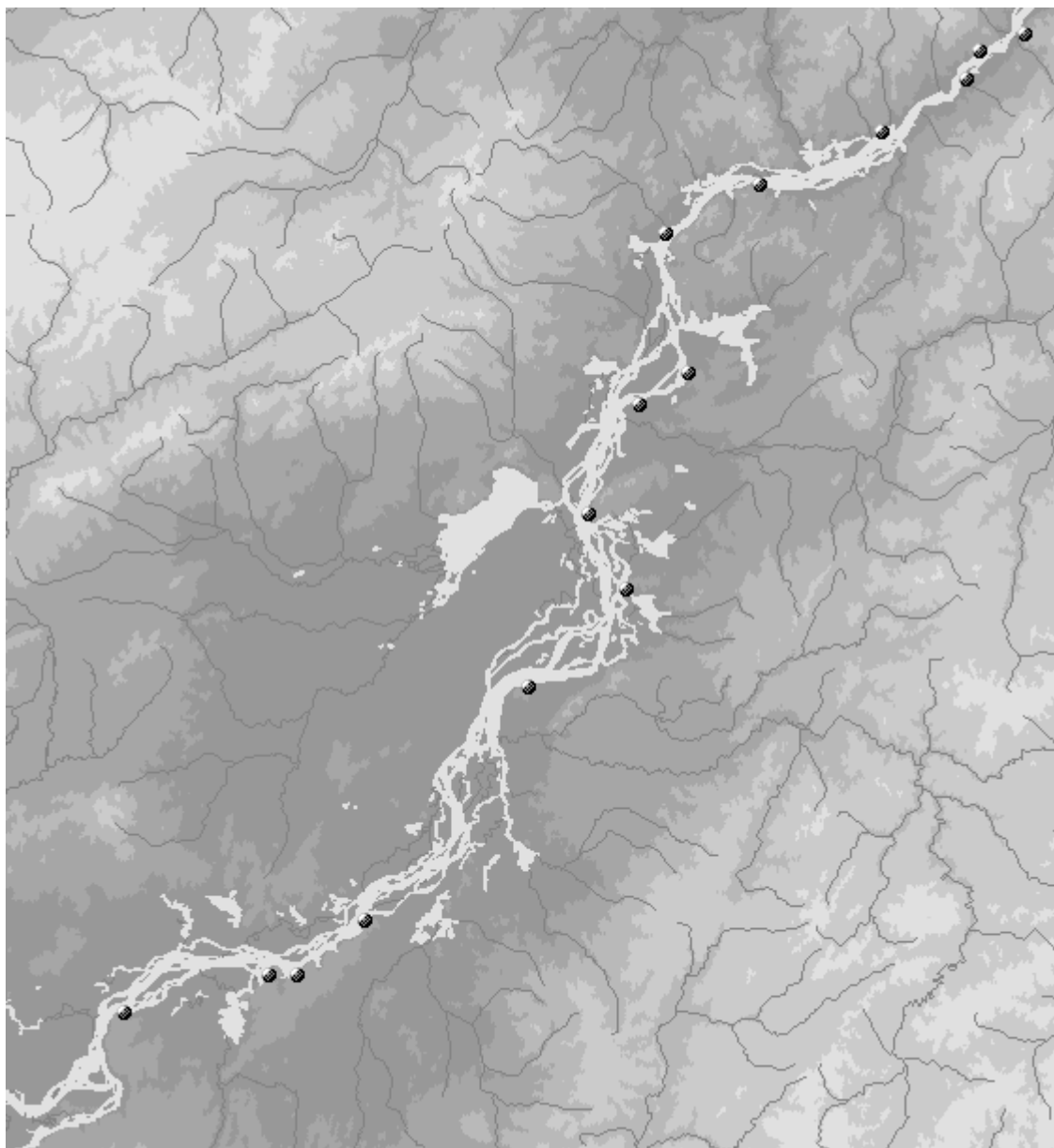

Рис. III. 5. Заселение Южно-Уссурийского края, первый период (1855 – 1867).

Комментарии к изображению см. стр. 152.

Условные обозначения см. стр.256.

Рис. III.6. Заселение Южно-Уссурийского края, второй период (1868 – 1882)

Комментарии к изображению см. стр. 152.

Условные обозначения см. стр.256.

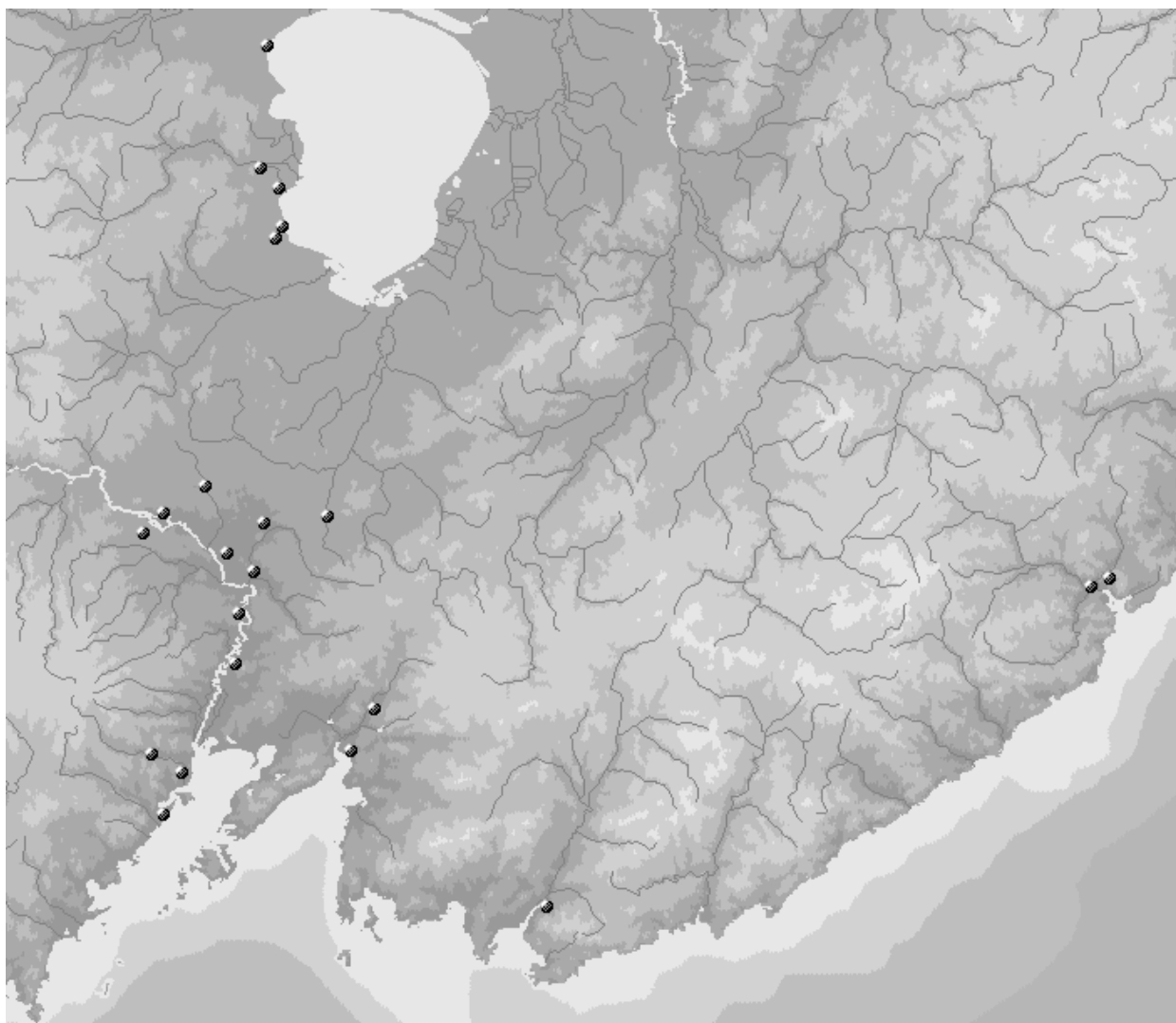

Рис. III.7. Заселение нижнего течения Усури, третий период (1883 – 1897).

Комментарии к изображению см. стр. 157.

Условные обозначения см. стр.256.

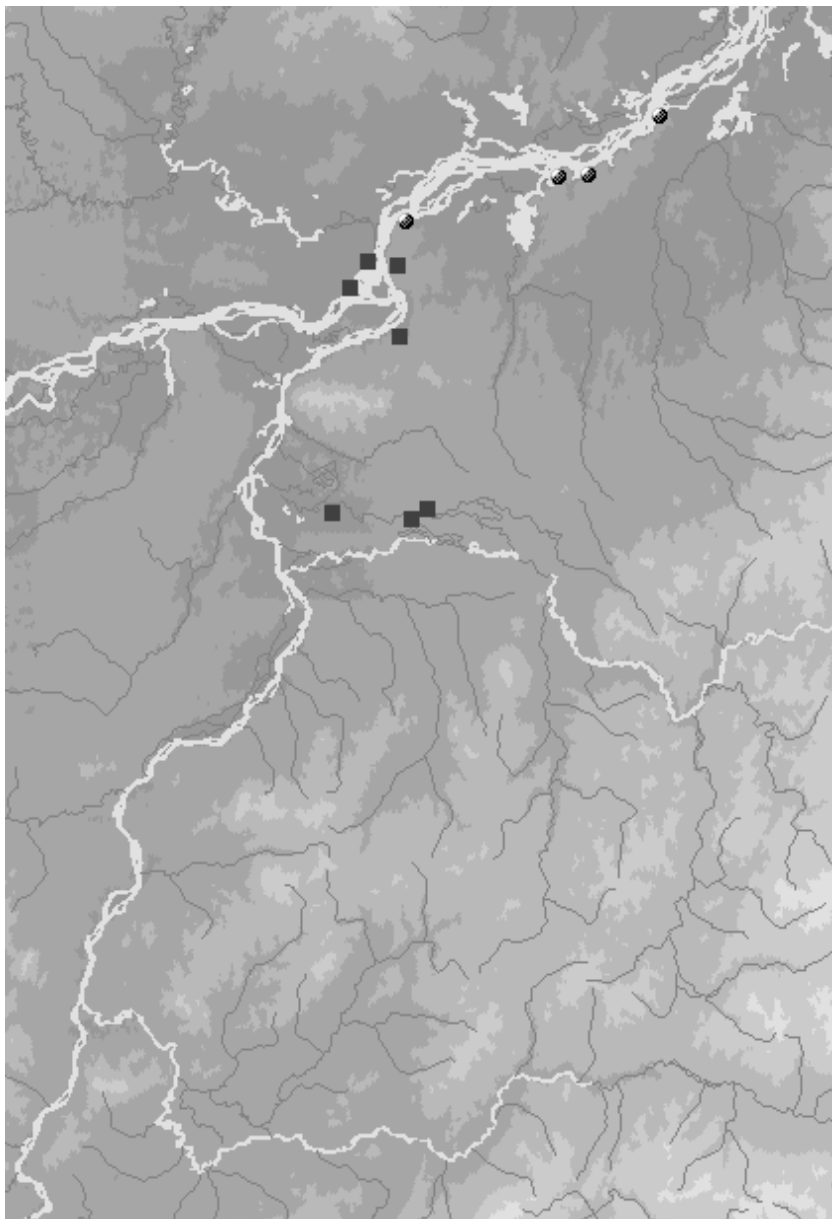

Рис. III.8. Заселение Южно-Уссурийского края, третий период (1883 – 1897).

Комментарии к изображению см. стр. 155.

Условные обозначения см. стр.256.

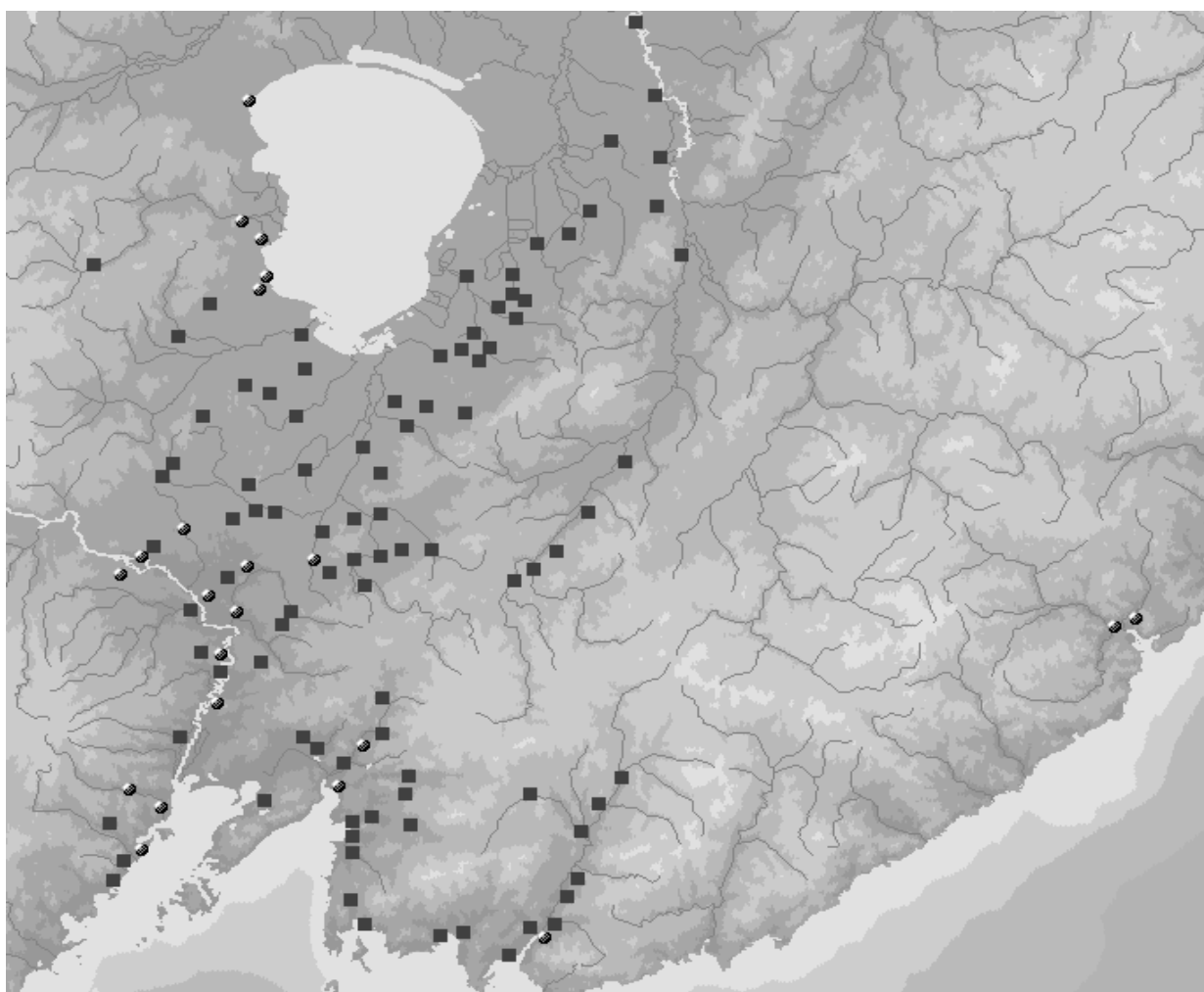

Рис. III.9. Заселение нижнего течения Усури, четвёртый период (1898 – 1900).

Комментарии к изображению см. стр. 157.

Условные обозначения см. стр.256.

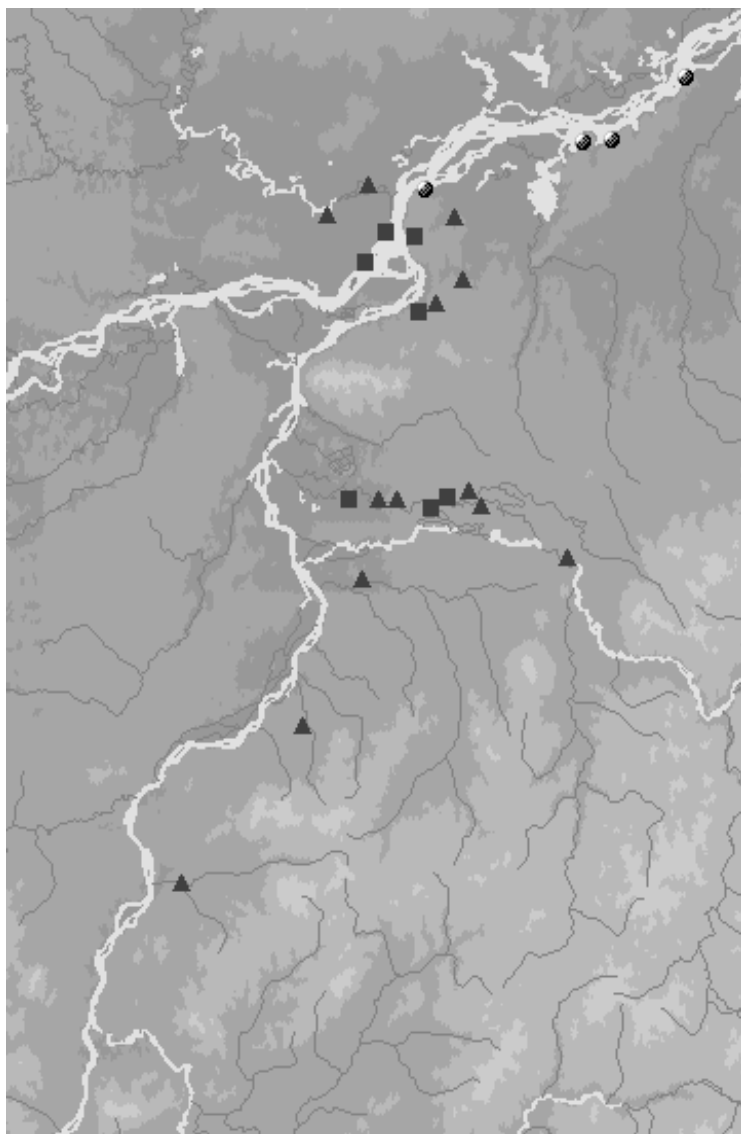

Рис. III.10. Заселение среднего течения Уссури, четвёртый период (1898 – 1900).

Комментарии к изображению см. стр. 157.

Условные обозначения см. стр.256.

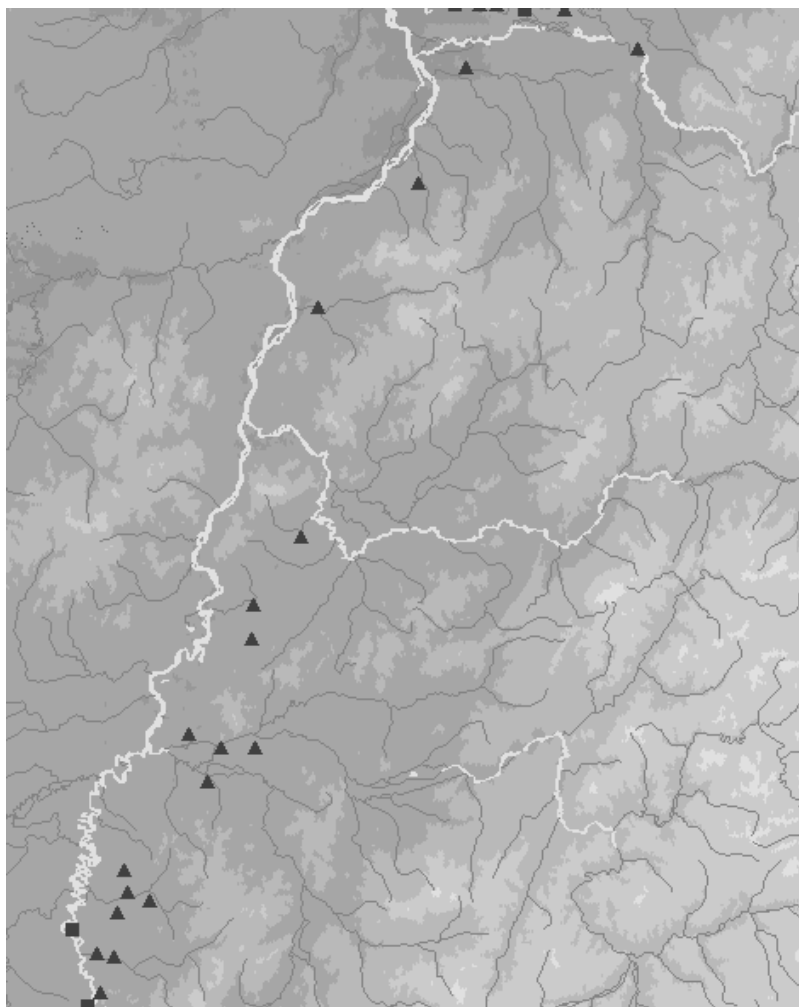
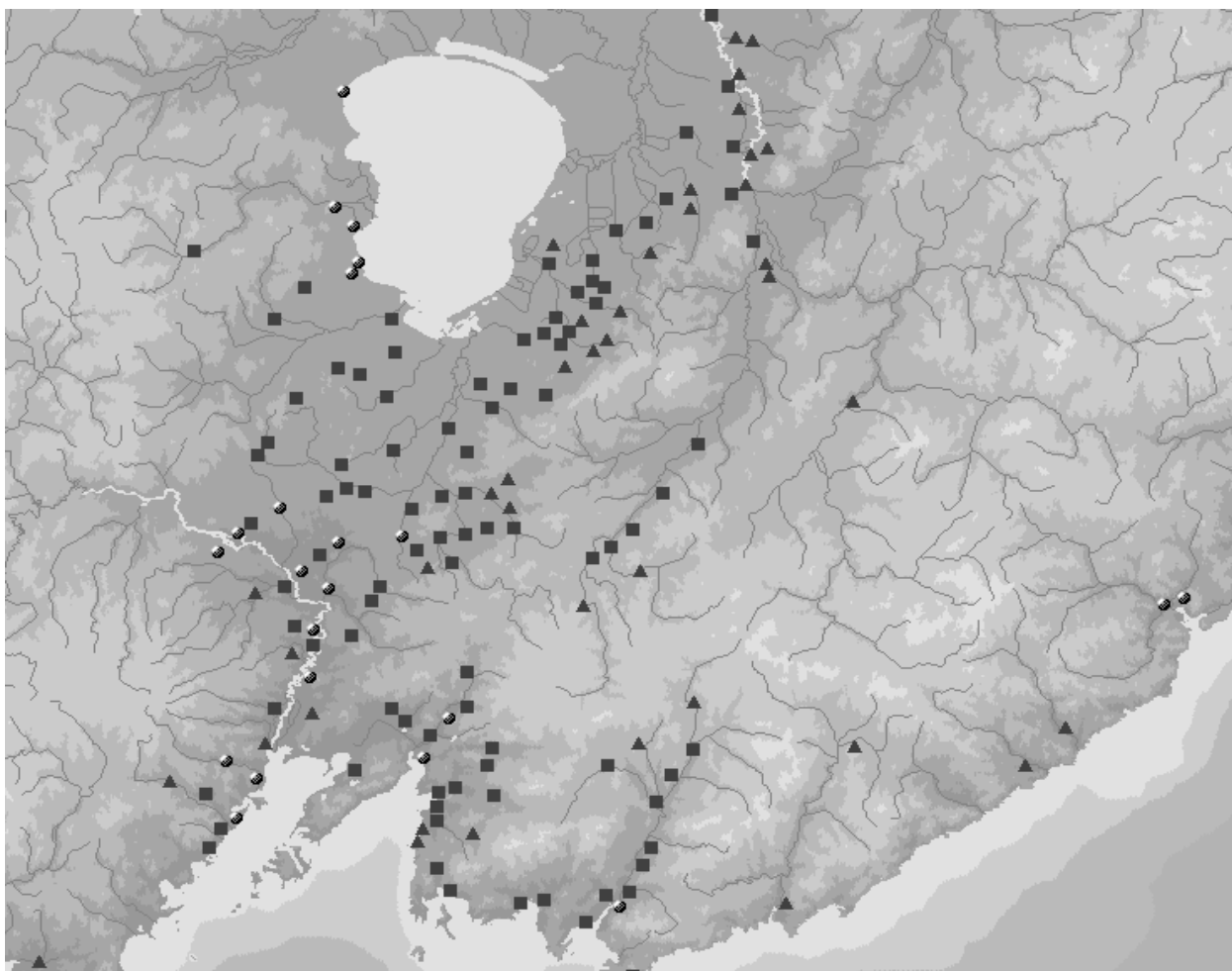

Рис. III.11. Заселение Южно-Уссурийского края, четвёртый период (1898 – 1900).

Комментарии к изображению см. стр. 157.

Условные обозначения см. стр.256.

Приложение IV. Водворение крестьян в Приморской области

Таблица IV.1. Сроки водворения крестьян-переселенцев на Нижний Амур¹

Волость	Период	Срок водворения хозяйства						Всего
		До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
Больше-Михайловская	I	0	0	0	0	0	3	3
	%	0	0	0	0	0	15,79	15,79
Нижне-Тамбовская	I	0	0	4	1	1	1	7
	%	0	0	21,05	5,26	5,26	5,26	36,84
	III	0	0	0	0	0	1	1
	%	0	0	0	0	0	5,26	5,26
	∑	0	0	4	1	1	2	8
	%	0	0	21,05	5,26	5,26	10,53	42,10
Троицкая	I	0	0	7	0	0	0	7
	%	0	0	36,84	0	0	0	36,84
	II	0	0	2	0	0	0	2
	%	0	0	10,53	0	0	0	10,53
	III	0	1	1	0	0	0	2
	%	0	5,26	5,26	0	0	0	10,53
	∑	0	1	10	0	0	0	11
	%	0	5,26	52,63	0	0	0	57,89
Итого по Нижнему Амуру	I	0	0	11	1	1	1	14
	%	0	0	57,89	5,26	5,26	5,26	73,68
	II	0	0	2	0	0	0	2
	%	0	0	10,53	0	0	0	10,53
	III	0	1	1	0	1	0	3
	%	0	5,26	5,26	0	5,26	0	15,79
	∑	0	1	14	1	2	1	19
	%	0	5,26	73,68	5,26	10,53	5,26	100

¹ Составлено по: Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том IV (описание селений). Собраны и обработаны под руководством А. Меньшикова. Под редакцией А. А. Татищева. Саратов, 1912. С. 47.

Таблица IV.2. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Северо-Уссурийском крае¹

Волость	Период	Срок водворения хозяйства						Всего
		До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
Николо-Александровская	II	2	3	7	8	9	2	31
	%	0,12	0,18	0,43	0,49	0,55	0,12	1,89
	III	9	22	23	10	20	2	86
	%	0,55	1,34	1,40	0,61	1,22	0,12	5,23
Тунгусская	II	6	0	7	3	3	1	20
	%	0,36	0	0,43	0,18	0,18	0,06	1,22
	III	0	6	2	0	6	0	14
	%	0	0,36	0,12	0	0,36	0	0,85
Киинская	II	1	0	23	1	2	6	33
	%	0,06	0	1,40	0,06	0,12	0,36	2,01
	III	85	145	52	23	8	97	410
	%	5,17	8,82	3,16	1,40	0,49	5,90	24,95
	Σ	86	145	75	24	10	103	443
	%	5,23	8,82	4,56	1,46	1,61	6,27	26,96
Лутковская	II	0	0	3	0	0	0	3
	%	0	0	0,18	0	0	0	0,18
	III	33	52	74	3	0	32	194
	%	2,01	3,16	4,50	0,18	0	1,95	11,81
	Σ	33	52	77	3	0	32	197
	%	2,01	3,16	4,69	0,18	0	1,95	11,99
Веденская	II	0	0	1	0	0	0	1
	%	0	0	0,06	0	0	0	0,06
	III	10	5	33	1	0	8	57
	%	0,61	0,30	2,01	0,06	0	0,49	3,47
	Σ	10	5	34	1	0	8	58
	%	0,61	0,30	2,07	0,06	0	0,49	3,53
Тихоновская	II	2	1	0	0	0	0	3
	%	0,12	0,06	0	0	0	0	0,18
	III	30	37	28	3	1	2	101
	%	1,82	2,25	1,70	0,18	0,06	0,12	6,15
	Σ	32	38	28	3	1	2	104
	%	1,95	2,31	1,70	0,18	0,06	0,12	6,33
Успенская	II	21	41	25	3	8	8	107
	%	1,28	2,49	1,52	0,18	0,49	0,49	6,51
	III	160	181	212	19	8	14	594
	%	9,74	11,02	12,90	1,16	0,49	0,85	36,15
	Σ	181	222	237	22	16	22	701
	%	11,01	13,51	14,42	1,34	0,97	1,34	42,66

¹ Составлено по: Там же. С. 47 – 63.

Волость	Период	Срок водворения хозяйства						Всего
		До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
Итого Северно-Уссурийский край	II	32	45	66	15	22	17	197
	%	1,95	2,74	4,02	0,91	1,33	1,03	11,98
	III	327	448	424	49	43	155	1446
	%	19,90	27,27	25,81	2,98	2,62	9,43	88,01
	∑	359	493	490	64	65	172	1643
	%	21,85	30,01	29,82	3,89	3,96	10,47	100

Таблица IV 3. Сроки водворения крестьян-переселенцев в Южно-Уссурийском крае¹

Волость	Период	Срок водворения хозяйства						Всего
		До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
Ольгинский участок	I	0	0	0	1	2	1	4
	%	0	0	0	0,01	0,03	0,01	0,06
	II	1	29	9	0	3	1	43
	%	0,01	0,44	0,14	0	0,05	0,01	0,66
	III	6	34	21	0	3	4	68
	%	0,09	0,52	0,31	0	0,05	0,06	1,03
	∑	7	63	30	1	8	6	115
	%	0,11	0,96	0,46	0,01	0,12	0,09	1,75
Сучанская	I	0	0	0	0	0	1	1
	%	0	0	0	0	0	0,01	0,01
	II	94	21	85	3	20	86	309
	%	1,43	0,32	1,29	0,05	0,30	1,31	4,71
	III	26	15	46	16	24	10	137
	%	0,40	0,23	0,70	0,24	0,36	0,15	2,09
	∑	120	36	131	19	44	97	447
	%	1,83	0,59	1,99	0,29	0,67	1,48	6,81
Цемухинская	I	0	0	0	0	0	1	1
	%	0	0	0	0	0	0,01	0,01
	II	4	2	1	0	2	6	15
	%	0,06	0,03	0,01	0	0,03	0,09	0,23
	III	2	0	0	0	3	1	6
	%	0,03	0	0	0	0,05	0,01	0,09
	∑	6	2	1	0	5	8	22
	%	0,09	0,03	0,01	0	0,08	0,12	0,33
Раздольнинская	I	0	0	1	0	4	10	15
	%	0	0	0,01	0	0,06	0,15	0,23
	II	0	1	38	2	24	4	69
	%	0	0,01	0,58	0,03	0,36	0,06	1,05
	III	6	0	0	2	40	0	48
	%	0,09	0,01	0,59	0,06	1,03	0,21	1,78
	∑	6	1	39	4	68	14	117
	%	0,09	0,01	0,59	0,06	1,03	0,21	1,78

¹ Составлено по: Там же. С. 63 – 123.

Волость	Период	Срок водворения хозяйства						
		До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	Всего
Суйфунская	I	0	0	6	0	10	14	30
	%	0	0	0,09	0	0,15	0,21	0,50
	II	36	0	7	5	4	56	108
	%	0,55	0	0,11	0,08	0,06	0,85	1,65
	III	0	0	0	1	1	13	15
	%	0	0	0	0,01	0,01	0,20	0,23
	Σ	36	0	13	6	15	83	153
	%	0,55	0	0,20	0,09	0,23	1,26	2,33
Ивановская	I	0	0	0	0	0	3	3
	%	0	0	0	0	0	0,05	0,05
	II	58	121	30	14	12	31	266
	%	0,88	1,84	0,46	0,21	0,18	0,47	4,05
	III	88	66	126	5	15	16	316
	%	1,34	1,00	1,92	0,08	0,23	0,24	4,81
	Σ	146	187	156	19	27	50	585
	%	2,22	2,85	2,38	0,29	0,41	0,76	8,91
Зеньковская	II	28	32	83	4	4	71	222
	%	0,43	0,49	1,26	0,06	0,06	1,08	3,38
	III	149	117	62	2	2	4	336
	%	2,27	1,78	0,94	0,03	0,03	0,06	5,12
	Σ	177	149	145	6	6	75	558
	%	2,70	2,27	2,21	0,09	0,09	1,14	8,50
Осиновская	II	99	61	52	14	5	17	248
	%	1,51	0,93	0,79	0,21	0,08	0,26	3,78
	III	19	10	19	0	4	2	54
	%	0,29	0,15	0,29	0	0,06	0,03	0,82
	Σ	118	71	71	14	9	19	302
	%	1,80	1,08	1,08	0,21	0,14	0,29	4,60
Покровская	I	1	3	2	1	0	2	9
	%	0,01	0,05	0,03	0,01	0	0,03	0,14
	II	76	54	27	18	8	97	280
	%	1,16	0,82	0,41	0,27	0,12	1,47	4,26
	III	34	8	25	8	3	5	83
	%	0,52	0,12	0,38	0,12	0,05	0,08	1,26
	Σ	111	65	54	27	11	104	372
	%	1,69	0,99	0,82	0,41	0,17	1,58	5,67
Борисовская	I	0	0	0	1	0	0	1
	%	0	0	0	0,01	0	0	0,01
	II	0	10	41	1	1	9	62
	%	0	0,15	0,62	0,01	0,01	0,14	0,94
	III	0	2	24	1	7	1	35
	%	0	0,03	0,36	0,01	0,11	0,01	0,53
	Σ	0	12	65	3	8	10	98
	%	0	0,18	0,10	0,05	0,12	0,15	1,49

Волость	Период	Срок водворения хозяйства						Всего
		До 1 мес.	1 – 2 мес.	До 1 года	1 – 2 года	Более 2 лет	Неизвестно	
Ханкайская	I	6	5	20	6	5	5	47
	%	0,09	0,08	0,30	0,09	0,08	0,08	0,72
	II	20	24	18	9	2	17	75
	%	0,30	0,36	0,27	0,14	0,03	0,26	1,14
	III	49	128	80	6	14	101	378
	%	0,75	1,95	1,22	0,09	0,21	1,54	5,76
	Σ	75	157	118	21	21	123	495
	%	1,14	2,39	1,80	0,32	0,32	1,87	7,54
Черниговская	II	260	108	103	28	10	27	536
	%	3,96	1,64	1,57	0,43	0,15	0,41	8,17
	III	94	72	147	6	12	19	350
	%	1,43	1,10	2,24	0,09	0,18	0,29	5,33
	Σ	354	180	250	34	22	46	886
	%	5,39	2,74	3,81	0,52	0,33	0,70	13,50
Григорьевская	I	0	0	0	0	0	2	2
	%	0	0	0	0	0	0,03	0,03
	II	242	115	103	22	11	39	532
	%	3,69	1,75	1,57	0,33	0,17	0,59	8,10
	III	115	54	43	3	5	7	227
	%	1,75	0,82	0,65	0,05	0,08	0,11	3,46
	Σ	357	169	146	25	16	48	761
	%	5,44	2,57	2,22	0,38	0,24	0,73	11,60
Спасская	I	0	1	1	1	1	0	4
	%	0	0,01	0,01	0,01	0,01	0	0,06
	II	164	231	120	5	3	116	639
	%	2,50	3,52	1,83	0,08	0,05	1,77	9,73
	III	121	169	171	2	4	63	530
	%	1,84	2,57	2,60	0,03	0,06	0,96	8,07
	Σ	185	411	192	8	8	179	1173
	%	2,82	6,26	2,95	0,12	0,12	2,73	17,87
Итого по Южно-Уссурийскому краю	I	7	9	34	10	22	39	121
	%	0,11	0,14	0,52	0,15	0,33	0,59	1,84
	II	1242	825	810	125	116	595	3713
	%	18,92	12,57	12,34	1,90	1,77	9,06	56,56
	III	825	690	768	53	140	254	2730
	%	12,57	10,51	11,70	0,81	2,13	3,87	41,59
	Σ	2074	1524	1612	188	278	888	6564
	%	31,60	23,22	24,56	2,86	4,23	13,53	100

Таблица IV 4. Сроки водворения крестьян-переселенцев, по волостям. Амурский край¹

Территориальная единица	Период	Срок водворения хозяйства			
		А	В	С	Σ
Нижне-Тамбовская волость	I	0	4	2	6
	%	0	67	33	100
	III	0	0	1	1
	%	0	0	100	100
	Σ	0	4	3	7
	%	0	57	43	100
Троицкая волость	I	0	7	0	7
	%	0	100	0	100
	II	0	2	0	2
	%	0	100	0	100
	III	1	1	0	2
	%	50	50	0	100
	Σ	1	10	0	11
%	9	91	0	100	
Всего по Нижнему Амуру	I	0	11	2	13
	%	0	85	15	100
	II	0	2	0	2
	%	0	100	0	100
	III	1	1	1	3
	%	33	33	33	100
	Σ	1	14	3	18
%	5	78	17	100	

Таблица IV 5. Сроки водворения крестьян-переселенцев, по волостям. Северо-Уссурийский край²

Территориальная единица	Период	Срок водворения хозяйства			
		А	В	С	Σ
Николо-Александровская волость	II	5	7	17	29
	%	17	24	59	100
	III	31	23	30	84
	%	37	27	36	100
	Σ	36	30	47	113
	%	32	26	42	100
Тунгусская волость	II	6	7	6	19
	%	31	38	31	100
	III	6	2	6	14
	%	43	14	43	100
	Σ	12	9	12	33
	%	36	28	36	100

¹ Составлено по: таблица IV.1.

² Составлено по: таблица IV.2.

Территориальная единица	Период	Срок водворения хозяйства			
		А	В	С	Σ
Киинская волость	II	1	23	3	27
	%	4	85	11	100
	III	330	51	31	312
	%	74	16	10	100
	Σ	231	74	34	339
	%	68	22	10	100
По Северному району Северно-Уссурийского края	II	12	37	26	75
	%	16	49	35	100
	III	267	76	67	410
	%	65	19	16	100
	Σ	279	113	93	485
	%	58	23	19	100
Лутковская волость	II	0	3	0	3
	%	0	100	0	100
	III	85	74	3	162
	%	52	46	2	100
	Σ	85	77	3	165
	%	51	47	2	100
Введенская волость	II	0	1	0	1
	%	0	100	0	100
	III	15	33	1	49
	%	31	67	2	100
	Σ	15	34	1	50
	%	30	68	2	100
Тихоновская	II	3	0	0	3
	%	100	0	0	100
	III	67	28	4	99
	%	68	28	4	100
	Σ	70	28	4	102
	%	69	27	4	100
Успенская волость	II	62	25	11	98
	%	63	26	11	100
	III	341	212	27	580
	%	59	36	5	100
	Σ	403	237	38	678
	%	59	35	6	100
По Южному району Северно-Уссурийского края	II	65	29	11	105
	%	62	28	10	100
	III	508	347	35	890
	%	57	39	4	100
	Σ	537	376	46	995
	%	57	38	5	100
Всего по Северно-Уссурийскому краю	II	77	66	37	180
	%	43	37	20	100
	III	775	423	102	1300
	%	60	32	8	100
	Σ	825	489	139	1480
	%	56	33	11	100

**Таблица IV.6. Сроки водворения крестьян-переселенцев, по волостям.
Южно-Уссурийский край¹**

Территориальная единица	Период	Срок водворения			
		А	В	С	Σ
Ольгинская волость	I	0	0	3	3
	%	0	0	100	100
	II	30	9	3	42
	%	71	21	8	100
	III	40	21	3	64
	%	62	33	5	100
	Σ	70	30	9	109
	%	64	28	8	100
Сучанская волость	I	0	0	0	0
	%	0	0	0	0
	II	115	85	23	223
	%	52	38	10	100
	III	41	46	40	127
	%	33	36	32	100
	Σ	156	131	63	350
	%	45	37	18	100
Цемухинская волость	I	0	0	0	0
	%	0	0	0	0
	II	6	1	2	9
	%	67	11	22	100
	III	2	0	3	5
	%	40	0	60	100
	Σ	8	1	5	14
	%	57	7	36	100
Раздольнинская волость	I	0	1	4	5
	%	0	20	80	100
	II	1	38	26	65
	%	1	59	40	100
	III	6	2	40	48
	%	13	4	83	100
	Σ	7	41	70	118
	%	6	35	59	100
Всего по Южному району Южно-Уссурийского края	I	0	1	7	87
	%	0	12	88	100
	II	152	133	54	339
	%	45	39	16	100
	III	89	69	86	244
	%	37	28	35	100
	Σ	241	203	147	591
	%	41	34	25	100

¹ Составлено по: таблица IV.3.

Территориальная единица	Период	Срок водворения			
		А	В	С	Σ
Осиновская волость	II	160	52	19	231
	%	69	23	8	100
	III	29	19	4	52
	%	56	36	8	100
	Σ	189	71	23	283
	%	67	25	8	100
Ивановская волость	II	179	30	26	235
	%	76	13	11	100
	III	132	126	20	278
	%	48	45	7	100
	Σ	311	156	46	513
	%	61	30	9	100
Всего по Восточному району Южно-Уссурийского края	II	339	82	45	466
	%	73	17	10	100
	III	161	145	24	330
	%	49	44	7	100
	Σ	500	227	69	796
	%	63	28	9	100
Суйфунская волость	I	0	6	10	16
	%	0	37	63	100
	II	36	7	9	52
	%	69	14	17	100
	III	0	0	2	2
	%	0	0	100	100
	Σ	36	13	21	70
	%	51	19	30	100
Покровская волость	I	4	2	1	7
	%	57	29	14	100
	II	130	27	26	183
	%	71	15	14	100
	III	42	25	11	78
	%	54	32	14	100
	Σ	176	54	38	268
	%	66	20	14	100
Борисовская волость	I	0	1	0	1
	%	0	100	0	100
	II	10	41	2	53
	%	19	77	4	100
	III	2	24	8	34
	%	6	71	23	100
	Σ	12	66	10	88
	%	14	75	11	100

Территориальная единица	Период	Срок водворения			
		А	В	С	Σ
Григорьевская волость	I	0	0	0	0
	%	0	0	0	0
	II	357	103	33	493
	%	72	21	7	100
	III	169	43	8	220
	%	77	20	3	100
	Σ	526	146	41	713
	%	74	20	6	100
Ханкайская волость	I	11	20	11	42
	%	26	48	26	100
	II	44	18	11	73
	%	60	25	15	100
	III	177	80	20	277
	%	64	29	7	100
	Σ	232	118	42	392
	%	59	30	11	100
Всего по Западному району Южно-Уссурийского края	I	15	29	22	66
	%	23	44	33	100
	II	577	196	81	854
	%	68	23	9	100
	III	390	172	49	611
	%	64	28	8	100
	Σ	982	397	152	1531
	%	64	26	10	100
Черниговская волость	II	368	103	38	509
	%	72	20	8	100
	III	166	147	18	331
	%	50	44	6	100
	Σ	534	250	56	840
	%	64	30	6	100
Спасская волость	I	1	1	2	4
	%	25	25	50	100
	II	395	120	8	523
	%	75	23	2	100
	III	290	171	6	476
	%	82	37	1	100
	Σ	686	292	16	994
%	69	29	2	100	
Зеньковская волость	II	60	83	8	151
	%	40	55	5	100
	III	266	62	4	332
	%	80	19	1	100
	Σ	326	145	12	483
	%	67	30	3	100

Территориальная единица	Период	Срок водворения			
		А	В	С	Σ
Всего по Северному району Южно-Уссурийского края	I	1	1	2	4
	%	25	25	50	100
	II	823	306	54	1123
	%	69	26	5	100
	III	722	380	28	1130
	%	64	34	2	100
	Σ	1546	687	84	2317
	%	67	30	3	100
Всего по Южно-Уссурийскому краю	I	16	31	31	78
	%	20	40	40	100
	II	1891	717	234	2842
	%	66	26	8	100
	III	1362	790	187	2339
	%	58	34	8	100
	Σ	3269	1538	452	5259
	%	62	29	9	100

Таблица IV.7. Сроки водворения крестьян-переселенцев. Приморская область¹

Территориальная единица	Период	Срок водворения			
		А	В	С	Σ
Всего по Приморской области	I	16	42	33	91
	%	18	46	36	100
	II	2045	785	271	3101
	%	66	25	9	100
	III	2138	1214	290	3642
	%	59	33	8	100
	Σ	4199	2041	594	6834
	%	61	30	9	100

¹ Составлено по: таблицы IV.4 – 6.

Приложение V. Соответствие исторических и современных названий географических объектов Приморской области

Таблица V.1. Соответствие исторических и современных названий географических объектов, использованных в исследовании¹

Историческое название	Современное название
Амбабира, река	Амба, река
Даубихинский, хребет	Синий, хребет
Даубихэ, река	Арсеньевка, река
Иман, река	Большая Уссурка, река
Конгоуза, река	Суходол, река
Лефу, река	Илистая, река
Лифудзин, река	Малиновка, река
Лифулэ, река	Зеркальная, река
Майхэ, река	Артёмовка, река
Мо, река	Мельгуновка, река
Монгугай, река	Барабашевка, река
Сандагоу, река	Минеральная, река
Сидими, река	Нарва, река
Синда, озеро	Синдинское, озеро
Сиянхэ, река	Комиссаровка, река
Суйфун, река	Раздольная, река
Сучан, река	Партизанская, река
Сяудеми, река	Волчанка, река
Таудеми, река	Литовка, река
Тетюхе, река	Рудная, река
Тумень-Ула, река	Туманная, река
Улахэ, река	Уссури, река
Холуэ, река	Тумановка, река
Цимухэ, река	Шкотовка, река
Чирка, река	Чирки, река
Шитухэ, река	Петровка, река
Эрльдагоу, река	Соколовка, река

¹ Составлено по: Соловьев Ф. В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1975. – 224 с.